

СТОЛИЦА

№ 08 (43)
1991 г. Труб. 30 коп.

Зима 91-92:
Голод
Холод
Разруха ■

иллюстрированный еженедельник

**Коммерческая фирма «Альтаир»
ВПТО «Видеофильм» предлагает
художественные, музыкальные,
документальные, учебные и
другие видеопрограммы
собственного производства и
закупленные за рубежом.**

**Все программы, предложенные Вашему
вниманию, обладают Государственным
союзным прокатным удостоверением.**

Фирма «Альтаир» осуществляет:

- продажу прав на коммерческое использование видеопрограмм ВПТО «Видеофильм» на территории СССР;
- выдачу Государственных союзных прокатных удостоверений на видеопрограммы собственного производства, либо на основании контракта с правообладателем;
- размещение заказов на производство видеофильмов и рекламных роликов на базе технического видеоцентра ВПТО «Видеофильм»;
- тиражирование видеопродукции в необходимых Вам форматах и стандартах;
- ремонт и техническое обслуживание профессиональной и бытовой видеотехники;
- размещение Вашей рекламы на кассетах с записями наиболее популярных видеопрограмм;
- посреднические услуги по реализации киноvideопродукции прочих организаций;
- консультации по вопросам видео.

Наш адрес: 103877, Москва, Малый Гнездниковский переулок, д.7.

 924-06-28; 921-45-28

Владимир КОСЕНКО

МЫ РАБОТАЕМ ТАК, КАК ЖИВЕМ

Владимиру Петровичу КОСЕНКО 53 года. По образованию — химик. Ученая степень — кандидат экономических наук. Никогда не состоял в партии. Работает в Министерстве промышленности РСФСР.

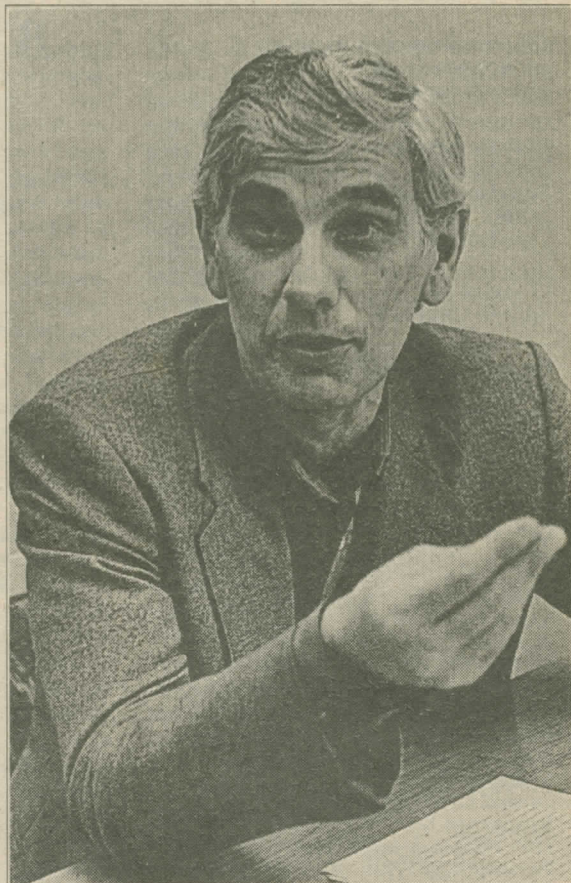

Фото В.Шишова

Подведем итоги эволюции системы, которая наконец-то потерпела окончательный крах. С этих позиций я бы отметил четыре основные особенности нашего народного хозяйства.

Первая. В своей основе народное хозяйство СССР является экономически неэффективным, убыточным, и существуем мы только за счет распродажи природного национального достояния: алмазов, золота, нефти, газа, леса и пушны. В отличие, скажем, от США, где вся сфера материального производства вносит свой вклад в формирование национального дохода, а содержание армии, государственного аппарата и прочих непроизводительных расходов осуществляется за счет налоговых отчислений и ренты, наша обрабатывающая промышленность в значительной своей части существует за счет перераспределения национального дохода, созданного в добывающих отраслях. И это при том, что у нас самая большая армия в мире, громадный спрут ВПК и самый мощный репрессивный аппарат.

Понятно, что такая экономика существует только за счет сверхэксплуатации работников. Лживость тезиса Абалкина

— «мы живем так, как работаем» (почему бы не наоборот?) наиболее наглядно можно проиллюстрировать на примере нефтедобывающей отрасли. Нынешняя оптовая цена на нефть 70—80 руб. за тонну, в то время как августовские цены на нескольких отечественных товарных биржах колебались от 300 (Рязань) до 667 (Московская товарная биржа) рублей за тонну. Если же нефть экспортировать (как это и делает государство) и продавать за СКВ, покупать за рубежом товары народного потребления и реализовывать их внутри страны, то за тонну нефти можно выручить 3000—4000 рублей. Вот это соотношение 80:4000 и обеспечивало функционирование советской экономики.

Однако к середине 80-х годов хищническое «снятие сливок», при котором из нефтеносных пластов извлекается в более 20 процентов содержащейся в них нефти, завершилось. Стала снижаться добыча, а вместе с ней и экспорт нефти — со 144 млн. тонн в 1988 году до 60 млн. тонн в 1991 году. Соответственно в конце 1990—начале 1991 года валютно-финансовое положение страны стало критическим в результате сокращения экспорта нефти и сохранения на высо-

ком уровне импорта, в частности зерна. По оценкам ряда международных финансовых организаций, за 1990 год дефицит торгового баланса превысил 6 млрд. долларов, а общая внешняя задолженность к концу 1991 года достигнет 80 млрд. долларов. Отсюда ясно, что возможности содержать неэффективные отрасли за счет добывающих отраслей к настоящему времени резко сократились.

Второй важнейшей особенностью нашего народного хозяйства является его уродливая, извращенная структура. В промышленности три четверти продукции приходится на средства производства и лишь одна четверть на предметы потребления, в то время как для западных стран нормальным является обратное отношение.

Казалось бы, при таких объемах производства средств производства мы полмира должны снабжать станками, машинами и оборудованием для всех отраслей народного хозяйства. Однако во времена благоприятной конъюнктуры, вызванной мировым энергетическим кризисом и высокими объемами добычи нефти в стране, мы являлись главным в мире импортером, а не экспортером.

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22

Телефон: 928-23-49

Телекс: 413739

Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ

Юрий БЫЧКОВ

Владимир ВОЙНОВИЧ

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Илья ЗАСЛАВСКИЙ

Марк ЗАХАРОВ

Александр МИНКИН

Аркадий МУРАШЕВ

Анатолий ОСТРОУХОВ

(ответственный секретарь)

Владимир ПЕТРОВ

(главный художник)

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Александр ПОЛЯКОВ

Анатолий РУБИНОВ

Петр СМИРНОВ

(зам. главного редактора)

Сергей СТАНКЕВИЧ

Галина СТАРОВОЙТОВА

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

(зам. главного редактора)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Владимир ЦВЕТОВ

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

(зам. главного редактора)

Владислав ЯНКУЛИН

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.

Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Esonews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Esonews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Fax: 41.21—311.45.11

Tel.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 27.09.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков 1991г. — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате

142300, г. Чехов Московской области. Зак.1600.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Мы работаем так, как живем
В.Косенко

ВЗГЛЯД

- 16 Августовская революция: рабоче—мимо. Что дальше?
А.Мешков

ЖИЗНЬ

- 19 После переворота: на сцене товарищ Шариков
А.Воробьев

ГОРОД

- 21 Сниму квартиру на ваших условиях
Е.Аверина

КЛИНИКА

- 31 Не бывает умеренной «памяти»
Н.Ларин, Ю.Рыбчинский

ПЕРЕПИСКА

- 35 «Четвертого Рима» не будет. А будет всеозначный Карабах
С.Мезенцев

ПОДОПЛЕКА

- 39 «Нам не уйти от ислама...»
Г.Керимов

КУЛЬТУРКА

- 46 Руки за голову, марш задом
А.Митрофанов

ЗАКРЫТАЯ ЗОНА

- 58 Слишком хорошо жить — тоже плохо
Ю.Юрьев

МЫ

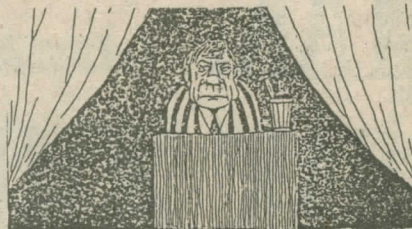
- 60 Самый молодой миф
М.Смоляницкий

БУМЕРАНГ

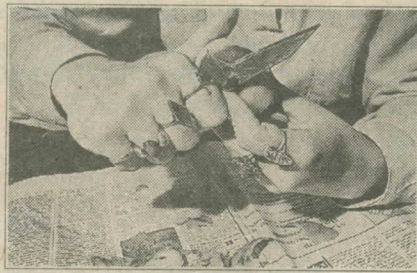
- 62 Дым Отечества
Н.Климонтович

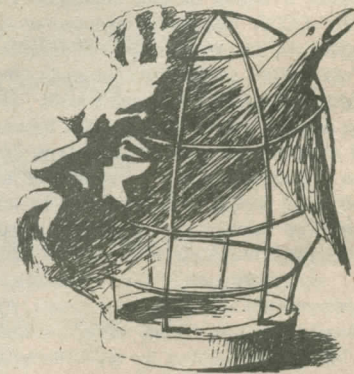
- 12 О философии чрезвычайности беседуют тет-а-тет С.Кургинян и А.Кабаков

- 23 Адвокат Абдулла ХАМЗАЕВ: «Почему я взялся защищать Янаева.»

- 28 Вопрос: Сколько тонн золота пропало на ювелирных заводах за советский период истории? Ответ: Не знает никто.

- 50 Вячеслав ПЬЕЦУХ: «...Горький был горьким художником, бурным общественным деятелем... заманчивым собеседником, верным товарищем, милым, добродушным мужиком, то есть он был хороший человек, да только литературе-то от этого не холодно и не жарко.»

Над номером работали:
В.Цыбульский, А.Остроухов,
И.Мельникова

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Директор издательства
Борис РАБКИН

разнообразного оборудования. Объяснить феномен просто: наше производство средств производства в подавляющей своей части — затраты «на оборону».

Снижение произведенного национального дохода, начавшееся в прошлом и продолжающееся в текущем году, вызвано общим спадом промышленного производства в целом и падением добычи нефти в частности. Но это, как ни странно, привело не к снижению, а к росту затрат «на оборону», не только относительному, но и абсолютному. Если, по расчетам бывшего советского ученого И.Бирмана, расходы СССР на оборону в 1988 году были равны 200 млрд. руб. (при заниженных ценах на военную технику) и составляли около четверти валового национального продукта, то, по мнению крупнейшего специалиста в области конверсии В.Первышина, с учетом затрат гражданских отраслей военные расходы СССР в 1990 году составили уже 480 млрд. руб. Значит, они поглотили 51,9% валового национального продукта, или 73,1% произведенного национального дохода.

По данным того же В.Первышина, такая «гражданская» отрасль, как черная металлургия, 60% всей продукции госзаказа поставяет предприятиям ВПК, 5% — военной науке, 10% — армии, КГБ, МВД. Цветная металлургия полностью работает на ВПК. Топливо-энергетический комплекс 60% топлива поставяет армии, КГБ, МВД и 15% — ВПК. Предприятия «гражданского» Минстанкопрома 60—70% продукции направляют предприятиям ВПК, при этом в гражданском машиностроении (11 бывших министерств) занято 5 млн. 100 тыс. человек, а на предприятиях собственно ВПК — 14 млн. 400 тыс. человек.

И наконец, о численности тех, кому все это предназначается. Согласно переписи населения 1989 года, численность военнослужащих и сотрудников КГБ и МВД составляла 9 млн. 660 тыс. человек, из них штатных сотрудников КГБ и МВД — 4211 тыс. человек. Всем памятные события нескольких последних лет (в Фергане, Сумгаите, Тбилиси, Баку, Степанакерте, Вильнюсе и др.), завершившиеся августовским путчем, наглядно показали, что весь этот огромный аппарат подавления лишь в ничтожной своей доле нацелен на выполнение правоохранительных функций (налицо разгул преступности) и функций защиты страны (история с Рустом и др.). Основная задача аппарата подавления — удержание своего же народа и оправдание существования его создателей. Для сохранения монстра тоталитаризма в нынешних условиях необходимо 80% насе-

ления страны посадить на пайку скромнее тюремной. Следующая отличительная черта настоящего состояния экономики — полный развал денежной системы. Объективно снижающаяся возможность нормального финансирования ВПК и аппарата подавления была «компенсирована» кабинетами Рыжкова и Павлова преступной порчей денег: накачиванием в оборот ничем не обеспеченных бумажек. Экономическое содержание этой практики — ограбление широких слоев населения, поскольку в сочетании с привилегированным, гарантированным снабжением престижных отраслей (ВПК) и номенклатуры она не могла не привести к обескровливанию гражданских отраслей и развалу розничной торговли.

Заметный вклад в развал внесли законы о государственном предприятии и о кооперации, способствовавшие переводу безналичных средств предприятий в наличные деньги кооперативов. Свою долю в разрушение рынка добавили и республики принятием экономически не обеспеченных, но популистски оправданных социальных программ.

Результат всей этой вакханалии таков: если до перестройки в обращение ежегодно добавлялся 3—4 млрд. руб., то в 1988 — 11,5, в 1989 — 18, в 1990 — 25, а в 1991 г., по прогнозу, эмиссия достигнет 150 млрд. руб. В течение года денежная масса будет почти удвоена. По самым оптимистическим прогнозам, нищенское наполнение рубля, существовавшее в конце 1990 г., до конца текущего года снизится не менее чем в 6—8 раз. В сущности это смертный приговор существующей денежной системе.

Четвертая особенность теперешнего состояния народного хозяйства страны является следствием откровенного уголовно-криминального характера действовавшей партийно-государственной власти на протяжении последних 25 лет. Масштабы коррупции и казнокрадства, вложения валютных средств в зарубежные банки, создание подставных СП как в стране, так и за рубежом имели такой массовый характер, что есть все основания говорить о потенциальной возможности финансирования переходного периода за счет, хотя бы частичного, возврата разворованного в государственную казну. О масштабах похищенного говорят такие примеры. Полтора года назад американский политолог А.Янов сообщил о широко известном существовании в западных банках советских вкладов на сумму 15 млрд. долларов (!), сделанных в «золотое» время брежневского застоя. Уже в 1990 году на мировой рынок поступило 450 тонн советского

золота, в два раза больше того количества, о котором сообщал бывший глава КМ СССР В.Павлов. Остается открытым вопрос: где спрятано более 200 тонн золота или на что израсходовано 1,5 млрд. долларов? По отдельным оценкам, общая сумма советского имущества и активов СССР за рубежом составляет около 100 млрд. долларов. Если нам удастся вернуть хотя бы четверть из этой суммы, мы могли бы безбедно пережить один из самых сложных, драматичных периодов нашей истории.

Предлагаемые мной меры непосредственно вытекают из описания существующей ситуации. Следует приступить к немедленному сокращению армии, не дожидаясь очередного раунда Венских переговоров. Над ними не каплет, а для нас речь идет не о сохранении лица как ядерной сверхдержавы, а о физическом выживании народа. Не сомневаюсь ни на минуту, что страны НАТО не отстанут от нас в этом благом деле. Численность армии, включая пограничные войска, через два года не должна превышать 1—1,5 млн. человек. (Во время военной реформы, проведенной Фрунзе в 20-х гг., количество военнослужащих было сокращено с пяти миллионов до полумиллиона человек.)

Войска, выводимые с территории Германии, Польши, Прибалтийских республик, должны быть расформированы. Подавляющую часть высвобождаемых средств следует израсходовать на социальное обустройство военнослужащих. Увольняемым в запас офицерам и прапорщикам по их желанию должны бесплатно предоставляться земельные участки в частную собственность (эта практика имела место еще в Древнем Риме), кредиты на обустройство хозяйства, строительные материалы и сельхозтехника на льготных условиях.

Необходимо уже со следующего месяца прекратить всякую помощь, включая, разумеется, продовольственную, режимам Кастро и Наджибуллы. В нынешних условиях эта помощь является преступлением перед своим народом.

С Японией следует незамедлительно начать переговоры о безвозмездной передаче ее северных территорий. Это их земли, и мы должны осознать, что в те августовские дни и ночи перед «Белым домом» нами начата новая эпоха мировой истории, подводящая черту под экспансионистской, имперской стадией существования России. Не безнравственно ли держаться за четыре чужих голых острова в океане в то время, когда наши дети падают в обморок от недоедания? Не забудем и об экономической стороне данной проблемы. Япония, являясь одной из самых богатых стран мира, на

90% зависит от поставок ближневосточной нефти, а нам предстоит четвертая индустриализация в виде полного переоснащения всего народного хозяйства. Объективно мы так же нуждаемся в Японии, как и она в нас. После возвращения Японии ее северных территорий (но ни днем раньше) откроются поистине блистательные перспективы нашего экономического сотрудничества. Нужно быть слепым, чтобы не видеть этого.

Ближайшее заседание Государственного совета с привлечением независимых военных экспертов должно определить минимально необходимую военную программу для предприятий ВПК до конца 1991 и на весь 1992 г., полагая, что общие расходы на военно-промышленный комплекс должны быть сокращены в годовом исчислении в 4—5 раз. Принятую производственную программу следует разместить на конкурсной основе в виде государственного заказа на тех предприятиях ВПК, которые предложат наиболее выгодные (дешевые) условия его выполнения. Для остальных предприятий ВПК можно сохранить бюджетное финансирование только заработной платы сотрудников. Это государственное финансирование зарплаты для работников предприятий ВПК, не задействованных в выполнении военных заказов, необходимо снижать на 5 процентов каждый месяц от ее базовой величины, чтобы побудить их всерьез заняться переориентацией своих производств на выпуск мирной продукции.

На том же заседании Государственного совета необходимо решить вопрос о существенном снижении норм расхода всех видов топлива и смазочных масел для армии до конца 1991 и на весь 1992 год. По мере сокращения армии эти нормы должны быть восстановлены.

Существующая денежная система реанимации не подлежит. Следует учитывать, что большинство республик в ближайшее время введет ту или иную разновидность собственной валюты. Поэтому потоки вконец обесцененных денег хлынут туда, где сохранится нынешняя денежная система.

Кроме того, необходимое условие перехода к нормальной рыночной экономике — либерализация цен не может быть проведена при полной разбалансированности товарно-денежного обращения, если не предусмотреть, во избежание голодной смерти трети населения, их обеспечение бесплатным, как минимум двухразовым, питанием.

Ввиду абсолютной фантастичности этого проекта и принимая во внимание вполне реальную перспективу голодной зимы для значительной части населе-

ния, следует незамедлительно приступить к созданию республиканской валюты. По мере ее готовности (длительность подготовки любой ценой следует сократить до минимума) рублевые счета в сбербанках должны быть заморожены (исключение следует сделать для пенсионеров — по установленному минимуму). Все рублевые накопления без ограничений наряду с индивидуальными приватизационными счетами граждан должны быть использованы для покупки государственного имущества (акций предприятий, квартир, объектов торговли и коммунального обслуживания и др.).

И только после введения республиканской валюты (или одновременно с ним) можно «отпустить» цены. Исключения составят отдельные виды топлива, государственное регулирование цен на которые должно сохраниться в той или иной мере еще довольно длительное время во избежание банкротства большинства предприятий обрабатывающей промышленности. Важно отметить, что после перехода на республиканскую валюту недопустим даже малейший дефицит государственного бюджета: все государственные расходы не должны превышать полученных доходов.

Проекты экономического соглашения между республиками, составлявшими не так давно СССР, разработанные различными группами исследователей, с моей точки зрения, не могут быть основой, определяющей экономические отношения между вновь возникшими суверенными государствами. Проект Конвенции Шаталина подписан может быть всеми, но именно потому, что данный документ ни к чему не обязывает договаривающиеся стороны, поскольку его содержание сводится к известному призыву: «Ребята, давайте жить дружно!» Проекты же Сабурова и Явлинского окажутся неприемлемыми для республик в той или иной их части, поскольку конкретное наполнение соглашений (в данных условиях) не может быть единым для всех.

Мне представляется, что основой экономических отношений между республиками послужит серия двусторонних соглашений между ними. Причем специфика этих соглашений в том, что они будут определять отношения между суверенными государствами, каждое из которых в самом недалеком будущем будет иметь собственную, неконвертируемую валюту. А потому основным предметом этих договоров должны стать межбанковские соглашения по клиринговым расчетам, таможенные соглашения, соглашения о содержании воинских континентов и др.

Особого внимания заслуживает эко-

номия государственных расходов. Республиканским властям необходимо взять под собственный контроль всю добычу, производство и хранение драгоценных металлов и драгоценных камней. Провести полную инвентаризацию имеющихся богатств. С этой целью целесообразно создать специальный комитет при президенте РСФСР.

Следует сохранить лишь часть центрального аппарата КГБ, ликвидировав все его отделения на местах, и выделить управление, занимающееся поиском советского имущества за границей, включая секретные валютные счета КПСС. Для этого управления следует разработать специальную систему вознаграждений. Вся внешнеэкономическая деятельность также должна определяться республиканскими органами, в том числе реализация на внешнем рынке высвобождаемой военной техники и вооружений. (Объединенная Германия от продажи поставленного нами военного имущества бывшей ГДР выручила кругленькую сумму, значительно превышающую те 12 млрд. немецких марок, которые мы получили в качестве компенсации.)

Сказанное относится не только к внешнеэкономическому ведомству, но и к прочим хозяйственным структурам бывшего Союза ССР. Из других статей государственных расходов, нуждающихся в значительном сокращении, следует назвать космонавтику (только в 1987 году было израсходовано 30 млрд. долларов — больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых). Необходимо прекратить государственное финансирование разнообразных синекур в виде Комитета защиты мира, Комитета дружбы каких-то народов, академических институтов по общественным, с позволения сказать, наукам и др. В качестве обязательной меры следует предусмотреть усиление жесткого и, главное, квалифицированного парламентского контроля за всеми статьями государственных расходов.

В заключение хотел бы отметить, что практическая реализация предлагаемой программы потребует от российского руководства мужества и воли ничуть не меньших, чем при защите демократии во время августовских событий этого года. Кредит доверия народа у правительства, Верховного Совета и президента России пока есть. Нужно использовать его эффективно и максимально быстро, ибо терпение народа не беспредельно, а его состояние, вызванное беспросветной нуждой, на грани самопроизвольного взрыва.

Евгений СОСИН

ЗАГРАНИЦА НАС ПОДКОРМИТ,

НО ОЧЕРЕДЕЙ ЗА МОЛОКОМ И ХЛЕБОМ НЕ ИЗБЕЖАТЬ. А ЗА МЯСОМ ОНИ И ТАК ВСЕГДА БЫЛИ.

Как Валентин Сергеевич чуть не переплюнул
Николая Ивановича

За три дня до сенсационного выступления Рыжкова по телевидению (когда премьер задолго до повышения цен обосновал, почему они должны быть немедленно повышены) в пресс-центре МИД Абалкин, Янаев и Маслюков отвечали на вопросы журналистов.

— Леонид Иванович, — обратилась одна журналистка к Абалкину, — а вы не опасаетесь, что после публичного выступления премьера люди ринутся в магазины и скупят последние товары?

— Чисто женский вопрос, — рассмеялся идеолог экономической реформы.

Спустя три дня магазины были в прямом смысле слова опустошены. Хватали все подряд: макароны, муку, крупу, соль, спички... Раскупив продовольствие, жители переключились на промтовары — начали запасаться мылом, стиральными порошками, чулками-носками, топорами...

По данным Института потребительского рынка и маркетинга, ажиотажный спрос обошелся государству в 40 миллиардов рублей. (Счет бы Николаю Ивановичу предъявить.) Институт проводил в это время многочисленные социологические исследования по поводу ажиотажа покупок и однажды предложил «паникерам» самостоятельно оценить свои запасы. Заметьте, людям было предложено определить излишки, исходя не из абстрактных, как у нас говорят, научно обоснованных норм, а из соображений здравого смысла. Получилось, что у среднего покупателя чая дома вдвое больше, чем требуется, сахара — в два с половиной раза, рыбных и мясных консервов — в два раза больше. Мука, крупы, макароны приобретены на год вперед.

Анатолий Комин, тогда еще зампред Госкомцен СССР, прокомментировал ситуацию так: «Я предупреждал Рыжкова, что делать доклад нельзя. Потребительский рынок будет разрушен вмиг и до основания. А Николай Иванович на-

стаивал — с народом надо быть честным...»

К чему, казалось бы, вспоминать эти события. Положение хоть на время, да стабилизировалось: появились макароны, крупы, мука без очереди. Но все это могло повториться вновь, и паника обошлась бы уже не в 40 миллиардов, а в 100 и более: цены-то новые. С середины лета бывший премьер Павлов начал настаивать на чрезвычайных мерах, обосновывая их необходимость надвигающейся разрухой, холодом, а главное — голодом. За несколько дней до 19 августа на пресс-конференции Валентин Сергеевич уже открыто страдал голодом. Правда, на вопрос — как будет выглядеть этот голод? — Павлов не ответил. Но изо дня в день повторял — голод, голод, голод... На широкую аудиторию, как Николай Иванович, он, слава богу, не вышел. Где-то промелькнули короткие сообщения, и граждане еще не успели проникнуться надвигающейся катастрофой. И как сразу поверить — в отличие от честного предшественника этот премьер, случалось, обманывал. Но в сознании где-то отложилось — голод возможен.

Теперь вроде бы страшать незачем и пора спокойно разобраться — как на самом деле складывается ситуация с продовольствием? Прежде чем приводить цифры, надо честно признать — голодать мы начали не в последние годы. Магазины российских городов десять лет назад были так же пусты, как сейчас. «Колбасные» электрички в Москву — изобретение отнюдь не перестроечное. А на Украине, например, как покупали мясо на рынке, так и покупают по сей день. И оно даже сегодня по карману человеку со средними доходами. В разных республиках, областях и городах продовольственный кризис имеет совершенно разные очертания и глубину. И некорректно рассуждать о голоде, словно об эпидемии холеры, которая валит с ног всех без разбору. К тому же статистика

еще не научилась учитывать, сколько продуктов жители заготавливают на зиму сами, с личных огородов. Там ведь и кур разводят, и кроликов, и коз. Любопытный факт: социологи опрашивали в сентябре москвичей — как они представляют голод? Большинство участников опроса ответили: «Как в войну». Но на вопрос: «Допускают ли такое положение этой зимой?» — все только улыбались: «Нет, конечно!» Вот так: нас пугают, а нам не страшно.

ПОЧТИ ОФИЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА

В январе президент СССР утверждает Программу неотложных мер по улучшению продовольственного положения страны. Она рассчитана на один 1991 год. Цель — не допустить спада производства и душевого потребления продуктов питания. Выпуск продовольствия предполагалось увеличить на 10—11 миллиардов рублей (в розничных ценах 1990 года), а поставки в торговую сеть поднять на шесть—семь процентов.

Все союзные республики подписали соглашение, касающееся поставок продовольствия и сельскохозяйственного сырья. В документе были четко определены обязанности Союза ССР, с одной стороны, и союзных республик — с другой. Предусматривалось, в частности, что при недопоставке продукции виновенная сторона уплачивает штраф в размере 50 процентов от ее стоимости. Но оплата штрафа не освобождала от самой поставки. И все-таки анархии в продовольственном снабжении избежать не удалось.

Пришла весна, и опасения — не будет ли сорвана посевная кампания — чуть не оправдались. В новый хозяйственный сезон колхозы и совхозы вступили ослабленными. В цифрах это выглядело так — тракторов они недополучили 63 тысячи, грузовиков — 29 тысяч, минеральных удобрений — почти на пять миллионов тонн, средств защиты растений более чем на 20 тысяч тонн и тому подобное... Вдобавок расцвел дикий

бартер. С колхозов и совхозов промышленные предприятия стали, образно говоря, драть три шкуры вместо одной.

В апреле Верховный Совет СССР принимает постановление «О положении дел в сельском хозяйстве и неотложных мерах по подготовке к полевым работам». Президент СССР вдогонку издает Указ «О неотложных мерах в сельском хозяйстве». Поднажали, скомандовали, и...помогло. Посевную провели. Погода, в основном, была благоприятной. «Подгорели» лишь некоторые районы Сибири, Урала, Среднего Поволжья, Северного Кавказа. Но до засухи не дошло. А то было бы на что свалить.

ЗЕМЛЮ — КРЕСТЬЯНАМ?

Прежде чем перейти от посевной к дням нынешним, позволю короткое отступление. Попробую проанализировать события последних лет. Ведь многие убеждены — еще недавно так плохо не было, значит, хозяйствовало лучше?

Чтобы хоть как-то простимулировать развитие села, в конце 1985 года в стране была проведена перестройка системы управления отраслями агропромышленного комплекса. И вроде бы даже появились результаты. В этом, по крайней мере, уверяют статистики. С 1986 по 1989 год увеличение производства мяса и молока составляло десять процентов! Ежегодно! Именно в это время зародились коллективный и семейный подряды, внутрихозяйственный расчет.

В начале 1989 года решено было коренным образом изменить экономические отношения в деревне. (Но землю крестьянам не давать.) Впервые у колхозника появилась возможность стать фермером. И за два года, преодолевая колоссальное сопротивление колхозных и совхозных аппаратчиков, все-таки было создано примерно 70 тысяч фермерских хозяйств. Много это или мало? Ничтожное количество. Вдобавок фермеры подчас вели борьбу за существование, а не работали. Поэтому перелома не произошло. По оценкам экономистов, в 1990 году неудовлетворенный спрос на продукты питания составил примерно 40 миллиардов рублей. А продано было продуктов на 136 миллиардов. Но, заметьте, никто с высоких трибун голодом не пугал. Нас вообще тогда не пугали, мы сами всего боялись.

Главная причина провала сельского хозяйства известна давно, с семнадцатого года, — крестьянин отчужден от земли. Вопреки историческому лозунгу он ее по сей день не получил. А тут еще нерациональная плановая и ценовая политика на протяжении семи десятилетий... Сельское хозяйство страдало и от административно-командных методов управления, и от монополизма произво-

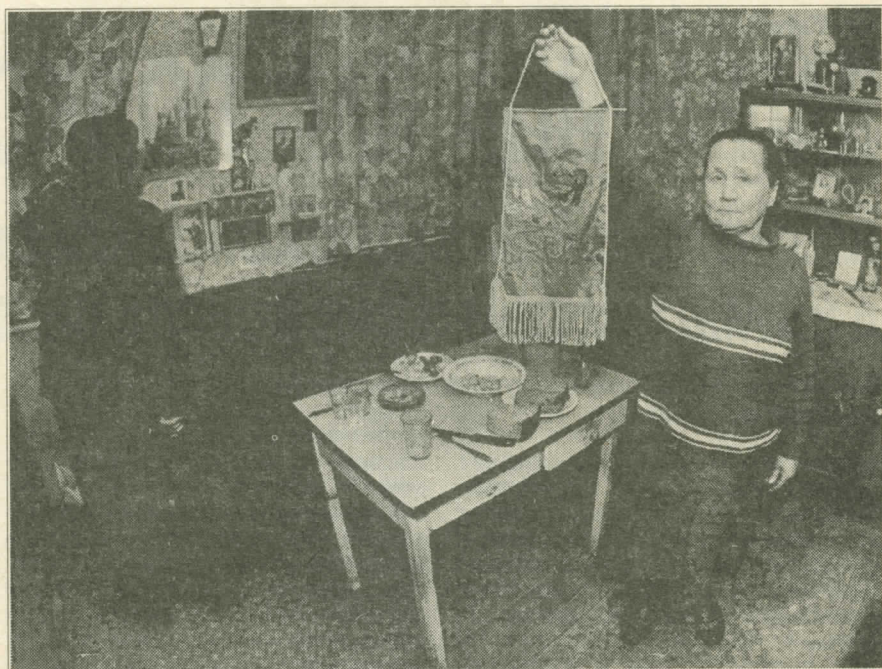

Фото И. Флиса

дителей средств производства, и от заготовителей, от торговли тоже. А раньше крестьянин маялся разве что от непогоды да от ленивого помещика, когда такой попадался. Отсутствие здоровой конкуренции привело к безудержному росту затрат и низкому качеству продукции.

Отставание сельского хозяйства от мирового уровня по урожайности полей и продуктивности животноводства стало рекордным. Комплексной механизацией не охвачена ни одна подотрасль. Энергоемкость конечного продукта в полтора—два с половиной раза выше, чем в развитых государствах. Созданная система машин для комплексной механизации производства и переработки продукции освоена промышленностью лишь на две трети. Поэтому вручную выполняется более трехсот технологических операций, на которых занято 12 миллионов человек. А это приводит к потерям 25—30 процентов зерна, 40—45 процентов картофеля и овощей. И даже то, что вырастили и собрали, тоже используется неразумно. Отсюда крайне скудный ассортимент. Он в десятки раз меньше, чем в развитых странах. Все эти перекосы рано или поздно должны были сработать. И они сработали сейчас.

ТАК БУДЕТ ЕДА ИЛИ НЕТ?

Вопрос почти из анекдота. Но задают его сегодня совершенно серьезно. Статистические сводки показывают — на грани срыва торговля сахаром, растительным маслом, маргарином... В Тверской области, например, уже несколько

месяцев не выдают талоны на сливочное масло — масла нет. Хуже стало со снабжением молочными продуктами. Предприятия агропромышленного комплекса произвели в январе—июне продовольственных товаров почти на десять процентов меньше, чем за такой же период прошлого года. Сократились государственные закупки молока, скота, птицы в среднем на 13 процентов. Валовой сбор зерна, по оценкам специалистов, ожидается на уровне 180 миллионов тонн — на 38 миллионов меньше, чем в прошлый, урожайный, год. Зато сахарной свеклы, овощей, подсолнечника должно быть не меньше. Не все благополучно с импортом. Из запланированных в первое полугодие закупок на сумму семь миллиардов рублей завезено лишь на три.

Понимаю, миллиарды, миллионы тонн мало о чем говорят покупателям. Поэтому попытаюсь обрисовать ситуацию в более осязаемых цифрах. В последние годы среднестатистическое потребление мяса составляло 67 килограммов. Конечно, не каждая душа столько съела за год, но в среднем это было примерно так. Если заготовки мяса снизятся на полтора миллиона тонн, как обещают, то среднестатистическая душа съест не 67 килограммов, а 62. Аналогичные расчеты сделаны по всем видам продуктов. Допустим, в прошлом году мы ели 13 яиц в неделю, в этом обойдемся дюжиной. Молока выпивали десять литров в месяц, теперь выпьем около восьми с половиной. Каждая семья в состоянии сама сделать расчет на ближайшее время — для это-

го нужно отнять от прошлогоднего набора продуктов примерно десятую часть. Судя по всему, именно это пропитание экс-премьер называл голодным.

Так что еда будет. Правда, повторю, в меньшем по сравнению с прошлым годом количестве. Зато существенно воз-

растет продовольственная помощь с Запада. Уже названы конкретные суммы, отправлены первые контейнеры. Добавьте сюда такой немаловажный факт, как конец двоевластия. Ни райкомы, ни крайкомы уже не будут вмешиваться в продовольственное снабжение (или

неснабжение). Плюс урожай с бурно развившихся за год огородно-дачных хозяйств. Подводя итог, можно предположить — зима будет примерно такой же «голодной», как и минувшая. Так что переживем.

ПУХЛАЯ РУКА ГОЛОДА

Какие слова у нас самые ужасные, способные посеять панику и вызвать депрессию у слабонервной части населения? Ну, во-первых, «повышение цен», а во-вторых — «голод». Вопль «голод!» — словно сигнал красной ракеты для наученных советской жизнью граждан — все в рекордные сроки пытаются сделать хоть какие-то припасы. И дышится легче, если на зиму удалось раздобыть пару мешков картошки. Ничего, что квартира похожа на склад или мучной амбар: тут — банки, там — мешки. «Ничего, перезимуем», — говорят друг другу домочадцы, а думают: «Перезимуем ли?» И снова — по магазинам. А там — ничего нет.

Вот уже второй год нам предстоит пережить нелегкие осень и зиму (весьма холодную). А если дальше — хуже, если дальше — голод, то что же тогда сейчас? Неужели сытость? И вообще, что означает этот самый «голод»? Это когда умирают в очередях истощенные старушки и зверствуют каннибалы или когда изо дня в день чего-то не съедаешь?

Об этом беседа с заместителем директора института питания Академии Медицинских наук СССР Александром Константиновичем БАТУРИНЫМ.

— Александр Константинович! Второй год в Москве, которая прежде питалась лучше других городов, с продуктами едва ли не хуже, чем в любом южном поселке. Ну а стоит ли грустить по прошлому? Раньше-то мы питались «на уровне»? Не хуже «капиталистов»?

— Смотря каких капиталистов. Мяса мы съедали немного меньше, чем немцы, зато больше, чем турки. В принципе мы питались нормально, и хотя фруктов и овощей в наш рацион входило меньше, чем, скажем, в Греции или США, это объяснялось скорее традицией, чем нехваткой овощей и фруктов. Если говорить о калориях, то их количество почти не превышало нормы.

— А сейчас превышает?

— Социологические исследования показывают, что в последнее время, когда продукты достать довольно трудно, люди в основном перешли на традиционную картошку, относительно дешевые макароны, хлеб и вездельную вареную колбасу. А это значит, что человек стал съедать больше обычного углеводов и жиров (потому что в нашей колбасе больше жира, чем белка). Эти компоненты — носители энергии, которая не расходуется.

— То есть питаться вроде нечем, а люди толстеют?

— Примерно так. Причем давно уже создано множество новых низкожирных продуктов: очень полезные маргарины

(которые, кстати, в Америке едят за обе щеки, а сливочное масло не жалуют), всяческие салатные масла из плодовых косточек, семян винограда и помидоров. У нас — больше ста разработанных рецептов замены сахара в безалкогольных напитках, кондитерских и молочных продуктах. Но где все это? Как всегда, нет возможности для производства. Почти треть населения страдает ожирением, многие предрасположены к нему, а это — прекрасная среда для развития атеросклероза, ишемической болезни сердца, желчнокаменной болезни, диабета. Понавальная полнота, разумеется, не от хорошей жизни. Это болезненное состояние. Изменилась структура питания. Ведь человеку, кроме жиров и углеводов — да и то в умеренном количестве, — нужны белки, витамины и минеральные соли. Человек каждый день должен есть мясо (а если он вегетарианец — то заменители мяса, скажем, бобы), рыбу, яйца, молоко, творог, сыр...

— Сыр...

— Да, сыр, который в бытность свою содержал прекрасный животный белок. Должны быть овощи и фрукты, и много чего еще. Это называется пищевой плотностью рациона. Каждый из этих продуктов — источник особой группы веществ, необходимых организму для нормальной жизни, и сводится не только к тому, чтобы вкусно поесть. При недостатке витаминов человеку ничего не стоит за-

болеть: ослаблена его иммунная система.

— Можно ли это назвать пугающим словом «голод»?

— В принципе, да. Причем если сейчас еще есть возможность купить что-нибудь «свеженькое», то зимой фрукты-овощи будут только на рынках по страшным ценам. А у нас даже в семьях с довольно высоким доходом потребление витаминов ниже нормы. Если бы в аптеках продавались поливитаминные препараты типа исчезнувшего «Ундевита», положение было бы легче. К сожалению, многими витаминами нельзя наесться «впрок». Например, витамин С в организме не накапливается, а ежедневно требуется 70—80 его миллиграммов (столько и содержится в трехлитровой банке яблочного сока). Каждый день любому человеку требуется два яблока. В наше, а особенно грядущее время это не все смогут себе позволить.

— Положение с продуктами — политическая проблема. И те, кому не удалось сделать зимние припасы, должны будут уповать на правительство: удастся ему договориться о поставках или нет? И стоять в очередях. А вообще, чем чреваты эти испытания советского народа на прочность?

— Многочисленными болезнями, недолгой жизнью, подавленным настроением. Понимаете, это наше медленное вырождение. От передря с едой больше всех страдают дети: они не получают нужных веществ ни в материнском молоке (потому что мамы ни когда вынашивают, ни когда кормят ребенка не питаются намного лучше всех остальных), ни когда их начинают «докормливать», ни в более старшем возрасте. В молочных смесях типа «Малыш» и «Малютка» не хватает многих компонентов. Из-за того, что нет специальных линий и — особенно — сырья, до сих пор не выпускаются новые смеси. А, между прочим, почти у 60 процентов наших детей — рахит, гипотрофия или диатез, а у 10 процентов — анемия. Если ребенку не хватает белка, это обязательно отразится на его нервной системе. И отражается... Дальше так продолжаться не должно.

Беседу вела Елена АБЕРИНА

Герман ЛОМАНОВ

ЗАМЕРЗНЕМ, ВЫМЕРЗНЕМ ИЛИ ВЫЖИВЕМ

На этот вопрос не в состоянии ответить сегодня ни один специалист. Зато все пугают холодом.

Вот и вспомнились послевоенные популярные куплеты:

*Мама, мама, что мы будем
делать,
Когда настанут злые холода —
У тебя нет теплого платочка,
У меня нет зимнего пальца.*

Правда, пальто сейчас наверняка у каждого имеется, от дома до работы добежать можно. Но как быть, если и в квартирах, и на службе столбик термометра не будет подниматься выше 5—10 градусов? Ведь именно так представляется холод городскому жителю, когда с мороза попадаешь опять в «мороз». А тут еще синоптики нагоняют страху, предсказывают, что нынешняя зима будет не такой мягкой, как прошлая. Так переживем ли мы ее? Ведь тепло не консервы, впрок не запащется.

Судите сами — еще пару лет назад нефти и газа мы добывали 624 миллиона тонн. И этого хватало впритык, чтобы обогреться и не в самые холодные зимы. В 1991 году мы едва ли добудем 520 миллионов тонн. На сто миллионов меньше! Добыча угля за эти же два года сократилась на одну пятую. Впервые не ожидается прироста в добыче газа и выработке электроэнергии. Более того, и здесь заметна тенденция к спаду. Резерв мощностей в единой энергетической системе уже не единого Союза сократился до трех-четырёх процентов. Это в несколько

раз меньше норматива, который позволяет свободно маневрировать мощностями. Например, перебрасывать электроэнергию из хорошо обеспеченных районов туда, где ее не хватает. И наконец, последняя цифра — из минувшей зимы народное хозяйство вышло с меньшими запасами топливных ресурсов, чем из предыдущей. Вроде бы надеяться не на что, в пору буржуйку добывать, дрова в коридоре складывать. Но парадокс в том и состоит, что цифры эти НИ О ЧЕМ НЕ ГОВОРЯТ.

Специалисты, готовившие недавно аналитическую справку о состоянии топливно-энергетических ресурсов для президентов — союзного и российского, — так и заявили мне: цифры можно считать официальными, но они не достоверны. Где же тогда взять достоверные? А нигде. Сведения, полученные во времена единого Союза, поныне кочуют из одного доклада в другой, хотя реалий не отражают. И все споры — будет холод или нет — строятся именно на этих, явно устаревших данных.

Отчего же нет цифр, отражающих реальное положение дел? Да оттого, что хаос, охвативший общество, не обошел стороной и статистику, и те ведомства, которые прежде исправно сообщали — какими энерго-ресурсами и в каком количестве мы располагаем.

— Вы знаете, что автотранспорт в нашей стране сжигает почти вдвое больше бензина, чем его произво-

дят на нефтеперерабатывающих заводах? — ошеломил меня вопросом опытный энергетик. (Он один из тех, кто пишет справки для президентов. Но сослаться на себя запретил. Вот так и живем после 19 августа.)

— Помилуйте, — пытался я возразить ему, — ведь бензин не самогон, его гнать на любой кухне не станешь!

— Наивно рассуждаете. Можно поменять режим транспортировки газа, и в трубах осядет конденсат. В сущности это бензин, только низкого качества. Его подмешивают к обычному, излишки продают налево. Уверяю, если тут копнуть, получится дело не менее громкое, чем «хлопковое».

Это лишь один пример того, как часть, и немалая, энергоресурсов через теневые структуры уплывает в неизвестном направлении. Оказывается, их крадут так же, как все и вся в родном Отечестве. Могут отцепить пару вагонов с углем и продать в какой-нибудь станице, где уже, кстати, напуганы холодом. Через биржи теперь легко реализовать топливо, украденное с производства. Никто не проверяет, откуда товар. Проще говоря, «черный» рынок черных ресурсов действует, набирает обороты, но ресурсы эти никто и нигде не учитывает. Хотя в конце концов они доберутся до наших домов, но по другим ценам.

Объяснять читателю, куда смотрят правоохранительные органы,

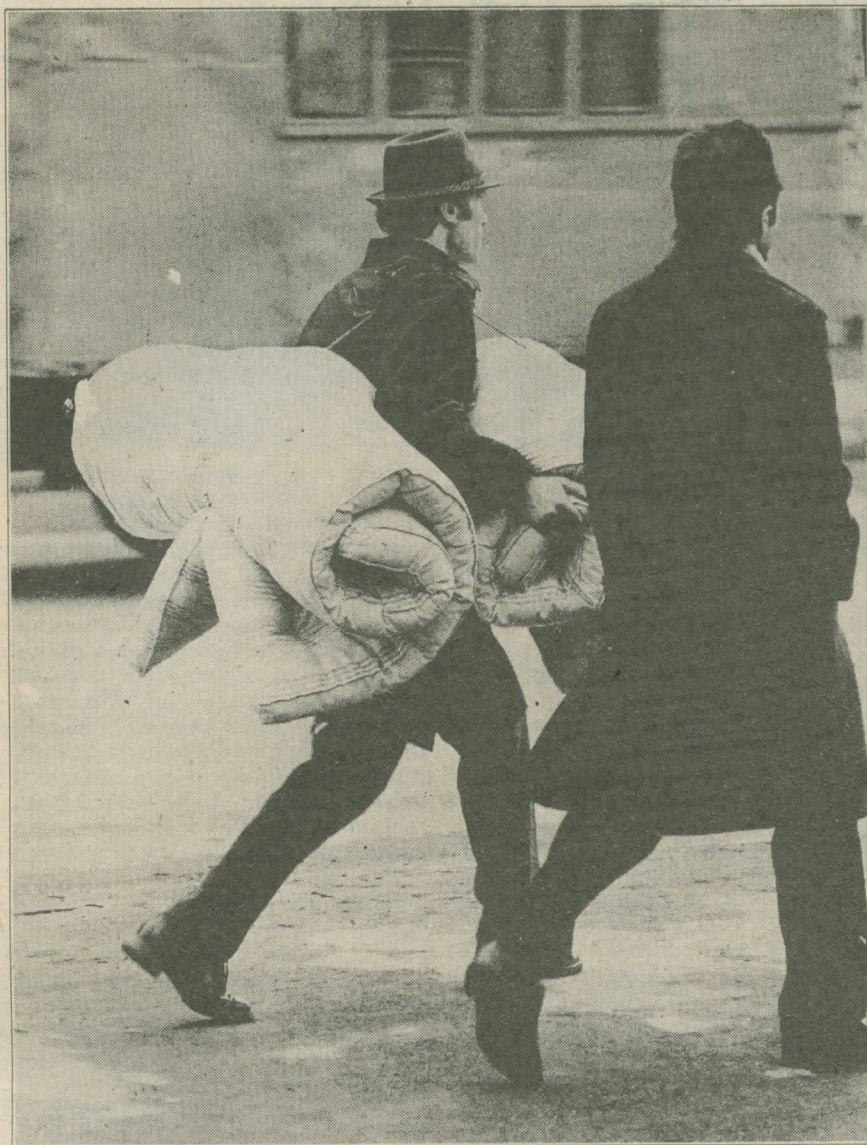

Фото Г. Бодрова

нет нужды — все и так знают, что им не до этого. Добавьте к подобным махинациям элементарное разгильдяйство, скверный учет и почти полное отсутствие контроля, и вы поймете — почему сами специалисты скептически относятся к статистике. Все тот же анонимный эксперт мне прямо заявил — НЕ ВЕРЮ в падение производства. К тому же на некоторых предприятиях запасов топлива хватит года на два, а на других — шаром покати. Но понять, кто

чем богат, возможен ли маневр энергоресурсами, крайне трудно. Административных способов контроля уже нет, экономических — еще нет. Зато есть свежие сведения — некоторые предприятия намеренно сдерживают добычу топлива, чтобы взвинтить цены на него.

Тем не менее выход уже найден. Точнее, разработана стратегия — как следует поступить, если энергии не хватит, а холода все-таки грянут. Если зима будет сносной, то про-

мышленным предприятиям ограничат отпуск энергии на 10—15 процентов, если лютой — то на 15—20. Короче, придется топить и освещать жилье, школы, детские сады, как и прежде, а вот предприятия поочередно отключать. Понятно — это горькая неизбежность, это — очередной спад производства, но другого не дано. Руководители страны должны твердо и определенно сказать людям, что не допустят пониженного потребления энергии в социальной сфере, а в производственной придется затянуть энергетический ремень.

Разумеется, нет необходимости отключать все фабрики и заводы без разбору — надо будет учитывать и энергоемкость производства, и значение продукции для народного хозяйства. Но, право же, есть вещи, которые и вообще выгоднее не выпускать — от этого все только выиграют. И, конечно, необходимо разработать систему компенсационных выплат трудящимся, потерявшим в заработке из-за вынужденных простоев. Поэтому в республиках надо немедленно разработать режимы ограничения для различных ситуаций и разных регионов. Тогда — перезимуем. С потерями, возможно, большими, но до весны доживем.

А следующим летом опять начнем гадать — замерзнем или вымерзнем? Наш топливно-энергетический комплекс изнурен до чрезвычайности. Известно это всем руководителям высшего ранга. Вот лишь две, на этот раз достоверные, цифры — две трети нефтеперерабатывающего оборудования устарело, его нужно модернизировать, а то и просто менять. Почти треть энергетического оборудования отработало свой расчетный ресурс. Комплекс еще стоит на ногах, но уже едва ковыляет и спотыкается, как загнанная кляча. Ему нужны крупные инвестиции — по некоторым оценкам, более 40 миллиардов рублей. Нужны серьезные реформы, которые дали бы возможность войти в новый год с иной системой управления. Нужна программа поэтапного перехода к мировому уровню цен и многое другое. Но это уже тема отдельного разговора. Нет резона, говоря о труднейших проблемах, бежать галопом по Европам. Но убежден, надо напоминать и напоминать — если мы не вытащим из ямы топливно-энергетический комплекс, мы никогда и ничего не сделаем в экономике.

Валерий РОМАНЮК

ПОЛУРАСПАД ПОЛУСОЮЗА

Как обустроить единое экономическое пространство?

Идея экономического соглашения между республиками, минуя центр, возникла давно. Хотя, казалось бы, у центра были вполне благородные цели — обеспечить нормальную работу народного хозяйства. Отчего же тогда бесконечно велись «войны законов»? Да потому, что центр предпочитал диктовать свою волю: так ему удобней. В программе совместных действий Кабинета министров и правительства суверенных республик по выводу экономики из кризиса верховенство «высших интересов» центра легко просматривалось.

Незадолго до путча мне показывали в Министерстве экономики СССР вариант комплексного межреспубликанского экономического соглашения на 1992 год, включавший в себя согласованные действия по многим направлениям: бюджетное устройство, ценообразование, денежное обращение, научно-техническая, инвестиционная, внешнеэкономическая и финансово-кредитная политика, поставки продовольствия, сельхозсырья и товаров народного потребления, природоохранные мероприятия... Всего по семнадцати направлениям. Концепция предусматривала, по мнению авторов, справедливое и эффективное использование экономического потенциала каждой республики.

Откровенно говоря, идея соглашения центра и республик казалась мне симпатичной. Однако сегодня вопрос ставится кардинально по-иному: «Союз или Сообщество?»

Что же волнует республики на пороге принятия политических решений по экономическим вопросам?

Проблема первая. Если мы ведем речь о Сообществе, то насколько тесны окажутся экономические связи его участников? Что это будет за Сообщество — нечто вроде ЕЭС или что-то другое? Пока не решен этот, пожалуй, самый принципиальный, вопрос, трудно вести речь об экономическом соглашении. «Мы готовим, в сущности, документ полураспада Союза» — такую мрачную оцен-

ку проекта и довелось услышать от одного из его разработчиков. Однако, если оставить в стороне политическую риторику, руководителей экономических ведомств республик — суверенных государств — больше заботят текущие проблемы: принципы формирования госзаказа на 1992 год, ценовая, налоговая, валютная политика. Как будет формироваться общий баланс продовольственных ресурсов, металла, леса... Уже вспомнили о прежних договоренностях, проектах экономического соглашения на 1992 год и единой ценовой политики. Никто не отменял финансовые, экономические соглашения на 1991 год, и надо вести контроль за их выполнением.

Проблема вторая. Чего не должно быть в едином экономическом пространстве? Множества региональных валют! Стремление к собственной валюте сильно во многих республиках, даже в России. Каждая новая валюта — это новый виток инфляции, поскольку увеличивается общая масса денег. Правда, в системе ЕЭС действуют одновременно национальные валюты и единая — ЭКЮ и это... не привело к инфляции. Вероятно, опыт Европейского сообщества нуждается в углубленном изучении.

Проблема третья. Реформа может рассчитывать на успех, если будет осуществляться одновременно и в одном режиме на всей территории Союза (или Сообщества). Разрыв во времени может разрушительно подействовать на само единое экономическое пространство — с этим согласны все. Особенно это касается либерализации — тут должен быть единый подход, иначе товар «побежит» туда, где за него больше дадут.

Проблема четвертая. Она касается непопулярных мер. Все пекутся вроде бы о росте благосостояния народа, но экономическая ситуация сегодня такова, что приходится ставить вопрос о сокращении социальных программ. Иначе бюд-

жетный дефицит достигнет угрожающих размеров. «Я боюсь принятия закона об индексации доходов, — в первые недели работы заявил Е.Сабуров. — Это же прямой путь к гиперинфляции. Надо иметь мужество признать, что в нынешней ситуации принятие социальных программ не приведет к повышению благосостояния народа».

Теперь о координирующей роли центра, о структурах, которые должны обеспечить работу единого экономического пространства. На каких принципах оно будет строиться? Пока договорились так: на принципах невмешательства и суверенитета каждой республики, полной самостоятельности каждой в решении ресурсных проблем. При этом предлагается делегировать центру: оборону и ее обслуживание; транспорт и связь; топливно-энергетический комплекс; общегосударственные резервы; внешнеэкономические связи; общегосударственные программы. Как видим, не так уж мало. Да еще прибавьте таможенное регулирование, ряд других проблем, возникающих в результате провозглашенных суверенитетов республик-государств.

И опять возникают проблемы — пятые, шестые, седьмые... Например, как быть с ответственностью за поставки? В условиях разрухи централизованных структур взаимоотношения между республиками строятся под «честное слово», не более того. Арбитражные службы разорваны, новый механизм создать не просто. А может, его вообще нельзя создать. Дело в том, что ущерб от непоставленного вовремя изделия может в десятки раз превышать его стоимость, особенно если речь идет о комплектации крупных машин. Как выйти из положения? Ответственность за недопоставки возмет на себя правительство республики. И ущерб будет возмещаться в средствах, достаточных для приобретения товара каким-нибудь иным способом, скажем, через биржу.

Фото Г. Хомзора

С ценами тоже пока ясности нет. Предлагается либо гарантировать поставки продукции, а цены установить свободные, либо регулировать их — с учетом издержек и прибыльности, наконец, отдать приоритет ценам фиксированным.

Ну а как быть с госзаказами? И отказаться нельзя, и выполнять не хочется. В принципе республики вправе использовать любые формы регулирования движения товаров. В том числе с помощью госзаказов. Предлагается установить примерный уровень поставок — не более 70 процентов от общего объема производства. Республика вправе лицензировать вывоз своей продукции, но что касается внутриотраслевой кооперации, республики высказались однозначно: она должна быть сохранена.

А это уже усиление функций центра! Безусловно, и беды большой в этом нет. Именно центру доверяется составлять балансы ввоза и вывоза из республики, разумеется, на рекомендательной основе, объединить валютные средства для совместной закупки по импорту дефицитных материалов.

Согласование интересов, пожалуй, наиболее болезненный вопрос. Сегодня нет республики, которая не заявляла бы о том, что она больше отдает Союзу, чем получает от него. Реально ли согласовать интересы всех? А они весьма и весьма переплетены и не подлежат разрыву без серьезных потерь для всех. Россия ввозит к потребляемому объему 13 процентов угля, а вывозит от произ-

веденного — 7; Украина соответственно — 11 и 6 процентов; Грузия ввозит 51 процент, вывозит — 33; Казахстан ввозит 14 процентов, вывозит — 40. А вот Азербайджан, Литва, Молдова, Латвия, Армения, Эстония, Туркмения ввозят 100 процентов угля и не вывозят ничего.

Очень схожая ситуация с прокатом черных металлов: Россия ввозит 26 процентов, а вывозит — 18, Украина соответственно 21 и 42, Белоруссия — 89 и 49, Грузия — 69 и 74 процента. А вот Литва, Кыргызстан, Таджикистан, Армения, Туркмения, Эстония ввозят все 100 процентов и не вывозят ничего. Или деловая древесина. Азербайджан, Молдова, Киргизия, Таджикистан, Армения, Туркмения ввозят 98 — 100 процентов и ничего не вывозят. Синтетические смолы и пластмассы: Армения ввозит 87 процентов, Эстония — 91, Латвия и Молдова — 78, Литва — 75, Туркмения — 100.

По готовому прокату Россия и Украина на 80 процентов удовлетворяют потребности из собственных источников, Грузия и Казахстан — на 30, Латвия — на 20, Молдова — на 15 процентов. По деловой древесине обходятся собственными источниками: Белоруссия — на 80 процентов, Латвия — на 75, Эстония и Литва — на 70, Украина и Казахстан — на 40.

А вот лекарства — проблема, волнующая многих. В ряде республик они почти не производятся или дают местному рынку лекарственных препаратов на 3—5 рублей на душу населения (при нынешней потребно-

сти — 28 рублей). Так что же, теперь каждая республика должна создавать свои производства? Вряд ли это разумно.

Чем меньше регион, тем интенсивнее его хозяйственные связи с другими регионами Союза. Наши малые республики, как правило, много вывозят произведенной продукции, но немало ввозят на республиканское потребление. Многие из них без ввоза топливных и сырьевых ресурсов, химических продуктов, да и вообще машин и оборудования просто не могут существовать.

На консультациях с руководителями стран Европейского экономического сообщества (а в него добровольно вступили 12 европейских государств) председатель комиссии сообщества г-н Делор так охарактеризовал основные принципы объединения. Первый — все страны пришли к выводу, что в одиночку они не смогут противостоять мировому рынку, особенно по техническому уровню производства и продукции. Второй — все вместе 12 стран (а это свыше 300 млн. человек населения) будут представлять мощную силу и на политической арене. Для объединения необходимыми условиями являются: свобода границ; свобода передвижения товаров, капитала, рабочей силы; единая банковская и денежная системы; выполнение единых «правил игры».

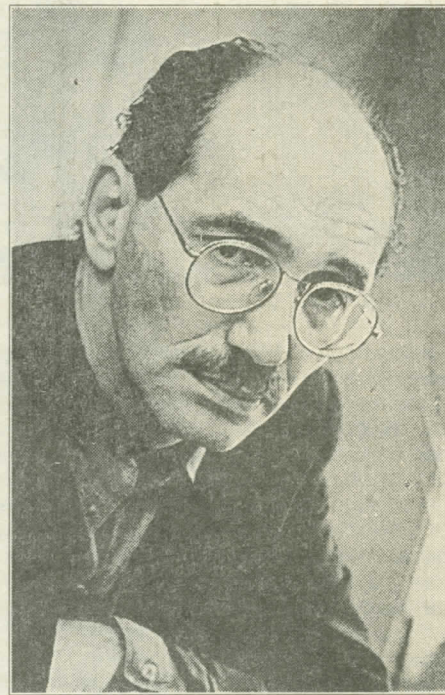
Экономические взаимосвязи республик СССР гораздо интенсивнее, чем связи между странами Европейского экономического сообщества — у нас межреспубликанский обмен составляет 20,5 процента к валовому национальному продукту против 16 — в ЕЭС. По оценке западных экономистов, только за счет организации единого Европейского рынка может быть обеспечено примерно 5—10 процентов роста национального продукта в целом в странах, входящих в ЕЭС. И именно на этот путь встали страны Западной Европы. В рамках же Союза это уже имеется, и было бы неразумным разрушать то, что с таким трудом создавалось. Да и кто от этого выиграет?

Если Союзный договор можно подписать в течение месяца, то для «развода» в экономике потребуются годы. Это очень непростой процесс. Поэтому еще долгое время тем, кто выходит, и тем, кто остается, придется согласовывать хозяйственную деятельность, совместно работать над решением экономических проблем.

ФИЛОСОФИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНЫ

Тет-а-тет Сергея КУРГИНЯНА И Александра КАБАКОВА

КУРГИНЯН Сергей Ервандович, кандидат физико-математических наук, президент корпорации «Экспериментальный творческий центр», главный режиссер «Театра на досках», сценарист, публицист, политолог.

А.КАБАКОВ. — Недавно мы стали свидетелями неудавшегося государственного переворота. Кем вы себя ощущаете, оглядываясь на августовские события, — хорошим или плохим пророком?

С.КУРГИНЯН. — К моему великому сожалению, я ощущаю себя очень хорошим пророком.

А.К. — А вот у меня не создается такого впечатления. Готовясь к встрече с вами, я выписал некоторые из ваших февральских высказываний: «Оперативно восстановить порядок за две недели, но только в ситуации, когда бу-

дет объявлено чрезвычайное положение...» И дальше: «Войди сейчас и скажи: караул устал! — и они все выйдут и пойдут по домам...» Не получилось с пророчеством. Чрезвычайное положение продержалось не две недели, а только три дня, и никто не собирался по команде расходиться по домам.

С.К. — Действительно, я являлся, являюсь и буду являться теоретиком чрезвычайного положения. Но наш доморощенный ГКЧП никакого отношения к чрезвычайному положению не имел.

А.К. — Но ведь нужен же какой-то

КАБАКОВ Александр Абрамович, публицист, писатель, автор романа «Невозвращенец», заместитель главного редактора газеты «Московские новости».

орган, чтоб это положение объявить?

С.К. — Для этого вполне достаточно существующих конституционных форм. Чрезвычайное положение полномочен объявить президент страны, в случае если сильная парламентская власть подтвердит его решение. Думаю, что любая власть, которая желает стабилизировать ситуацию в нашей стране, просто обязана будет объявить ЧП в ближайшие месяцы. Но это не будет иметь ничего общего ни с путчем, ни, тем более, с имитацией путча.

А.К. — Но президент Горбачев действительно мог серьезно заботеться

Согласно Конституции, его обязанности должен был выполнять вице-президент Янаев. И мы получили бы тот же самый ГКЧП, только законным путем.

С.К. — Эта власть продержалась бы месяца три, с катастрофическими для страны последствиями. Ведь власти-то как таковой не было. Настоящая власть — это власть идеи, действительно дошедшей до народного сердца, это власть морального авторитета, это власть серьезной социальной опоры, это власть смелых экономических решений. Ничего похожего у ГКЧП не было.

А.К. — Скажите, пожалуйста, Сергей Ервандович, на какую социальную базу могло бы опереться правительство, способное провести чрезвычайное положение в жизнь?

С.К. — Сегодня — на очень широкую. В установлении порядка заинтересованы и рабочие, и крестьяне, и серьезные предприниматели.

А.К. — Почему же эти «широкие слои населения» никак не заявят, что они хотят чрезвычайного положения?

С.К. — Заявят, уверяю вас. Заявят, как только поймут, что ЧП — это не карикатурное катание на танках.

А.К. — Значит, августовский переворот не приняли потому, что катание на танках было карикатурным?

С.К. — Нет. Просто людям плюнули в лицо. Гэкачеписты грубо лгали, раздавали бессмысленные наивные обещания, они, наконец, применили насилие. Кроме того, все это было антиконституционно.

А.К. — То есть вы предполагаете, что, если бы чрезвычайные меры исходили от законно избранного президента, народ встретил бы их с пониманием?

С.К. — Нет. Легитимности лидера для этого недостаточно. Законно избранный президент должен еще выдвинуть настоящую программу, он должен обладать достаточным авторитетом, за ним должна стоять политическая сила, имеющая большое влияние во всей стране.

А.К. — А если народ не хочет чрезвычайщины, если нет сегодня человека власти, который хотел бы и мог бы осуществить эти меры, то, получается, идеи чрезвычайного положения, разработанные вами, остаются сухой теорией?

С.К. — Разумеется. Пока что это чистая схоластика.

А.К. — Есть ли у нас в стране человек, способный провести чрезвычайные меры?

С.К. — Конечно, есть. Я думаю, это Ельцин. Именно он может осуществить на практике мои теоретические построения.

А.К. — Странно. Насколько я знаю вашу политическую позицию, она ни в ко-

ей мере с Ельциным не связана. Или вы изменили свое мнение о нем?

С.К. — Мои политические взгляды остались прежними. Позиция Ельцина по-прежнему мне чужда. Но ведь сейчас речь идет о неизмеримо более важных вещах. Речь идет о судьбе государства и народа. Пока страна находится на краю пропасти, надо отбросить все идеологические распри. Если сегодня человек с крайней симпатичными мне коммунистическими взглядами будет разваливать страну, этот человек для меня — преступник. А тот, кто начнет реально собирать страну, тот для меня герой, вне зависимости от его убеждений.

А.К. — Но ведь страна, о которой вы говорите, уже развалилась. Существует определенный статус-кво. Мирное сообщество, в том числе СССР, признало независимость государств Балтии, Россия ведет переговоры с бывшими республиками Союза как с суверенными государствами...

С.К. — С моей точки зрения, логика построения и развития этой страны были аномальны с самого начала, с 1917 года. А когда мы начали в последние годы разбираться с этой аномальной логикой, началась уже полная шизофрения. Скажите, каким международным легитимным актом будет конституирована новая реальность? А если эта реальность не будет правовым образом конституирована, нас ждут война и хаос.

А.К. — Она уже конституирована. Те государства, которые признали, например, Литву, являются в определенной степени гарантом ее независимости.

С.К. — Это очень слабая гарантия.

А.К. — Слабая, но гарантия. Вряд ли мы будем воевать со всей Европой.

С.К. — Да нет, это абсолютно не вопрос войны и мира. Это вопрос гражданской войны, гражданской стабильности, устойчивости теперь уже геополитической. Придется восстанавливать геополитическое равновесие, и это будет очень сложно сделать.

А.К. — Ладно, вернемся к президенту Ельцину. Вы считаете, что он мог бы ввести чрезвычайное положение, опираясь на свой авторитет. На какую идею он должен опираться?

С.К. — Только на одну: на идею спасения государства России.

А.К. — А как быть с Прибалтикой?

С.К. — Прибалтика теперь ни при чем.

А.К. — Значит, вы отказываетесь от чрезвычайного положения, опробованного в январе в Вильнюсе?

С.К. — Я написал большую статью под названием «Литовский синдром», где доказал, что все произошедшее в Вильнюсе, — карикатура.

А.К. — Выходит, в бывшем Советс-

ком Союзе чрезвычайное положение уже не нужно?

С.К. — Нужно сначала ответить на вопрос: есть ли в Советском Союзе лидер, способный осуществить чрезвычайные меры? Такого лидера нет. СССР развалился, и нам придется иметь дело только с Россией.

А.К. — Но российский лидер Ельцин высказывается против таких мер. Кроме того, у него нет ни идеи, ни экономической программы на этот случай.

С.К. — Если лидер не будет считаться с реальностью, если он не увидит тех процессов, что идут в стране, он просто перестанет быть лидером. Лавры всенародного авторитета — не корона монарха. Ими может обладать лишь тот, кто владеет ситуацией.

А.К. — То есть либо Ельцин объективно поймет ситуацию и введет чрезвычайное положение, либо он объективно перестанет быть лидером?

С.К. — Либо он проявит гениальность, найдет такие ходы, которых не вижу я, и сумеет стабилизировать ситуацию. Дай ему Бог.

А.К. — Понятно. А как вы себе представляете механизм чрезвычайного положения во взаимоотношениях власти и народа? Попросту говоря, если я буду в условиях ЧП высказывать свое им недовольство, свое недовольство президентом, что со мной сделают?

С.К. — Я еще раз повторяю: ЧП — это не езда на танках. Это чрезвычайные меры, которые применяются для спасения страны. Чрезвычайность этих мер состоит в том, что они осуществляются вне зависимости от того, популярны они или нет.

А.К. — Но если эти меры не будут популярны, люди просто выйдут на улицы. Рабочие будут бастовать, интеллигенция начнет обращаться к народу с антиправительственными призывами...

С.К. — Чтобы этого не произошло, нужна мощная политическая организация, способная убедить народ в том, что на определенном этапе неизбежны лишения.

А.К. — Вы предлагаете чрезвычайное положение, которое вводится через убеждение?

С.К. — Только так.

А.К. — Но это обычная политическая жизнь. Чем же тогда чрезвычайная обстановка отличается от нормальной?

С.К. — В нормальных условиях лидеры корректируют свой курс, ищут компромиссы. При чрезвычайных обстоятельствах все иначе. Есть капитан корабля. Есть буря, которая грозит потопить корабль. Мне говорят: идите в каюту и лежите. Я вижу, что дела плохи, и слуша-

юсь: иду, ложусь и лежу. А если вокруг тихое синее море, а мне приказывают уйти с палубы, с какой стати я буду подчиняться? Вот и вся разница.

А.К. — Хороший пример. Действительно, в экстремальных ситуациях капитан корабля получает в свои руки всю полноту власти. Но представим себе, что на борту находится некий крутой диссидент, который говорит: я не считаю, дескать, что буря такая уж страшная, и поэтому останусь там, где стою... По закону капитан имеет право в этом случае применить оружие...

С.К. — Если капитан — человек разумный, он не будет хвататься за пистолет. Первая же волна просто смоеет строптивца. А вот если человек, которого вы назвали «диссидентом», возьмет лом и начнет долбить дыру в днище корабля, тогда надо применять силу. Никакое общество без насилия не существует.

А.К. — Но как же вы собираетесь поступить с тем меньшинством, которое все-таки не примет даже такой вариант чрезвычайщины?

С.К. — Народ сам заставит несогласных выполнить все, что диктует власть.

А.К. — Вы могли бы привести достойный исторический пример?

С.К. — Самый простой пример — реформа Столыпина. Или реформа Бисмарка в Германии.

А.К. — А поближе к нашим временам?

С.К. — Все реформы, проводившиеся в Китае.

А.К. — Как в этом случае быть с бойней на площади Тяньаньмынь?

С.К. — Правительство Китая сорвало процесс реформ. Оно не смогло пройти по лезвию ножа между порядком и анархией. И это вылилось в насилие.

А.К. — Можно ли вообще пройти по лезвию ножа?

С.К. — Столыпин прошел.

А.К. — Но заплатил за это жизнью. А Россия заплатила революцией.

С.К. — Если вам не нравится этот пример, вот другой: Шарль де Голль. Или самое свежее: реформы Рональда Рейгана. Ведь модернизация американской экономики при Рейгане шла исключительно за счет чрезвычайных мер. Когда промышленность перебрасывали с северо-востока на юго-запад, подскочила безработица, вся экономическая ситуация резко ухудшилась... Рейган обратился к народу, призвал граждан США защитить национальные интересы. Он действовал фактически в разрушенной стране, он преодолевал вьетнамский кризис и «вьетнамский синдром». И он сумел-таки выровнять положение.

А.К. — Меры, которые принимал Рейган, были отнюдь не столь непопуляр-

ны, как меры чрезвычайного положения в России, о которых мы с вами говорим...

С.К. — Потому что эти меры были приняты своевременно. Рейган начал действовать практически без «раскачки». Чем дальше лидер откладывает чрезвычайные меры в чрезвычайных обстоятельствах, тем выше энтропия процесса распада, тем страшнее хаос и анархия. Тот, кому дорога демократия, кто хочет законности и порядка, должен делать все, чтоб не допустить, выражаясь по-есенински, «страны бушующего разлива». Нужно держать страну в берегах.

А.К. — Все-таки я не понял, что общего у той Америки, которую получил в начале своего правления Рейган, с нашей страной...

С.К. — Знаете, ведь именно Рейган

был первым, кто употребил слово «перестройка», «reconstruction» по-английски.

А.К. — По-моему, если правитель идет по лезвию ножа, то он неизбежно срывается — и это Тяньаньмынь, а вот если правитель делает «reconstruction», то он не срывается — и это «рейганомика».

С.К. — Да, но лишь в случае, если правителя не толкают в спину, не висят у него на руках.

А.К. — Как-то странно получается: американских президентов в спину не толкают, а вот китайским коммунистам все время кто-то мешает, постоянно их кто-то толкает...

С.К. — Китайских коммунистов просто очень вовремя толкают...

А.К. — Ну ладно, оставим их в покое.

Я пытаюсь понять, чем занимается ваша корпорация «Экспериментальный творческий центр». Перечитывая постановление Кабинета министров о создании корпорации, подписанное Павловым, я наткнулся на такой пункт: «Разрешить Министерству Обороны СССР, Министерству Внутренних Дел СССР, Комитету Государственной Безопасности СССР прикомандирование к корпорации соответственно до шести, восьми и пяти человек офицеров и лиц начальствующего состава с оставлением их на действительной военной службе...» Что это за организация такая, к которой прикомандируют офицеров КГБ?

С.К. — То, что вы читаете, — фальшивка. Такого документа никогда не существовало в природе, и, естественно, Пав-

лов не мог его подписать. Ее опубликовала «Независимая газета», имея вполне определенные цели*. Впрочем, у нас действительно есть два работника, которых прикомандировали упомянутые вами ведомства.

А.К. — Зачем?

С.К. — В нашей корпорации есть институт криминологии, который занимается изучением проблем организованной преступности в глобальном смысле...

А.К. — «Экспериментальный твор-

* Оставим это утверждение на совести Сергея Ервандовича. 19 февраля «Независимая газета» напечатала фотокопию этой «фальшивки». А 17 сентября — повторила свою публикацию. Гербы, печати, подпись Павлова — все подлинное. — *Ред.*

ческий центр» занимается еще и проблемами преступности?

С.К. — Не только. Мы занимаемся и глобальной политикой, и оборонными вопросами. У нас есть даже Институт стратегических исследований.

А.К. — То есть сфера приложения усилий корпорации — весь комплекс нашей жизни?

С.К. — Скорее все то, что необходимо для ускоренного развития страны.

А.К. — И вы стоите во главе этой мощной организации?

С.К. — Стою во главе.

А.К. — Мне кажется, вы сами вполне могли бы стать человеком, который осуществил бы на практике теорию чрезвычайного положения.

С.К. — Я к этому никогда не рвался. Каждый должен заниматься своим делом. Мое дело — создание в этой стране государственно ориентированной элиты. Это — мой гражданский долг, дело моего служения России. Но в лидеры государства... Нет, увольте.

А.К. — Но почему же? У вас есть сильная идея, есть экономическая программа. Вы стоите во главе мощной, оснащенной серьезными людьми структуры: от спортивных клубов до политологических центров, от Института стратегических исследований до «Театра на досках». Плюс — теория, плюс — авторитет человека, который задался целью создать свою элиту и спасти государство...

С.К. — Я понимаю вашу иронию. Но время шуток прошло, и говорить приходится о серьезных вещах. У «Экспериментального творческого центра» есть идеи, и эти идеи мы хотели бы реализовать. Мы терпеливо ждем того, что наши идеи будут, наконец, признаны разумными и что нам помогут их реализовать на благо страны. Если же нам не помогут, мы будем реализовывать свои наработки в том микромасштабе, в каком мы их реализуем сегодня.

А.К. — Только в рамках вашей корпорации?

С.К. — Только в этих рамках.

А.К. — В таком случае, Сергей Ервандович, я желаю успехов вам в вашем театральном деле. Надеюсь, у вас хватит терпения долго ждать, а у нас хватит надежды на то, что вы будете реализовывать ваши идеи только в рамках «Экспериментального творческого центра».

С.К. — А я хотел бы вас, Александр Абрамович, поблагодарить за прекрасную беседу...

Телебеседу в видеоканале «Добрый вечер Москва» записал Кирилл РЫБАК

Александр МЕШКОВ

АВГУСТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РАБОЧИЕ — МИМО. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Государственный переворот застал меня на Украине. На приграничной с Россией железнодорожной станции Хутор-Михайловский 20 августа я стоял в очереди за билетами на Москву.

— Слышали, — обращалась интеллигентного вида женщина к какому-то флегматичному мужчине, крепкому, с тяжелыми руками, — они почти все газеты закрыли. Оставили только «Правду» и еще четыре.

— Да эти газеты... все об одном и том же пишут.

Жизнь районного центра внешне никак не изменилась. Пассажиры все так же штурмовали переполненные автобусы, парикмахеры равнодушно — в который уже раз за день! — прослушивали сообщения новоиспеченного ГКЧП, обслуживая клиентов. Весть о том, что «власть поменялась», люди в очередях восприняли как должное и ждали, что же им преподнесут Янаев и К*. Были и такие, кто считал, что Горбачева «подстрелили» его бывшие соратники, что он

дал им «много воли» и получил... Мол, эти неблагодарные подсунили Михаилу Сергеевичу кооперативы — дабы возбудить народное недовольство.

Казалось, что жизнь вот-вот войдет в прежнюю, привычную колею с пустыми прилавками и низкими ценами, шефскими десантами в колхозы и ярмарками в райцентрах по праздничным дням, периодическими вылазками в Москву за дефицитом и воровством по ночам на колхозных полях, чтобы свести концы с концами.

Председатели колхозов, которым обещали в прошлом году за сверхплановое зерно легковые автомобили, холодильники и телевизоры, а потом обещании забыли, теперь возлагали надежды на своего «выдвиженца» Стародубцева. Рабочие, чьи интересы не ограничивались одной бормотухой и домино, ставили Горбачеву в упрек то, что он «отпустил цены». Они надеялись, что государство теперь вспомнит не только о кооператорах, но и о них.

...Баррикады у «Белого дома» похоро-

нили надежды этих наивных людей на покой и «порядок». «Золотое» брежневское время не вернулось, но провинция была готова к тому, чтобы принять его. Я видел это собственными глазами.

Иногда говорят, что организаторы путча действовали по образцу 64-го года и не принимали в расчет, что народ изменился. Но не надо представлять их глупее, чем они есть на самом деле. Гэкачеписты рассчитывали на поддержку большей части людей, которые так ничего и не получили от перестройки. Да, того самого «молчаливого большинства».

«Работать» с ним начали еще до переворота. По существу был расписан в деталях сценарий взятия власти с опорой на это большинство. И только торопливость путчистов, их ставка на беспроярмышный, на первый взгляд, вариант помешали именно его взять на вооружение. Сценарий этот был оставлен про запас. Но нет никакой уверенности, что его вскоре не извлекут на свет Божий.

И НОВЫЙ ОКТЯБРЬ ВПЕРЕДИ?

За месяц до переворота во Дворце культуры завода имени Владимира Ильича был проведен Съезд рабочих Москвы. К сожалению, он не был замечен большей частью демократических газет. Уверен, побывав корреспонденты на этом съезде — и нынешних громогласных заявлений о безоговорочной победе демократии было бы значительно меньше! Речь шла о вещах куда более серьезных, чем скороспелый мятеж выжившего из ума «советского руководства». В ту солнечную субботу 20 июля обсуждался проект организации всесоюзного бунта, призванного вернуть к власти номенклатуру.

Партократия вела игру ва-банк. Напуганная итогами выборов президента России, его указом о департизации производства, она справедливо решила, что сейчас «не до жиру — быть бы живу». И взяла на вооружение ту идеологию, к которой питала тайную симпатию все «перестроечные годы», — ленинско-сталинский фундаментализм. Вместе с активистами ОФТ и «коммунистическими инициативниками» Московский горком партии стал одним из организаторов этого действия. Его газета — «Московская правда» — отводила освещению этого события целые полосы и не находила места, чтобы осудить выступивших хотя бы за один антиконституционный лозунг. А их в тот день прозвучало с избытком.

Когда-нибудь в хронологию событий, предшествовавших мятежу, создавших ему благоприятный фон, займут достойное место и призыв сопредседателя оргкомите-

та, редактора журнала «Плановое хозяйство» С.Губанова: вести дело к созыву всесоюзного рабочего съезда, который упразднит президентство, «восстановит Советскую власть» и избереет чрезвычайное правительство. И заверение офицера Военно-инженерной академии, одного из активистов нинандреевского общества В.Подгузова: он-де останется верен присяге, и для него «безразлично, какой капиталист — внутренний или внешний — является врагом нашего народа». И откровение страстного защитника рабочих интересов — водителя такси Л.Сухова. Народный депутат союзного парламента поделился со слушателями своей заветной мечтой, что «труженики выйдут на улицы и потребуют ту власть, которая защищает интересы не воров, а тружеников».

И все-таки их выступления не сделали бы погоды, если бы на трибуне не появились — долгожданная мечта аппаратчиков! — специально отобранные ими рабочие, привычно обличающие капитализм, защищающие «серпасто-молоткастое знамя». Поистине это была тяжелая артиллерия номенклатуры. Ее попытка реванша за Кузбасс, Донбасс и Белоруссию, где рабочие — невиданное дело! — выступили с антикоммунистическими лозунгами. И хотя «обличали» в большинстве своем те, кто был связан с тяжелым, малоквалифицированным трудом, а высококвалифицированные работники изъяснялись на другом наречии, — все же первые (великое дело — организация) оказались в большинстве. Они и создали Союз рабочих Москвы.

Фото В. Шишова

Не слышал, чтобы эта организация как-то заявила о себе во время путча. Может быть, номенклатурным пролетариям не понравились реверансы гкачепистов в сторону частного предпринимательства (что, впрочем, не обмануло бизнесменов), их неясное бормотание о характере общественного строя. Возможно, обидело и то, что главари заговора их «не привлекли». Но не надо строить иллюзий. Взаимопонимание было бы найдено в первые же недели. Павлов немного опережал события, когда призывал, не принимая в расчет сотню-другую «крикунов» на Манежной площади и положиться на силу и организованность ЗИЛА. Правда, премьера подвела извечная коммунистическая привычка: вещать «от имени». Ни ЗИЛ, ни АЗЛК не собирались выводить рабочие дружины в поддержку ГКЧП. Но несколько десятков обозленных, обиженных жизнью рабочих с красными повязками гкачеписты смогли бы вывести на улицу. Если бы захотели. Но — понадеялись на танки. А они подвели...

Разумеется, Всеобщая конфедерация профсоюзов, Федерация независимых профсоюзов России были в числе тех первых, кто резко осудил мятеж. Все это так... Но ни одно из столичных предприятий не откликнулось на призыв президента России объявить политическую забастовку. За исключением центральных улиц, жизнь в Москве мало отличалась от той, которая была до переворота. Все так же спешили на работу, стояли в очередях, ссорились в общественном транспорте. Как будто бы за пределами Садового кольца стиралась всякая разница между Москвой и провинцией, а столица переместилась к российскому «Белому дому»... Демократы несколько переоценили себя, когда заявили: «Народ не принял». Ведь и те, кто, угрюмо пыхтя сигаретой, читал газету, матерился в подземных переходах и отмахивался от «политики», тоже представляли собой народ. Его часть. Силы этой «части» оказалось достаточно Сталину, чтобы переломить стеновой хребет нации, уничто-

жить руками одних классов другие. На ее мольбы о «порядке и спокойствии» опирался в 1964 году Брежнев, когда отправил в отставку Хрущева. И будьте уверены: ее силу смертельно раненная номенклатура использует еще не один раз — когда попробует вывести народ на улицу и, разыграв карту двоевластия, попытается вернуть свое. Как предлагалось это на том самом «рабочем съезде» и было с успехом проэкспериментировано в 1917-м — с помощью Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Вначале людям внушат, конечно, что они есть «настоящие трудящиеся», что им надлежит быть гегемонами, а мнение «всяких там кооператоров» можно не принимать в расчет. А потом...

Что же это за магическая сила — «рабочие», «люди труда» и, если они в самом деле существуют, почему так надеется на них бывшая номенклатура?

ПРОЛЕТАРИИ И БЮРОКРАТЫ

Кто-то сказал, что в нашей стране тоталитарная власть опиралась только на бюрократию. Но что сумел бы сделать этот бюрократ, если бы не имел в своем распоряжении миллионы людей, которые не могли обойтись без него так же, как и он без них? Которые, освободясь от тяжелого бремени выбора, вручили свою судьбу в чужие руки и обрели при этом душевный покой. «Отышачив» на производстве, они утешали себя тем, что в выходные можно будет раздавить бутылочку, «забить козла» или отправиться на рыбалку. С этих людей не спросишь ни за «черные воронки» по ночам, ни за вымершие деревни. Они «не знали» этого.

В нашей стране — в городе и деревне, на заводе и в институте — из поколения в поколение воспроизводился генотип особых, прирученных людей. Пожалуй, Москве на них «повезло» особенно. Иногда кажется, что власти предрержащие понимали значение крупных городов

и заранее побеспокоились, чтобы создать себе в них соответствующую социальную базу. И своего они добились. Я встречал немало людей, которые чувствовали себя по гроб жизни обязанными товарищу Сталину за то, что в голодные годы они получили пусть самую черную — но работу, пусть хилое — но жилье, а самое главное — столичную прописку! Город, словно губка, десятилетиями впитывал в себя несчастных лимитчиков, для которых Москва превратилась в некое подобие американской мечты. Эти бессловесные рабы системы вынуждены были под страхом увольнения переносить все ее издевательства. А теперь к этому прибавились новые страхи. Перед приватизацией жилья, например, которая сведет на нет очередь на квартиру и надежды на постоянную прописку.

Да, можно сколько угодно обличать люмпенское сознание и «самозванных учителей» из бывших коммунистов. Но потуги этих оракулов никогда не привлекли бы внимания рабочих, если бы их терпение не оказалось на исходе. Я разговаривал с двумя литейщиками — делегатами Съезда рабочих Москвы. У обоих тяжелая, изнурительная работа — и нищенская зарплата в 350 рублей. До разбора ли причин этим людям, когда голова занята мыслями, как на эти деньги прокормить семью? А тут еще мы, демократы, с газетных и журнальных страниц «радуем» иной раз сталеваров и горняков сентенциями: рабочий класс, мол, теперь рудимент, на Западе как таковой он уже не существует, там преобладают «белые воротнички»... Ох, уж эта извечная российская болезнь: подтянуть страну за уши до уровня Европы. Еще авторы «Вех» предупреждали, что в России это «перенимание опыта» неизбежно принимает уродливые формы.

Воспеваемый десятилетиями «человек труда» — хрупкий герой, не имеющий прототипа в реальной жизни, в один прекрасный день исчез с газетно-журнальных полос. Уступил место маклерам и биржевикам, кооператорам и бизнесменам. А что же живые, не отретушированные люди? Они оказались забытыми где-то на третий год «перестройки». Негодяя над странной любовью народа к кнуту и прянику, мы готовы зачислить в люмпены каждого, кто не умеет (или не хочет) делать бизнес.

Мы забыли главное: много народа мы все равно не выдумаем, так что придется иметь дело с тем, какой есть. Который не имеет возможности подзаработать на создаваемых при заводах малых предприятиях, ибо «предприятия» эти (зачастую мифические) давно уже стали золотой жилой для администрации и «рабочей аристократии». Мы тратим массу энергии, защищая коммерческие магазины, и обзываем «бездельниками» людей, выходящих очереди в обычные магазины. Радуемся «развротливости» предпринимателя, непонятно каким путем нажившего капитал, и склонны считать душевнобольными людей, которые в годы номенклатурной диктатуры не ушли в «теневую экономику», а добивались справедливости.

О том, что у рабочего движения есть собственные интересы и они не совпадают ни с интересами бюрократии, ни с интересами класса предпринимателей, говорил еще 130 лет назад немецкий социалист Ф.Лассаль. И уже первые шаги рабочего движения в нашей стране подтвердили это. Когда оно было направлено своим острием против власти парткратии (шахтерские забастовки в Кузбассе и Донбассе) — его приветствовали в демократическом лагере. Но как только на повестку дня встал вопрос о радикальных переменах в экономике, затрагивающих судьбы миллионов людей, иные демократы тут же забили тревогу. В такой ситуации, по их мнению, рабочее движение может стать основной опасностью для перестройки. Но ведь это означает, что такая «перестройка» проводится в интересах немногих. Иначе с какой стати против нее будут выступать народные массы?

Конечно, трудности и лишения первоначального этапа разгосударствления и приватизации неизбежны. Но из

этого вовсе не следует, что рабочее движение обязательно окажется в стане сталинских ортодоксов и коммунистических фундаменталистов. Кстати, на Съезде рабочих Москвы наряду с зубодробильными речами звучали и иные голоса: в поддержку мелкой частной собственности, постепенной приватизации жилья, права рабочих на получение своей доли прибыли. Некоторых из этих ораторов захолопали и согнали с трибуны. И, наблюдая, как неуютно чувствовали себя они на этом сборище, не один я сожалел тогда, что другие партии и организации оставили этих людей одних со своими проблемами.

В гражданском обществе считается в порядке вещей, когда та или иная партия заявляет о защите интересов определенных социальных слоев, классов. Как правило, когда эта партия приходит к власти, она вынуждена считаться с интересами всего народа. Хотя интересы «своих», конечно же, доминируют в ее политике. В нашей стране почти все демократические партии заявили о том, что они будут защищать интересы предпринимателей. И буквально по пальцам можно сосчитать те из них, которые вспомнили о городских рабочих и других людях наемного труда. Здесь как бы само собой подразумевалась монополия КПСС. Что же, с ней действительно было трудно тягаться по части социальной демагогии и социальных подачек. Бесславный конец этой «государственной партии» создает благоприятные условия для развития политических организаций левой (в западноевропейском смысле слова) направленности, ориентированных на принципы социальной демократии. Грех не воспользоваться этой возможностью, не попытаться привлечь в свои ряды трудящихся, не разъяснить люмпенским слоям населения пагубность коммунистической тактики достижения социальной справедливости — путем грабежа награбленного, разжигания классовой войны и плебейских инстинктов. Грех не поднимать эти слои до уровня миропонимания высококвалифицированных рабочих. Так важно сейчас учить людей грамотно, цивилизованно отстаивать свои интересы...

Не стоит строго судить рабочих за то, что они не поспешили в организованном порядке защищать российский «Белый дом». Интеллигентам и предпринимателям было что защищать: свободу слова и свободу мысла. Рабочим — пока ничего...

Разговоры об организации пунктов перекалфикации рабочих так и остались разговорами, а грядущая приватизация некоторых предприятий грозит оставить без работы половину их списочного состава. Ни к чему не привели и поездки в нашу страну пропагандистов коллективно-долевой собственности на Западе — ею по-прежнему пренебрегают.

Говорить о будущем рабочего движения сейчас трудно. Но уже ясно: полностью оседлать его, по-видимому, не удастся никому — ни демократам, ни номенклатуре. По меньшей мере в ближайшее время. Вот строки из сообщения информационного агентства «Профинформ» о прошедшем в Санкт-Петербурге заседании городского Центра рабочего движения:

«Присутствующие (в большинстве своем представители свободных профсоюзов и стачечных комитетов. — А.М.) констатировали, что в сегодняшней политической ситуации складывается новая «демократическая» монополия на власть. Подчеркивалось, что рабочее движение должно являться самостоятельной политической силой, не отдающей предпочтения «ни Собчаку, ни Ельцину, ни ДС, ни КПСС».

Сделают ли демократы рабочих своими союзниками или отдадут последних на откуп бывшей номенклатуре, которая превратит их в свою «тяжелую артиллерию»? Это уже будет зависеть от них самих. От их такта, гибкости и реализма.

ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА: НА СЦЕНЕ ТОВАРИЩ ШАРИКОВ

Мы испытали радость победы. Мы ощутили силу и значимость себя, каждого, отдельного — в общем будущем. А жизнь как шла, так и идет своим чередом. И очереди в магазинах если и убывают, то только потому, что занимать их сегодня почти уже не за чем. И дети болеют. И лекарств по-прежнему нет. Это там, на «решающем уровне», идут большие дела. Переезды. Перераспределение реквизируемого добра. Дележ имущества. Преобразовательная эйфория... Теперь, говорят, Академию медицинских наук СССР намечено аннулировать, а вместо нее то ли клуб вольных братьев-ученых, то ли общество свободных от всего на свете медиков устроить. О судьбе АМН СССР наш корреспондент Аэлита ЕФИМОВА беседует с действительным членом Академии, директором Всесоюзного гематологического научного центра Андреем ВОРОБЬЕВЫМ.

— Андрей Иванович, ваш Центр не подчинен непосредственно АМН СССР, вы — в ведении Минздрава Союза, значит, ваш голос можно считать объективным...

— Я ни рублем не завишу от Академии. Я действительный член, мне вроде кланяться не нужно, большего все равно не будет... Но я выступаю в защиту Академии, потому что духовно мы все, ученые-медики, — с ней. Поскольку речь идет о ликвидации мозгового центра советской медицинской науки, который сводит все наши интересы воедино, очевидно, речь идет о преступлении.

— Это дело решенное или все же только «идет речь»?

И кто они, нынешние «ликвидаторы»?

— В нашей стране сегодня ничего решенного нет. И к перестроечным амбициям иных чиновников надо относиться без паники, но и меры предосторожности принимать. Министр здравоохранения Российской Федерации Калинин в моем присутствии, в присутствии исполняющего обязанности министра здравоохранения Союза Баранова повелел президенту АМН СССР В.Покровскому в течение недели порешить судьбу Академии. По плану Калинина все академические институты, что на территории России, а их огромное большинство, переходят в подчинение Минздрава России. Кавалерийским наскоком, министерским росчерком мы лишаемся научного штаба, мощной орга-

низации, которая создавалась десятилетиями.

Министерство руководить институтами не может. Оно может давать деньги, финансировать, организовывать комиссии, плести интриги. Кроме денег, все министерское «наукотворчество» — во вред науке. Координация исследований, проверка нужности финансирования разработок — дело Академии. Минздрав Союза, как Министерство обороны, необходим стране. Но только не для руководства наукой. Академия — выборный орган, президиум ее всегда отличался высокой культурой, люди там не случайные. И теперь собираются превратить Академию в некий клуб ученых, где они будут собираться и что-то такое свое, внутреннее, для себя обсуждать...

— То есть в таком случае Академия лишается финансирования. Тревога академиков обоснованна. А чем этот вариант чреват для науки вообще, для медицины, для нас, кому адресованы все научные исследования и открытия?

— В России, отдельно взятой, науку не делают. Вообще науку не делят, мозги не делят. Наука всегда общемировая, она не бывает российской, узбекской, татарской, еврейской. Есть наука — та, что изучает неизвестное. Есть практика, что пользуется научными данными и проводит их в жизнь. Практика может быть национальной, она обусловлена особенностями местности, материальными средствами республик. А научные исс-

ледования всегда носят общемировой характер, хотя задачи могут диктоваться условиями жизни в регионе. Так появилась необходимость изучения чернобыльских бед. Конечно, Португалия подобными проблемами заниматься не станет, для нее они не актуальны. Зато у Португалии — паразитозы. А мы с паразитными болезнями покончили, у нас в этом плане положение, которое не снилось ни одной буржуазной стране. Мы же теперь только ругаем себя, каемся: мы самые глупые, отсталые, никчемные... И вот под это-то самоуничижительное упоение весьма кстати подворачивается мысль: разогнать науку, разом сломать то, что строилось десятилетиями.

— Вы полагаете, авторы или автор этой идеи преследовал именно такую цель? Корысть — уничтожить имеющееся и насадить свое?

— Именно так. Произошла революция. На сцену должны вылезти товарищ Шариков с товарищем Швондером. Мы их сегодня по имени знаем. Придумали заменить медицинскую Академию Институтом здоровья. Что это означает — я не представляю. Нет, представляю. Швондеризм в чистом виде. Калинин создает какие-то институты. Ненужные, не прошедшие никакой научной экспертизы. Институт иммунологии, Институт детской гематологии. Уже несколько институтов в течение одного года. Страна разута-раздета, и вместо того, чтобы нормально организовать научные исследования, изобретаются новые структуры. Значит: директора, хозяйственные службы, автомобили, здания, аппаратура — на многие годы возможность полного безделья. Ибо от всякого вновь возникшего института научной продукции скоро ждать не приходится.

Нам не надо ничего придумывать с нуля, мы имеем огромное количество институтов, несоизмеримое ни с каким зарубежьем. У нас гигантская гвардия ученых — без денег, без оборудования, и надо наращивать то, что есть... Представьте — всю эту солянку, где варится наука, выплеснуть на помойку. И начать то же самое, под другим наименованием, под другим финансированием, но по-прежнему — из народного кармана, делать в другом месте. А ведь вся Акаде-

мия, все ее институты созданы на народные деньги.

— На общенародные? Это касается всех республик, не только России?

— И хлопководов Узбекистана, и овцеводов Казахстана, Киргизии, Грузии — налоги-то платила вся страна. Мы все получали нищенскую зарплату для того, чтобы строить институты, академии, чтобы они нам помогали, нас лечили, разрабатывали новые методы, новые технологии, — и вдруг все это принадлежит России! Сталинизм тем и отличается от других систем, что его структура — пирамида. Лучшие архитекторы — в Москве, лучшие певцы — в столице, лучшие танцоры, лучшие врачи... Поэтому мы имеем центральную медицину, московскую. Чуть похуже, но еще по традиции как-то удерживающуюся на плаву, — ленинградскую. А все остальное — ниже, ниже, ниже. И вот в Бухаре я видел больницу: воды нет, туалет — обыкновенный загон, без дверей, дырки в полу, а поскольку ребенок может туда провалиться, он присаживается рядом, а папа лопатой потом все сбрасывает... Дети там ходят по улицам с желтухой, уровень заражения гепатитом — вирусным заболеванием печени — в 10 раз больше, чем на Западе. Доноров нельзя найти, потому что желтухой заражены почти все подряд... И на этом фоне мы заявляем: да, конечно, вы нас содержали, но теперь так же получается, если вы приедете в Москву поправить здоровье — платить придется, рублями рассчитываться...

— Андрей Иванович, вы вообще «за» самостоятельность республик или за единый нерушимый Союз?

— Я против развала Союза. В марте был референдум, мы проголосовали за Союз. Происходящее сегодня — незаконно, ибо выше референдума ничего нет. Я думаю, оголтелая тяга к отделению — это болезнь, она пройдет. Но нельзя отталкивать от себя людей с периферии такими грубыми жестами: стоит институт в России, значит, он будет работать на Россию. Мы сами его строили? Нет. На окраинах нищенствовали для того, чтобы здесь стоял институт. И потом, существуют стандарты на лекарства, которые должны быть едиными для всей страны.

— А что, кому-то может прийти в голову мысль о своих, местных стандартах — вне общей практики и вопреки здравому смыслу?

— Если я министр, первый человек от медицины в республике, я вполне могу решить: мумие — прекрасное целебное средство при переломах. И брошу деньги на производство мумие. Это в Москве знают, что мумие — шарлатанство, обман. А я буду полагаться на нетрадици-

Рис. К. РЫБАЛКО

онные методы лечения. Найму Кашпировского, он будет морочить всем голову, заработает еще миллион... Потом Чумака найду, иглоукальвателя очередного, изобрету из печени акулы панацею против опухоли... Неважно, что все помрут, я навру, поверят... Трофим Лысенко жил и творил десятилетиями! Он все уже сделал, дорогу проторил. У меня на глазах разваливали советскую генетику, она до сих пор на ноги не встала, у меня же на глазах губили советскую физиологию — она не поднялась. Точно так же уничтожали клинические школы — они умирают навсегда... Еще увидите, Швондеры пойдут стадом. А пока проводником швондеризма в медицине является, извините, Минздрав России и проповедником — товарищ Калинин. Он начал свое дело последовательно. Выступил в «Медицинской газете» против своего бывшего руководителя Чазова.

Отвесил оплеуху Чазову — действительному члену двух академий: медицинской и «большой». Удалось, мол, побороть Чазова, так я всех остальных уложу. План боевой. Вячеслав Иванович Калинин — даже не кандидат наук, так что академиками управлять — одно удовольствие.

— В каком состоянии вообще пребывает сегодня наша медицинская наука? Талантов у нас вроде во всех областях хватает, только живем мы почему-то бездарно, без конца болей и лечиться нечем...

— Мы отстаем от общемировых темпов в области медицины отнюдь не по интеллектуальному потенциалу. Наши ученые недаром уезжают за рубеж. Не в эмиграцию — по контракту на год—два. Их принимают — значит, квалификация имеется. Но мы-то беднеем. Что мне толку, если мой медик привезет автомобиль или видео, ведь он увез свои мозги. И я его осудить не берусь. Я разговаривал в Америке с одним нашим биохимиком. Как же, говорю, дома-то без вас будет? А он мне: «Встаньте на мое место. Я реактив здесь достану с полки и делаю исследование за один день. В Москве я реактив заказываю за год, мне его привезут через два, да еще не того качества... Я здесь за месяц делаю то, что в Москве за несколько лет... Попробуйте пианиста осудить за то, что он уехал по причине отсутствия рояля. Музыканты наши лучшие уехали. Выходит, медики — на очереди? Нет. Будем бороться. Понадобится — выставим пикеты. Народ у нас уже другой: если одолели путчистов, этих-то шарико-швондеров победим...

СНИМУ КВАРТИРУ НА ВАШИХ УСЛОВИЯХ

Моя подруга — в своем роде мастер слова. Она говорит так: «Меня охватил дикий, неописуемый ужас, и волосы на моей голове встали дыбом» или «И я разрыдалась. Плечи мои тряслись...» В последнее время она повторяет эти душераздирающие фразы чаще обычного: все ее разговоры — о том, как она пытается снять квартиру.

Хотя волосы становятся дыбом и плечи трясутся не у всех, кто пытается это сделать, однако снять жилье — процесс трудоемкий, нервный и прямо-таки разорительный. С каждым днем найти квартиру все сложнее. Как будто вся пустующая площадь — вплоть до комнат в коммуналках и квартирах — уже сдана, остались последние квадратные метры, за которые идет страшная борьба, и подтвердился наконец афоризм: «Москва не резиновая».

Объявления со словом «сниму», которые раньше все-таки обрывали, теперь сиротливо висят там и сям, игнорируемые прохожими. Одинаково не замечают и полные самоуничтожения «прошения» типа: «Молодая тихая студенческая семья (без ребенка!!!) за небольшую плату снимет...», и вальяжные: «Срочно сниму однокомнатную квартиру. Оплата от 600 рублей».

Увы, однокомнатные квартиры, предлагаемые многочисленными кооперативами, стоят уже под, а иногда — за тысячу (а к тому времени, как выйдет этот материал, будут стоить еще дороже). Лучше всего от квартирного дефицита маклерам. За «хороший вариант» (большая квартира в центре) они берут гонорар валютой, поскольку такие «варианты» достаются все больше СП или «фирмам». Оплачиваются эти квартиры тоже в основном валютой. За «средний» — в пределах тысячи, за «неважный» — четыреста. И все эти блага — только за то, что человек знает, кто и где желает что-то сдать.

Итак, цены сверхъестественные, причем удаленность от центра роли почти не играет: по бешеным ценам начали сдавать квартиры и в ближнем Подмосковье. В то же время в природе существуют прекрасные квартиры, и некоторым удастся снять их за 150—200 рублей: просто хозяева попались скромные. И уж, конечно, такая жилплощадь достается не через кооператив. Как всегда, наш доморощенный рынок удивляет своими причудливыми перепадами,

Фото Э. Кудрявцова

постигнуть природу которых невозможно.

Обычно жилье сдают не очень надолго (скажем, на год). Люди хотят из ничего сделать капитал — поэтому просят дорого, так как знают, что любое предложение найдет спрос. К тому же в большинстве случаев деньги требуют вперед — чтобы вложить их во что-нибудь, пока они совсем не одеревенели.

Но надежда на стабильность жилья, зародившаяся в душе квартиросъемщика после того, как он в считанные часы собирает по знакомым многие тысячи и отдает их хозяину за весь срок, обманчива: ведь договор о сдаче квартиры заключается редко. И эдакий — далеко не лучший — день в жизни квартиросъемщика ему возвращают деньги и сообщают, что пора съезжать, потому что... Чаще всего — потому что хозяева-спруги разругались насмерть и им необходимо пожить врозь. Или еще что-нибудь в этом роде — семейное. Хозяев при этом абсолютно не мучает совесть, так как никаких обязательств перед жильцом у них нет, а у жильца — соответственно — нет прав. Особенно если он не прописан в Москве. И хозяевам никогда не придет в голову, что была ведь некая договоренность, а они ее нарушили: это их квартира, а жильцу было в свое время сделано одолжение. И они по «совковым» законам правы...

Но кто же люди, отдающие тысячи за то, чтобы иметь крышу (потому что домом место, откуда вас каждую минуту могут попросить, назвать трудно).

Надо заметить, хозяев этот вопрос волнует чрезвычайно. Во время первого же randevu с еще потенциальным квартиросъемщиком они внимательнейшим образом изучают каждую страничку его паспорта. Этому акту предшествует собеседование, включающее подробный отчет квартиросъемщика о его личной жизни. Его обязательно спросят, не хочет ли он менять свое семейное положение, а если говорят с женщиной — не собирается ли она стать счастливой матерью (и горе ей, если да: ее ждет немедленный отказ. Хотя, если она скроет, что беременна, в дальнейшем, месяце на седьмом, ей предстоит изгнание). Потом как бы между прочим хозяева проводят инструктаж существования на их законных метрах. Во-первых, чистота. Безукоризненная чистота, и за этой безукоризненностью обещают следить. В большинстве случаев запрещается пить, курить и «водить гостей».

— А друзья? — жалобно перебивает квартиросъемщик.

— Разные друзья бывают, — говорят ему строго.

В общем, такое впечатление, что большинство хозяев предпочло бы сдавать квартиру мормонам или приверженцам еще какой-нибудь аскетической веры. Хотя даже мормоны рожают детей...

Наконец у квартиросъемщика прямо и без обиняков спрашивают, а не бездельник ли он, и тот начинает, горячася, это опровергать. Тогда хозяин еще нес-

колько минут колеблется, не пытаясь скрыть своих сомнений от побледневшего квартиросъемщика, и наконец объявляет: «Ну, я вижу, что имею дело с достаточно приличным человеком. Пожалуй, мы сможем договориться».

Насчет занятости жильца хозяева напрасно волнуются. Платить такие деньги за квартиру бездельник не сможет. Правда, живут редкие счастливики, которые ничего не делают, а за них квартиру оплачивают родители или любовники. Им можно позавидовать. А самостоятельно рассчитаться сможет — назовем его — деловой человек, а это понятие более чем распространено и включает в себя и спекулянта, и коммерсанта, и брокера, и просто того, кто хорошо «зашибает».

Кстати, принято считать, что квартиры снимает «лимита». Нет, их снимают и москвичи, несчастные молодожены, затерроризированные тещами или свекровьями. Это ведь сначала правительство Рыжкова сделало свое популярнейшее обещание дать к 2000 году каждой семье квартиру, а потом к этому анекдотическому проекту внесло поправку: дескать, семья — это, другими словами, корни, это дедушки с бабушками, родители, дети, братья и сестры всех степеней родства. И все под одной крышей, общим домом. Вот что значит настоящая семья! В этом смысле правительство сдержало обещание, многие такими патриархальными семьями на нескольких квадратных метрах и живут — зато в отдельной квартире.

Ну а что такое эта самая ненавистная «лимита»? Я не имею в виду «лимит», которую обеспечивают рабочими общезжитиями. Я о людях, которые что-то хорошо умеют делать — так сказать, естественный приток умов и рук в столицу. В Москве десятки тысяч людей, у которых нет ни прописки, ни квартиры, но есть работа, где их ценят (однако не в силах заплатить миллион за прописку для горячо любимого сотрудника). Они нужны Москве, причем по социальным законам в большой город постоянно должны прибывать новые люди, лучшие люди с периферии. Что касается Москвы, то без них она превратилась бы в город старушек, так как рождаемость в столице с каждым годом падает.

А так как паспортную систему в ближайшее время не отменят (как же без нее мэрия будет вводить свои любимые карточки и талоны?) и та же мэрия будет получать, правда редко, миллионы за прописку особо ценных немосквичей, остальным, не менее талантливым немосквичам, придется туго. Квартиры тем, кто без прописки, сдают скрепя сердце. У всех в памяти сохранились семидесятилетние годы, когда соседи сдаваемой квартиры наперебой «стучали» в милицию: «Рядом с нами устраивают оргии бомжи!», хотя «бомжи» сидели дома тихо и трепетали от каждого звонка. И приходил грозный участковый, требовал паспорт... а дальше начинались грустные хлопоты в поисках нового жилья.

Станет ли в ближайшее время сдаваемых квартир хоть немного больше? Скорее всего, нет. И уж совсем было бы наивным представить, что цены на них упадут — особенно если вскоре действительно приватизируют жилье: тогда оно собственным хозяевам достанется за бешеные деньги, а те станут покрывать расходы за счет квартиросъемщиков.

И снова у нас все не как у людей, и главное — не видно просвета. Из-за вечного живого бюрократизма и дальше будет увеличиваться самый большой дефицит — жилье, вместо того чтобы те, кому нужны деньги, получали деньги, а те, кому нужны квартиры, снимали их. Дай бог, чтобы в ближайшие годы хотя бы в Москве появилось понятие «домовладелец». В принципе это просто как дважды два: человек берет кредит в банке, строит дом и сдает его квартиры всем желающим на любое время. Заключается контракт, который квартиросъемщик может продлить. Обуяла человека тяга к перемене мест — переехал в другое место. Разорился — снял квартиру в бедном районе. Домовладелец же следит за состоянием здания и берет плату. Все счастливы. И есть другие домовладельцы, и существует здоровая конкуренция.

Сейчас же конкурируют между собой только маклеры. Потому что построить собственный многоэтажный дом в Москве практически невозможно (даже «пятизвездочные» гостиницы строят годами, пробиваясь сквозь бюрократические тернии, — хоть и плачено валютой). Только на оформление бумаг времени уйдет больше, чем на строительство. Не говоря уже о том, чтобы достать стройматериалы и всякие коммуникации...

Нет, долго еще не будет домовладельцев с их домами.

Остается только пожалеть тех, у кого нет хоть самой плохой, но собственной крыши. И предстоит им тратить свои душевные силы и творческий потенциал на поиски квартиры, комнаты, угла и занимать денег все больше и больше. В общем, как сказал один почти отчаявшийся человек, теперь хочется не только есть, но и где-то жить.

Елена АВЕРИНА

«В СТАТЬЕ 64 СОМНЕВАЮСЬ»,

— говорит защитник ЯНАЕВА,
в семилетнем возрасте обвиненный
по этой статье в измене Родине

Человек, взявший на себя защиту бывшего вице-президента страны, бывшего члена ГКЧП Г.И.Янаева, — адвокат, заслуженный юрист РСФСР Абдулла Хамзаев. Ему 54 года, из потомственной семьи адвокатов. Образование получил в Московском юридическом институте. Работал в Прокуратуре РСФСР и Прокуратуре СССР. А с 1979 года ушел в адвокатуру. С тех пор выступает в судах в качестве защитника по уголовным делам. Характеризуют его как человека, отлично знающего право и весьма настойчивого в борьбе за истину и законность.

— Прежде чем мы с вами перейдем к вопросу о предстоящей защите Янаева, хотел бы узнать вашу точку зрения на досудебные публикации. Нас, работников средств массовой информации, постоянно предостерегают от них. Чтобы не нарушать железного правила презумпции невиновности.

— Я противник таких публикаций, если они содержат оценки содеянного, утверждения о доказанности или недоказанности преступления. Это создает определенное мнение не только у читателей или слушателей, но и у властей, стоящих над судом. Да, над, ибо о какой независимости судей может идти речь, если они назначаются на определенный срок, после которого могут быть рекомендованы к повторному избранию, коль чем-то не угодили начальству или группе депутатов.

Впрочем, это не означает, что я категорически, при любых обстоятельствах против досудебных публикаций. Ни в коем случае! Но пусть тогда автор или авторы делают оговорку: дорогие читатели или слушатели, говоря о случившемся и о человеке, к нему причастному, мы не утверждаем, что вина его уже доказана или недоказана. Это дело суда и только суда.

Уточню, что веду речь о журналистских публикациях. Что же касается выступлений должностных

лиц из правоохранительных органов, то, думаю, им следует от них воздержаться. Иначе игра, как говорится, идет в одни ворота: вершители правосудия уже как бы приступают к своим обязанностям, а подследственные, подозреваемые слова для ответа не получают. Вы когда-нибудь видели или слышали опровержение, поступившее из следственного изолятора? Я — нет.

— Как, при каких обстоятельствах и кем вы были приглашены в защитники Янаева?

— Вам наверняка известно, что есть два способа получить адвоката. Его приглашает сам подследственный либо его родственники. Это первый способ. Второй — по назначению, когда обязанность защиты берет на себя государство. Оно и оплачивает его, в отличие от первого случая, когда труд специалиста по специально заключенному соглашению вознаграждается самой заинтересованной стороной.

Так вот я — назначен. Только не подумайте, что принадлежу к так называемой межреспубликанской коллегии адвокатов с их специальными допусками к такого рода процессам. Я обычный защитник, из обычной юридической консультации.

Почему назначен, а не приглашен? Полагаю, есть этому простое объяснение. Вряд ли Янаеву приходило в голову, что ему когда-нибудь пона-

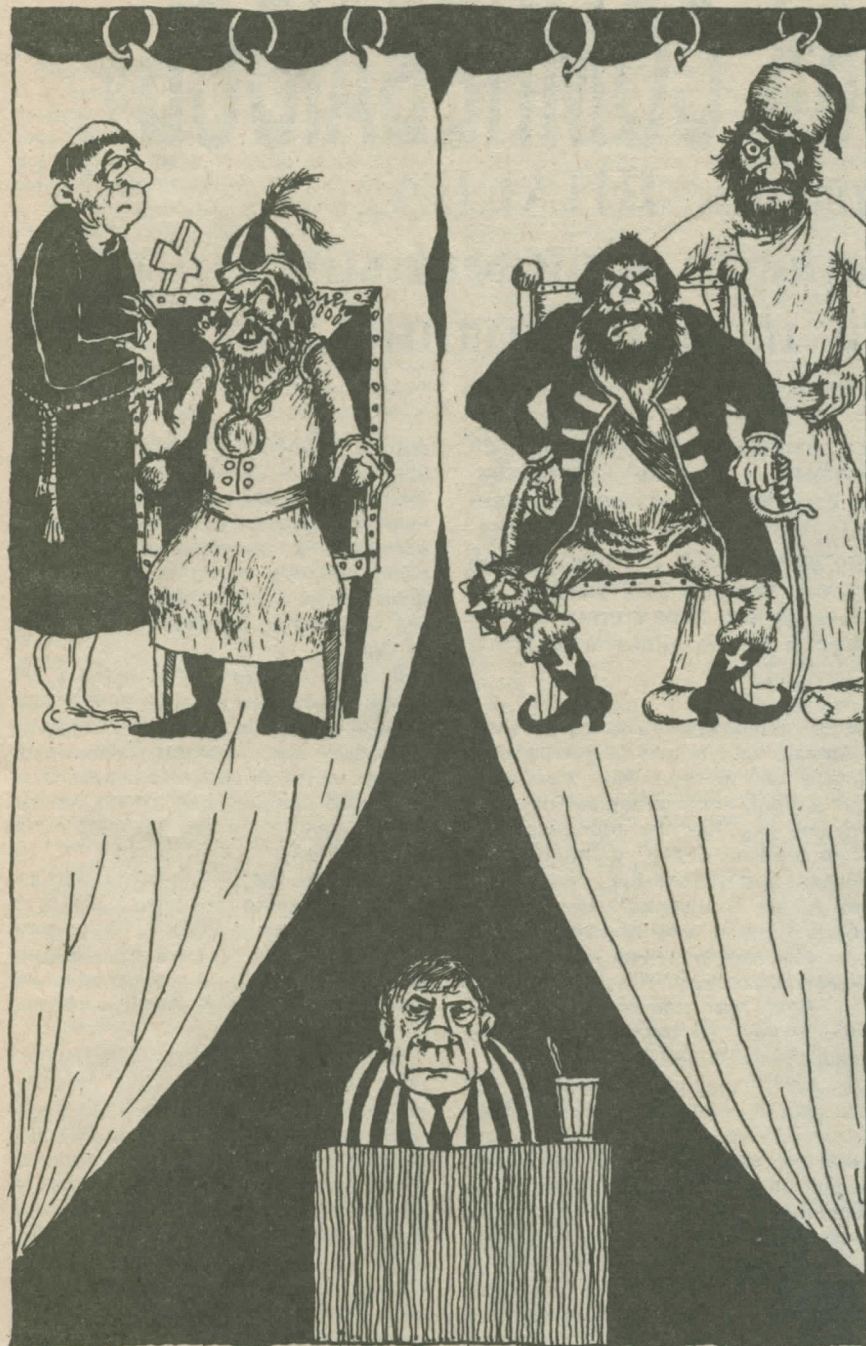
добится адвокат. И вряд ли он вообще знает хоть кого-нибудь из них лично или понаслышке. По этой причине, по-видимому, он и положился всецело на следствие, которое в свою очередь обратилось в президиум Московской городской коллегии адвокатов, остановившей выбор на мне.

Должен заметить, что никто и никакой президиум не мог меня заставить взять на себя эту обязанность, если бы я того не хотел. Сами понимаете, найти более или менее объективную причину для отказа не так уж и трудно. Но я сам захотел этого. И вот почему.

Как известно, Янаеву предъявлено обвинение по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР — измена Родине. У меня к этой статье особое, если хотите, личное отношение. Более того — предвзятое, не боюсь этого слова.

Видите ли, когда-то, в возрасте неполных семи лет, я был признан изменником Родины, как, впрочем, и весь мой чеченский народ. Заметьте, без суда и следствия. Числился я таковым целых 13 лет. В 1957 году меня простили и только в прошлом году признали невиновным, откупившись куцым листком бумаги. Мне от нее не холодно и не жарко, ибо ничто не может мне возместить все те оскорбления, те унижения и слезы, которые достались на мою долю.

Кто только не пинал меня, не обзывал предателем, не плевал в меня! Так что я слишком хорошо знаю, что значит ярлык изменника Родины, какими последствиями он грозит и обвиняемому, и его родным и близким. Всему роду. И поэтому очень болезненно отношусь к 64-й статье, стараюсь, насколько это в моих силах, чтобы она никогда не применялась незаслуженно.

Рисовал А. Заяц

— Выходит, вы...

— Да, да, в данном конкретном случае я как профессионал-юрист не нахожу достаточных оснований привлечь Янаева именно по этой статье. Во всяком случае, сомневаюсь в правомерности ее применения.

Насколько мне известно, на момент предъявления ему обвинения следствие располагало всего несколькими документами: о принятии

на себя обязанностей президента, о создании пресловутого ГКЧП и о чем-то там еще. На мой взгляд, они не свидетельствуют о том, что он совершил акт измены Родине. Здесь, мне думается, речь может идти о другом деянии, подпадающем под совсем иную статью. Мне видится здесь 170-я, в худшем случае — 171-я, то есть злоупотребление властью или служебным положени-

ем либо превышение власти или служебных полномочий.

Между прочим, эти сомнения тоже побудили меня к участию в процессе. Основанием для них служит сама расшифровка статьи 64. Давайте не пожалеем места и процитируем ее полностью и со всеми знаками препинания. Итак: «Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти...» Дальше идет мера наказания.

Вчитайтесь внимательно, что представляет собой текст после двоеточия. Не более как перечень действий, которые все вместе или по отдельности составляют измену Родине, то есть умышленное преступление против суверенитета, территориальной целостности, государственной безопасности и обороноспособности СССР. Точнее говоря, во всех случаях должна, выражаясь казенным языком, наличествовать внешняя угроза стране.

Из всей расшифровки, что есть измена, Янаеву можно вменить только заговор с целью захвата власти. Но связан ли он с посягательством на суверенитет, территориальную неприкосновенность, государственную безопасность или обороноспособность СССР? Есть ли хоть что-нибудь, свидетельствующее о возможном вмешательстве извне или о его сговоре с внешними силами? Конечно же, нет.

И еще одно. Как мне думается, власть — это не Родина, Родина — не власть, президент — не Родина и Родина — тоже не президент. А посягательство на власть или на лиц, в данный момент стоящих у власти, вовсе не есть посягательство на интересы Родины. Смена власти, смена руководства не влияет на внешнюю безопасность страны. Правители приходят и уходят, президенты рождаются и умирают, государственные структуры подчас меняются не по годам, а по дням, Родина же остается неизменной. И от всех этих

меняющихся факторов она в какой-либо зависимости не находится.

Для ясности — два примера. Григорий Отрепьев посягал на трон, выдавая себя за царевича Дмитрия. Емельян Пугачев предпринимал то же самое, объявив себя царем Петром III. И тот и другой свергали власти, убивали служивых чиновников. Но первый прибег к помощи иноземцев — поляков, второй — опирался только на свой народ. В первом случае была угроза стране извне, а следовательно, была измена Родине. Во втором ничего этого не было, и Екатерина II вменяла Пугачеву все мыслимые и немыслимые преступления, кроме измены России.

Даже Сталину, чтобы разделитья со своими политическими оппонентами и приговорить к высшей мере наказания, пришлось сделать их агентами всевозможных разведок. Иначе не было бы признаков измены Родине.

— Мы так привыкли к привилегиям, что многим видятся они и в следственном изоляторе. Дескать, не может быть, чтобы подследственные столь высокого в прошлом ранга не пользовались ими.

— Представьте, не пользуются. Они питаются по тем же нормам, что и все остальные. Как все, имеют обычные спальные места с обычным спальным набором принадлежностей. Так же ограничены предельной суммой, которую вправе израсходовать на свои нужды, то есть 30 рублей в месяц. Они получают тот же строго установленный для всех вес продовольственных передач.

Они, как и другие подследственные, лишены права переписки, хотя, на мой взгляд, это ограничение приносит чаще не пользу, а вред. Ведь письмо, полученное, скажем, убийцей, вором или насильником от матери, сестры, любимой, может порой перевернуть всю его душу, побудить к раскаянию, чистосердечному осознанию своей вины и в конечном итоге — к подлинному исправлению. Но это я уже увлекся проблемой перевоспитания.

— Если можно, то не скажете ли, как выглядит Янаев, каково его душевное состояние и насколько адекватно он оценивает свое положение?

— А вы представьте себе человека, достигшего таких высот и низвергнутого оттуда в тюремную камеру. Я могу только догадываться, что

он чувствует и что переживает, ибо при мне он ничем себя не выдает. Что касается внешнего вида, то у него такой цвет лица, какой бывает у человека, находящегося в условиях лишения свободы. Если мне не изменяет зрительная память, то на нем тот же костюм, в котором он был на пресс-конференции после переворота. Он всегда выбрит, чист, аккуратен. Не покинула его и воля.

На допросах Янаев категорически отвергает обвинения в измене Родине и не намерен соглашаться с ним. Считает, что не хотел ничего плохого ни ей, ни народу. Честно говоря, он не производит на меня впечатление человека, жаждавшего крови, желавшего, чтобы кто-то от его имени убивал людей.

С материалами дела я пока не знаком, так что давать какую-либо информацию о нем не могу и не намерен — это было бы нарушением процессуальных норм. Могу только высказать определенные суждения, причем не основанные ни на каких документах — только разве на интуиции. Чуть ли не ежедневно общаясь с Янаевым, я пришел к выводу, что он даже по натуре своей не мог быть инициатором ввода войск в Москву. Он, мне кажется, не сторонник насилия, физического насилия над людьми. Повторяю, это мое личное впечатление. Подтверждающих его документов не видел.

— А вступили ли вы в контакт с родственниками? И как они реагируют на случившееся?

— Естественно, я с ними общаюсь. В частности, с женой Розой Алексеевной, с дочерью. Единственно, с кем не соприкасаюсь, так это с его малолетним внуком и зятем. Ну а вдаваться в подробности наших бесед и проблем мне не хотелось бы. Существуют этические, нравственные и профессиональные нормы, переступать которые не хотелось бы.

— Возвратимся к спецадвокату, которая, как известно, имела доступ к определенным, скажем так, закрытым процессам. Она пользовалась известным доверием властей, чувствовала себя более или менее защищенной от чересчур пристального внимания к себе и излишней опеки. Впрочем, может, ошибаюсь, думаю о наших спецслужбах лучше, чем они того заслуживают. А как вы? Чувствуете ли вы себя совершенно раскрепощенным, свободным или все-таки находящимся под невидимым прессом?

— Конечно, сейчас другие времена, о чем свидетельствует тот факт, что по этому делу приглашены или назначены адвокаты из обычной городской коллегии. И конечно, в том смысле, что никто не указывает мне, как себя вести и как строить линию защиты, я независим. Но я очень отчетливо понимаю и осезаю, что рукоплесканий и восторгов ни от широких масс, ни от властей ожидать нечего.

Во-первых, народ наш за более чем семь десятилетий воспитан, если можно так выразиться, с уклоном в обвинительность. Вспомните призывы к расправе сперва над дворянами или офицерами, потом над союзниками по революции — левыми эсэрами, потом над кулаками, «врагами народа» (собакам — собачью смерть!) в более поздние времена — над безродными космополитами и «убийцами в белых халатах», над Пастернаком и Сахаровым... Так ведь и поныне. Мы все не лучше стали, по-прежнему жаждем предельных наказаний, отстранений, изгнаний и пр. и пр.

Что же до властей, во-вторых, то я сегодня тоже как бы противопоставлен им. У них и сейчас достаточно средств, чтобы стереть меня в порошок. Узаконено же подслушивание телефонных разговоров, правда, то ли с предварительной, то ли с последующей санкции прокурора. То же с вторжением в личную жизнь человека.

Так что, боюсь, я нынче ни от чего не защищен.

Располагаю вполне убедительными данными, что моя личная и профессиональная жизнь просматривается и прослушивается, в том числе и все или почти все телефонные разговоры. Полагаю, что и тайна общения с подзащитным весьма эфемерна. Это наша с Янаевым иллюзия. Там, где мы встречаемся, имеется, думаю, достаточно технических возможностей не только слышать нас, но и видеть. Поэтому вынужден был послать официальное заявление на имя Генерального прокурора Российской Федерации. Попросил его в порядке прокурорского надзора принять меры, которые гарантировали бы тайну моей личной и профессиональной жизни, а также исключить все формы вторжения в мое жилище.

Вел беседу Яков ШЕСТОПАЛ

ВОТ ВАМ, ГОСПОДА, И НАШИ ПРАВЫ

(Ванька Жуков образца 90-х)

Это письмо мы получили накануне открытия в Москве Международной конференции по человеческому измерению СБСЕ. И адресовано оно участникам конференции — просто у автора не было иного способа его передать. Мы, хоть и с опозданием, решили ему в этом помочь.

«Уважаемые господа!

Я заключенный особого режима учреждения АМ 244-7/9, где начальником подполковник Пономоренко.

Как мы живем? Бараки сталинской эпохи, аварийного содержания. Крыши худые, в камерах под полом вода, крысы пешком ходят, вонь от параши и полная антисанитария. Заключенных набивают в камеры по 15 и более человек. Некоторым приходится спать на полу или же громоздить «вертолеты» — это деревянные настилы между койками.

Господа разъехались, отведав красной и черной икры в буфетах Дома Союзов, а Сергей Николаевич, заключенный особого режима, все так же вгрызается лопатой в землю, или пилит лес, или строчит ватники — без лекарств и витаминов.

Где же тот барин, где Господь Бог, который придет и решит за нас наши проблемы? Можно ли было, не краснея от стыда, носить на пиджаках карточки членов советской делегации и на равных с другими толковать о правах человека?

Да, мы привыкли к зэкской экзотике, смирились со своей внутренней, «местечковой» точкой отсчета: всем плохо, так почему же худшим из нас должно быть хорошо?

Но есть ведь и другая точка отсчета, общечеловеческая.

Я сам недавно пролежал 1 месяц на полу, но потом объявил бойкот на работу и стал требовать спальное место.

О питании разговор особый. Вот уже полгода, как не видим картошки, нет лука, моркови — никаких витаминов. В магазинах также пусто, приказ министра МВД от 1 января сего года игнорируется. Начальник службы снабжения только отнекивается, мол, нигде нет ничего, достать не могу. А начальник медсанчасти майор Шилов вообще никогда

не интересовался комбинатом питания.

Говорить начальнику учреждения бесполезно. Из управления никто не приезжает, жалобы до них не доходят, а если и дойдут, то мер никаких не примут.

Каждый заключенный имеет право на лечение, а я этого права будто бы лишен. Я узнал почему — да лишь потому, что мать моя пишет на них жалобы. Вот вам, господа, и наши нравы.

А лучше бы вы, господа, посетили наше заведение и воочию убедились, что не лгу я вам, а пишу сущую правду. Наш адрес: Пермская обл., Соликамский р-н, п.Красный берег, АМ 244-7/9.

Емельянов Сергей Николаевич.»

Еще в 1955 году в Женеве были приняты Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, обязательные для исполнения во всех странах — членах ООН. В 1989 году, в Вене, мы снова подтвердили свою готовность «не поступаться принципами» цивилизованного мирового сообщества. И что же? Ни разу даже текст правил не был опубликован в открытой печати, хотя, по логике, должен был стать настольной книгой каждого начальника ИТУ, каждого контролера, каждого заключенного.

Уверены, что читателям небезынтересно будет познакомиться с выдержками из этого, почти секретного документа и сравнить их с реальностью. В том числе и на свободе.

Отдел права и морали

МИНИМАЛЬНЫЕ СТАНДАРТНЫЕ ПРАВИЛА ОБРАЩЕНИЯ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

ПОМЕЩЕНИЯ

9. 1) Там, где заключенные ночуют в камерах или комнатах, каждый из них должен располагать отдельной камерой или комнатой. Если по особым причинам, таким, как временная перегрузка тюрьмы, центральному тюремному управлению приходится отказать от применения этого правила, помещать двух заключенных в одну и ту же камеру или комнату представляется нежелательным.

2) Там, где имеются общие камеры, размещаемых в них заключенных следует подвергать тщательному отбору, чтобы удостовериться, что они способны жить вместе в таких условиях. По ночам следует осуществлять постоянный надзор, совместимый с характером заведения.

10. Все помещения, которыми пользуются заключенные, особенно все спаль-

ные помещения, должны отвечать всем санитарным требованиям, причем должное внимание следует обращать на климатические условия, особенно на температуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, отопление и вентиляцию.

11. В помещениях, где живут и работают заключенные:

а) окна должны иметь достаточные размеры для того, чтобы заключенные могли читать и работать при дневном свете, и должны быть сконструированы так, чтобы обеспечивать доступ свежего воздуха, независимо от того, существует ли или нет искусственная система вентиляции;

в) искусственное освещение должно быть достаточным для того, чтобы заключенные могли читать или работать без опасности для зрения.

12. Санитарные установки должны

быть достаточными для того, чтобы каждый заключенный мог удовлетворять свои естественные потребности, когда ему это нужно, в условиях чистоты и пригодности.

13. Банные установки и количество душей должно быть достаточным для того, чтобы каждый заключенный мог и был обязан купаться или принимать душ при подходящей для каждого климата температуре и так часто, как того требуют условия общей гигиены, с учетом времени года и географического района, то есть во всяком случае хотя бы раз в неделю в умеренном климате.

14. Все части заведения, которыми заключенные пользуются регулярно, должны всегда содержаться в должном порядке и самой строгой чистоте.

ОДЕЖДА И СПАЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

19. Каждому заключенному следует обеспечивать отдельную койку в соответствии с национальными или местными нормами, снабженную отдельными спальными принадлежностями, которые должны быть чистыми в момент их выдачи, поддерживаться в исправности и меняться достаточно часто, чтобы обеспечивать их чистоту.

ПИТАНИЕ

20. 1) Тюремное управление должно в

обычные часы обеспечивать каждому заключенному пищу, достаточно питательную для поддержания его здоровья и сил, имеющую достаточно хорошее качество, хорошо приготовленную и поданную.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

22. 2) Больных заключенных, нуждающихся в услугах специалиста, следует переводить в особые заведения или же в гражданские больницы. Тюремные больницы должны располагать оборудованием, установками и лекарствами, необходимыми для должного медицинского ухода за больными и для их лечения, а также достаточно квалифицированным персоналом.

26. 1) Врач обязан регулярно осуществлять инспекцию и докладывать директору по следующим вопросам:

- а) количество, качество, приготовление и условия раздачи пищи;
- в) гигиена и чистота заведения и содержащихся в нем лиц;
- с) санитария, отопление, освещение и вентиляция в заведении;
- д) пригодность и чистота одежды и спальных принадлежностей заключенных;
- е) соблюдение правил, касающихся физкультуры и спорта в случаях, когда эта работа не возлагается на специализированный персонал.

2) Директор должен принимать во внимание доклады и советы, направляемые ему врачом в соответствии с правилами 26 и, если он согласен с рекомендациями последнего, немедленно принимать меры по проведению их в жизнь; если же эти рекомендации выходят за рамки его компетенции или если он с ними не согласен, то он должен немедленно представить вышестоящим органам как свой собственный доклад, так и рекомендацию врача.

ПЕРСОНАЛ ЗАВЕДЕНИЙ

46. 1) Органы тюремного управления должны заботиться о тщательном отборе персонала всех категорий, ибо хорошая работа тюремных заведений зависит от добросовестности, гуманности, компетентности и личных качеств этих сотрудников.

2) Тюремная администрация должна неустанно прививать своим сотрудникам и общественности в целом убеждение в том, что она выполняет работу большого общественного значения. Для укрепления этого убеждения она должна использовать возможности общественной информации.

48. Все сотрудники мест заключения всегда должны вести себя и выполнять свои обязанности так, чтобы служить примером для заключенных и заслуживать их уважение.

КАК МЫ БОРОЛИСЬ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И... ПЕРЕБОРОЛИ

О том, что в Доме Союзов проходит Московская международная конференция по человеческому измерению (то есть по правам человека), москвичи узнали случайно: с 7.30 до позднего вечера оказались перекрыты Пушкинская улица и станция метро «Охотный ряд». География Дома Союзов такова, что он находится на Пушкинской улице, прямо напротив входа в метро. Бдительная милиция, проявляя испытанное временем рвение, оцепила целый район. К такого рода оцеплениям москвичам не привыкать: эта традиция идет еще со сталинских времен. Милиция охраняет не дом, где находится кто-то, за чью жизнь боятся, а на всякий пожарный случай всю округу. Вот и сейчас вход в метро и выход из него на Пушкинскую оказались внезапно недействующими. Нечего и говорить, что об оцеплении никому заранее не сообщалось: москвичи узнавали об этом, лишь подойдя к пикету. Милиционеры очень добродушно посылали всех желающих ехать, идти в обход три версты...

Начальник курса Московской высшей школы милиции подполковник Николай Серафимович Трапезов, которому наш корреспондент взялся доказать, что люди в форме — курсанты и их преподаватели, — стоящие на страже входа в метро, нарушают права человека под окнами дома, где идут разговоры о соблюдении прав человека, сослался на решение, подписанное тогдашним начальником Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома генералом Николаем Степановичем Мыриковым.

В приемной Мырикова, однако, корреспондента «Столицы» заверили (два разных дежурных — таким свидетельствам не верить трудно), что Мыриков никакого такого решения не подписывал.

Заместитель начальника ГУВД Александр Алексеевич Вель-

дяев не сказал, что вот он лично распорядился закрыть станцию метро и оцепить Пушкинскую улицу. Он растолковывал лишь, что иначе обеспечить безопасность участников Международной конференции просто невозможно. И вообще, сказал он, решение об оцеплении принимало не только ГУВД, но и исполнительный секретариат по подготовке и проведению конференции. Исполнительный секретариат оказался внутри Дома Союзов.

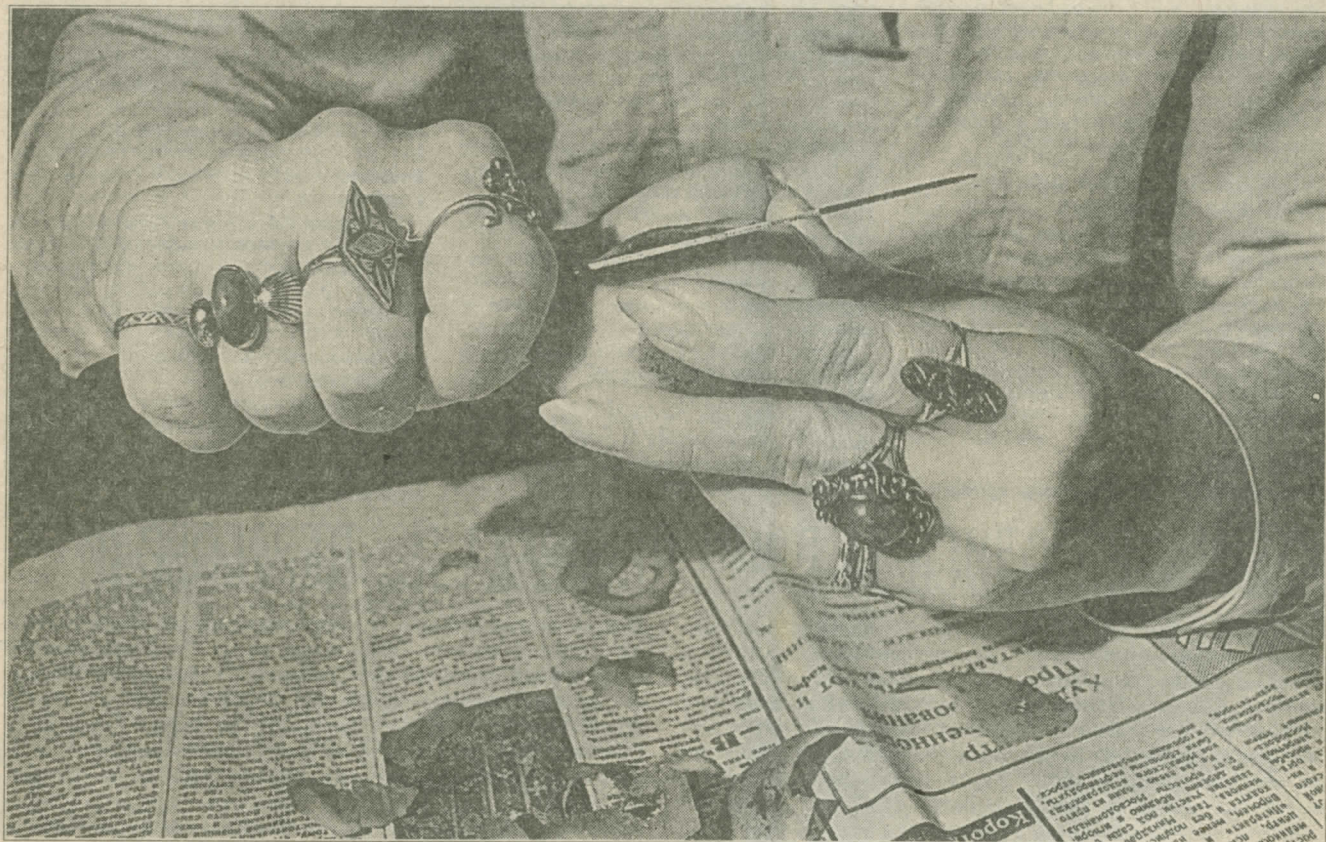
Смятенные сотрудники исполнительного секретариата не могли объяснить, кто из них распорядился перекрыть станцию метро. Наконец, корреспондент вышел на начальника службы безопасности и аккредитации Московской конференции (вот так несколько странно называется местная служба безопасности) Виталия Сергеевича Годунова.

Виталий Сергеевич, как до него Александр Алексеевич, говорил было о том, что выбран оптимальный вариант обеспечения безопасности участников конференции, но потом согласился с идеей, что тротуар, ведущий к станции метро, можно было бы и оставить пешеходам и охранять не улицу, а все-таки Дом Союзов. Виталий Сергеевич не мог отрицать, что под окнами Дома Союзов попираются самые элементарные права человека.

Через полчаса после того, как ответственные за безопасность лица согласились восстановить права москвичей, тротуар на Пушкинской был открыт. И метро открыто. И пошел нескончаемый поток пешеходов в метро и из метро, мимо железных загорожек, придвинутых сотрудниками милиции поближе к стенам Дома Союзов, как шел такой же поток и до начала конференции...

Да здравствуют права человека!!!

НИЩАЯ ЖЕНЩИНА С КЛОНДАЙКА

Пальцы ее и уши свободны от столь любимых дамами безделушек: ни колец, ни сережек — такое замечается сразу.

Неженственная? Отчего же, нормальная женщина с привычными семейными заботами.

Не любит украшений? Равнодушна к золоту? Да как же равнодушна, если спит и видит свою работу — технолога по драгоценным металлам. Если за 30 лет стажа больше десяти научных изысканий посвятила золоту.

Принципиальна?

Что есть, то есть.

Об этой пропаже на Московском ювелирном экспериментальном заводе до сих пор знают единицы. Уголовное дело возбуждено не было, хотя в одном из цехов пропало сразу 48 золотых изделий. Среди бела дня, прямо со стола пожилой работницы.

Директор завода не обращался в милицию. Он мгновенно нашел способ выйти из щекотливого положения. В одном из ювелирных магазинов были куплены 48 других изделий. Тайно завезены на завод и разложены в заводские пакетики. А те, родные, украшения так и остались

чьей-то добычей. И ничего не случилось. Завод, как и прежде, продолжал трудиться на благо родины. Только несколько заявлений легло на стол кадровикам — об уходе — и одно из них технолога Виктории Михайловны Поповой. Не выдержала она...

В стране, где воруют все — от картошки на чужих огородах до пулеметов из режимных частей, — судьба уготовила ей довольно странное занятие: сокращать потери драгметаллов при производстве ювелирных изделий. Экономить, экономить, экономить — все для государства.

Первое открытие было ошеломляющим. Она обнаружила, что на двух десятках золотых заготовок, выловленных наобум в литейке за-

вода, ощутимые кусочки золота еще в горячем виде заменены на медные.

— Это грязь, — легко парировала начальница цеха. И хотя в этом самом цехе позже обнаружили крупную недостачу, дело замяли.

В новом цехе, с новыми людьми она уперлась в те же самые недостатки. Да, цех мог по нормативам терять 10—15 граммов золота в месяц. Но вот парадокс: вновь приходящие работники поначалу даже сэкономили 2—3 грамма. Потом какое-то время шли тютелька в тютельку с нормами. А затем неизменно начинались допустимые инструкциями потери. И наконец — недопустимые недостатки. Однажды за месяц «нагар» составил в бригаде 35 граммов золота. Почему?

Какой-то шутник подкинул на стол Поповой «школьную» задачку. Там спрашивалось: сколько нужно добавить меди в слиток из 14 граммов золота 614-й пробы, чтобы получить 583-ю? Стала решать машинально и поняла — не из учебника оказалась задача, из ее жизни. И речь в ней о реальных, украденных из цеха граммах.

А что молчат все вкруговую, так ведь ничего не стоит «стряхнуть» золотые отходы неговорчивого умника, пожелавшего прожить исключительно на 200 рублей зарплаты.

Виктория Михайловна поняла отчетливо: если сейчас она не пойдет со всеми заодно, сокращать потери ей больше не придется. Ведь, по сути, она сокращает то, что является источником жизни нищих работников клондайки.

— Нет, не к начальству я кинулась. Прямо в бригаду. К своим подругам. Боже! По какой траектории я телела.

Все было закономерно. Многочисленные ЧП, из которых состояла их повседневная жизнь, складчины, по сути, и кормили их же самих. Укрываемые, гасимые, как только можно, недостатки становились тем самым колодецем, из которого, пусть по необходимости, пили многие. Обет молчания был лишь знаком, что плывать в колодец нельзя.

После каждого ЧП приходилось скидываться — по несколько сотен, а кое-кому и тысяч рублей. При максимальных зарплатах от 200 до 300.

В одном из цехов, например, постоянно лопались тигли, в которых плавил золото, а металл, естественно, проливался. И хотя каждый раз выяснялось, что тигли

бракованные, использовать их нельзя, кто-то все равно продолжал их ставить, неизбежно подводя цех к катастрофической недостаче. Этот КТО-ТО четко знал: складчина выручит и тут. Одного отказавшегося внести деньги ювелира спасал потом суд.

Иногда беспомощные всплески отчаяния, правда, выливались наружу. Литейщики, например, даже обращались к министру финансов: работаем честно, а недостатки замучили, помогите. Не помог министр. Просто выяснилось, что одна из учетчиц, взвешивая золотые болванки, годами недописывала ничтожные сотые доли грамма, из которых накапливались горы неучтенного золота. Но так и не узнали, кто и как выносил золото с завода, даже служебному расследованию хода не дали. Очередное ЧП закончилось не судом, а переводом учетчицы в другое место.

Расхожее мнение: «Не может быть! За золотом следят будь здоров!»

А удвоившиеся бухгалтеры свидетельствуют: любой ювелир на заводе может сам себе выписать наряд, потому что учета нарядов нет. Когда человек зазевается, можно «стряхнуть» с верстачка его отходы — и, пожалуйста, оплатите. Можно не направить на склад готовой продукции 10—20 изделий. Можно бесконечно передавать изделия со склада на склад, пока что-нибудь не «потеряется». Поразительно, но в ведомостях, поступающих на склад вместе с готовой продукцией, годами не пишутся номера цехов-изготовителей. То есть пути готовых изделий неисповедимы.

И вместе с этим — аккуратные папки с документами, бумажка к бумажке, в которых все сходится. Так было, например, на заводе во Мстере, где Поповой, уже в качестве специалиста-эксперта, пришлось расследовать случай с захороненными под деревом 60 килограммами серебра.

Много лет тянется «ереванское дело» — в момент передачи сырья на завод «потерялось» 70 килограммов золота. Никто не наказан.

Кочует золото: из Подмоскovie на Кировоградский медеплавильный. Едет в Новосибирск, Красноярск. И нет ни одного человека, кто ответил бы на вопрос из школьного учебника: сколько было золота и сколько его стало?

Виктория Михайловна Попова

объездила многие отечественные клондайки — заводы, где внедрялись ее технологии. Помогала разбираться в невероятнейших хищениях. Многих директоров потом снимали, но нигде — нигде! — это ситуацию не спасало. Менялись частности: не опечатан сейф — опечатывают, не висит список допущенных к работе в цехах — повесят. Безотказной оставалась система.

КГБ и ОБХСС следят, не смыкая глаз, чтобы золото не «уплывало» за границу. А граница-то, вот она, гораздо ближе, чем это представляется.

И как ни просто обвинить мафию, первый виновник — беспорядок.

— Это безнадежно? — спрашиваю ее.

— Вы думаете, я пришла жаловаться? — отвечает. — Берусь наладить весь процесс обработки драгметаллов на всех заводах. С отчетностью: от и до.

Я ей верю. А она верит теперь только в независимую комиссию. Только в особый Указ Верховного Совета СССР.

Заталкивает в сумку авторские свидетельства, туда же — ручку с надписью «НПО «Ювелирпром», пачку сигарет. И уходит.

Ирина БыСТРОВА

Фото Э.Кудрявицкого

Алма-Ата

ЗА БАРАХЛОМ ПРИХОДИЛИ ТРИЖДЫ

Местные рэкетиры нашли новый, совершенно банальный способ отнимать деньги и вещи. На единственную в городе барахолку, куда по выходным стекаются толпы алмаатинцев, они за один день напали три раза.

Сначала рэкетиры, вооруженные газовыми (и настоящими) пистолетами и баллончиками, ворвались на рынок. Они бешено палили в воздух, на головах их были надеты черные чулки. Публика в панике побежала прочь, а находчивые ребята собрали брошенные товары и удалились.

Через полчаса, когда людское море несколько успокоилось и вернулось в свои берега, был совершен второй набег. На этот раз, угрожая ножами, собирали наличность.

Народ и после этого не покинул нехорошую барахолку и продолжал торговать. А зря. Спустя час рэкетиры пришли в последний раз и забрали то, что еще стоило внимания.

О действиях милиции очевидцы отзываются так: «Стояли и смотрели с плохо скрываемым чувством пролетарского патриотизма».

Валерий РУДАКОВ

Казахстан

ЯЗЫК ДО КОКЧЕТАВА ДОВЕДЕТ, И СПЛЮНЕТ

Жизнь давно показала, как хорошо знать хоть один иностранный язык. Поскольку языковой барьер теперь, когда «наши» толпами валят на Запад, а «их» — без любопытства относятся к Востоку, — вещь весьма досадная.

Для кокчетавского аэропорта пресловутого барьера доселе не существовало за неимением надобности знать иностранные языки. Но вот и этого тихого места коснулись международные проблемы. В один прекрасный день в аэропорту, надевав небывалый фурор, приземлился частный самолет из Германии. Человек, прибывший по каким-то своим личным делам, вынужден был проторчать в аэропорту все выходные. И не потому, что не было бензина или зверствовали бюрократы.

Летчику просто не с кем было изъясниться ни на немецком, ни на английском. А казахским он, увы, не владел.

Валерий НИКОЛАЕВ

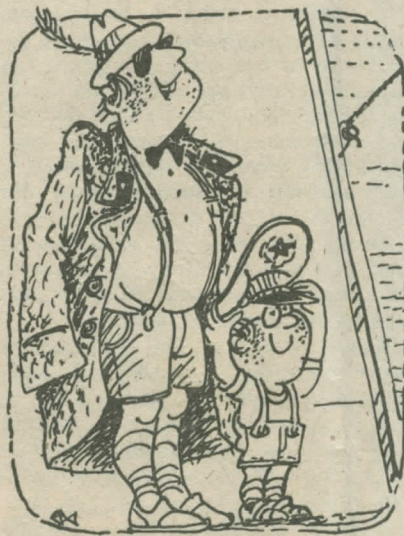
Нижний Новгород

ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Из Свердловского военторга в нижегородский спортивный магазин «Динамо» поступили шинели. В магазине тут же появились покупатели, переставшие было за неимением товара сюда заходить. Половину шинелей — 250 штук — тут же раскупили. Особо радостно со словами: «О, рашен сувенир!», шинели покупают иностранцы. Спросом они пользуются и у охотников: сукно отличное и сохнет быстро.

Рядом с шинелями на полках красуются фуражки разных родов войск, вызывая неподдельный интерес у детей и тех же иностранцев. Цена экзотического товара — около пяти рублей — за штуку.

П.И.

— Без находок не возвращаюсь, — жизнерадостно говорит Петр. — Здесь удивительно много того, к чему можно приложить руки...

Но недавняя находка озадачила и его: на красноярской свалке он обнаружил полное собрание сочинений Ленина. Руки он к нему приложил, а как использовать — не знает.

Борис ЯРОВ

Осколки собирала
Елена АВЕРИНА.
Наш телефон: 928-70-79
Рисовал К.РЫБАЛКО

НЕ БЫВАЕТ УМЕРЕННОЙ «ПАМЯТИ»

Глупо — мы восхищались Штирлицем из-за его офигенно красивой черной формы. Узкий серебряный погон на одном плече — рехнуться можно... Опять не ценим своего первородства — ведь это ж не немец, играет-то русский человек! Может, в тот момент и пришла гордая патриотическая мысль: не все немчуре проклятой! Сами можем носить черную форму — и куда красивее будет.

Так из Юлиана Семенова родилась

«Память». Сегодня, конечно, он так же яростно откажется от этого незаконного наследника, как «памятники» отреставрируются от более чем сомнительного «масона Семенова». Но чисто эстетически, думаю, не будь этих «мгновений», не было бы и такой неодолимой тяги к немецким и псевдонемецким мундирам. Все они вышли из эсэсовской шинели Штирлица.

Эстетика в «Памяти» необыкновенно важна. В сущности, все их дви-

жение чисто театральное, художественное. Даже их «программа» — это ведь, на самом деле не какая-то там политическая стратегия, тактика, не унылые, чисто европейские рассуждения. Нет — это белые стихи, некая песнь в прозе, еще один штрих, дополняющий общую картину. Сапоги-сапожки, Георгий Победоносец, черные рубашки, «протоколы сионских мудрецов»... В этом преимуществе «Памяти» — законченная художественность, своя эстетика

(чего, понятно, в помине нет ни у одной партии; последней партией, претендовавшей на свою эстетику, была КПСС — там тоже лозунги, съезды, слова имели чисто художественное значение, не несли никакой смысловой нагрузки). Тут даже цифры (скажем, процент тех же «сионистов» в составе Политбюро, количество ведер водки, выпиваемой в России, или детская смертность в Вологодской области), даже сухие цифры есть не более чем образ, символ. Эта партия всегда гово-

рила стихами (не всегда в рифму) и двигалась, как в балете (не всегда, конечно, щеголяя балетной «пачкой»).

Ну а если перевести их поэзию на язык холодной прозы?

Здесь почти все сказано и сказано сто тысяч раз. Будет голод — будет «Память». Не будет голода-холода-отчаяния — останется от «Памяти» один Георгий Победоносец. Все это очевидно, в разъяснениях не нуждается.

Очевидно и другое — по случаю

исчезновения КПСС исчезает и национал-большевистское крыло «Памяти». На первый план выходят молодцы-васильевцы, давно порвавшие с бесовским наваждением коммунизма. Кстати, Васильев весьма разумно развернул для своих сельхозработы, создал эдакий колхоз (а может — кибуц?) «Память». Что ж, для отощавшего населения эта приманка звучит очень неплохо. Ну вот, все нас ругают, все о нас говорят и то и се — а мы единственные, кто не болтает, а реальное дело делает, сами себя кормим, между прочим! Разумно.

Наконец довольно ясно и то, почему Ельцин так осторожно (скажем так!) отзывается о «Памяти». Человек, претендующий на роль национального вождя, не спешит объявлять войну национальному движению, хотя это движение давно и активно ведет боевые действия против Ельцина.

И все-таки у страха глаза велики. Советолог А.Янов прямо предсказывал, что после падения коммунистов придут русские фашисты. Ошибся... пока, во всяком случае.

Реальный политический шанс «памятников» ясен — пойти «в демократы». Не зря члены «Памяти» стояли на баррикадах у «Белого дома» (в то время как по логике иных политологов им бы приличествовало бежать во главе танков; а они оказались умнее, не захотели играть роль подкидного дурака...). Ведь наша «демократия», построенная только

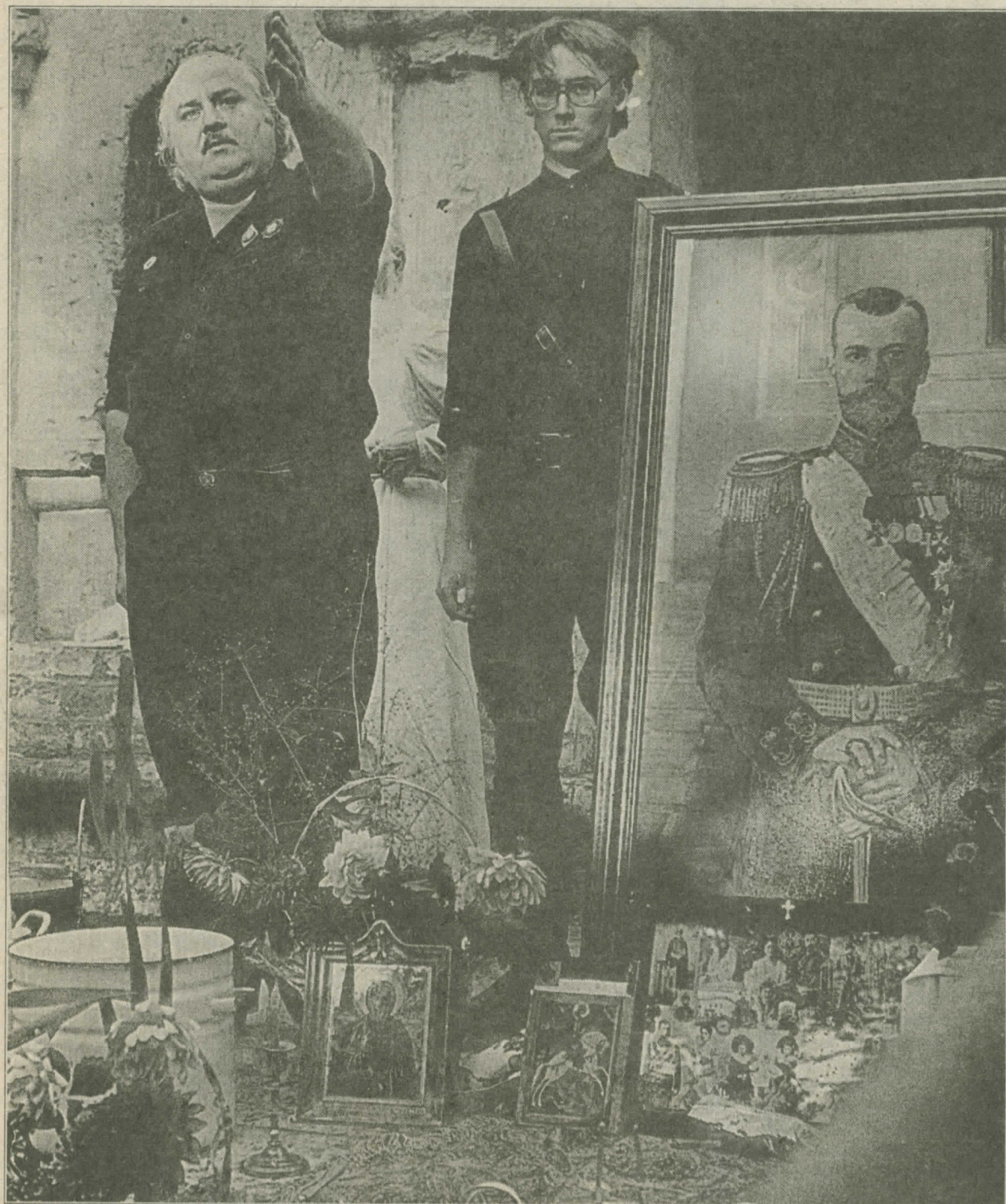

по одному принципу — кто против КПСС, — вполне вмещает и анархистов, и монархистов, и фашистов. Надо просто разыграть карту русского национального подъема, а когда «Демократическая Россия» развалится на «демократическую» и «Россию», стать во главе этой, «чисто русской» части. В чем специфика «памятников» в общенациональном движении? Коммунизм — по боку, имперская идея — тоже временно по боку. Что осталось? Антисемитизм. Это — стяг «Памяти», тот центр, вокруг которого можно пробовать собрать более широкие силы. Не беда, что скоро евреев не останется, — как уже сказано, слова имеют у этих людей не буквальное, а символическое, художественное значение. Слово «еврей» не составляет исключения. Это — пароль, в нем есть своя прелесть, знак для посвященных и понимающих,

«сплачивающая теплота символа». Кроме того, через дырочку антисемитизма происходят влияния иррационального — используя этот рычаг, можно без конца переворачивать здравый смысл.

Сейчас им предстоит осмыслить тактику большевиков до 17-го года — гибкое сочетание легальной и нелегальной работы, парламентской и «непарламентской». Легальная — заманивает, нелегальная — пугает. И создавать крепкие тылы, вести «борьбу за массы». Раньше «Памяти» отдавали роль барабанщика, мальчика, после криков которого выходят Большие Дяди — КПСС, КГБ. Дядь отныне нет. Это плохо, но в этом и азарт, и великий шанс — стать, наконец, не прилагательными, а существительными. Стать самостоятельной, массовой партией. Если брать аналогию с Гитлером — идти не к «пивному путчу», а к успе-

хам на выборах, которые и сделали нацистов властителями Германии.

Создать какую-нибудь «русскую национально-демократическую» партию и, удерживаясь от истерик жириновских, крепко, степенно объяснять русскому человеку, что он лучше всех, да вот обижен крепко, ух, как крепко! Это — Клондайк,

потенциал обиды бездонен, только растравливай его постоянно и неторопливо. Играем не Емельку Пугача, а Микулу Селяниновича и Илью Муромца в черной эсэсовской форме. Так победим!

Не волноваться: нетерпенье — роскошь.

Я постепенно скорость разовью,

Холодным шагом выйдем на дорожку,

Я сохранил дистанцию мою.

Написал, конечно, Мандельштам, но известно же: они хитрые, у них поучиться не грех... Верно, господа «памятники»?

Н. ЛАРИН,
Ю. РЫБЧИНСКИЙ (фото)

«ТРЕТЬЕГО РИМА»
НЕ БУДЕТ.
А БУДЕТ
ВСЕСОЮЗНЫЙ КАРАБАХ,
ЕСЛИ
МЫ
НЕ ИЗБАВИМСЯ
ОТ КОМПЛЕКСОВ
«ТРЕТЬЕГО
РИМА»

С недоумением мы прочли интервью, данное вашему журналу председателем Российского христианского демократического движения господином Аксючицем («Столица», № 26, 1991 г.). В нем он высказывает предположение о том, что КГБ, возможно, «приложил руку» к созданию нашей организации. Считаю для себя излишним опускаться до объяснений по смехотворным обвинениям. Достаточно сказать, что Российская христианско-демократическая партия давно зарекомендовала себя как активный сторонник самых радикальных демократических преобразований, полного демонтажа тоталитарной коммунистической системы, создания в России многоукладной рыночной экономики. Все это, кстати, отражено в наших партийных документах.

Знает ли эти факты господин Аксючиц? Не может не знать. Так для чего понадобилось ему тогда бросаться такими эффектными обвинениями? На наш взгляд, за этим скрывается определенный политический подтекст. Дело в том, что наша партия, хотя и разделяет, как и РХДД, ценности христианской демократии, но понимает их по-иному, нежели организация, руководимая господином Аксючицем.

Мы занимаем четкую надконфессиональную позицию. Это значит, что ни одной из христианских конфессий не отдается предпочтение. Все конфессии равны, каждый человек свободен в выборе конфессиональной принадлежности — таков наш исходный пункт. Такая позиция вполне отвечает принципам Всеобщей Декларации прав человека. Пытаться доказывать, что та или иная христианская конфессия более или менее истинна, — бессмысленно и вредно. Особенно убеждаешься в этом, когда видишь, как между конфессиями и даже внутри конфессий идет жестокая борьба за имущество.

Дело доходит до конфликтов, разрешением которых вынуждена заниматься светская власть. Не по-христиански это! Воистину сказано: «Церковь земная погрязла во зле». Поскольку организация господина Аксючица примкнула к Русской православной церкви, то ей пришлось воспринять и ее идеалы.

Корни идеалов Русской православной церкви уходят глубоко в историю. Известно, что православие пришло на Русь из Византии, из ее столицы Константинополя, который именовал себя «Вторым Римом». Москва стала впоследствии «Третьим Римом». Так что истоки надо искать в «Первом Риме», то есть в столице Римской империи.

Христианство, утвердившееся в ка-

«Свято-Данилов монастырь»

честве государственной идеологии Римской империи, как раз и отвечало ее тираническому политическому строю, утвердившемуся на заре нашей эры, еще до Рождества Христова. Почему же так произошло? С одной стороны, христианство, если не самое, то одно из нравственных учений, несущее добро, терпимость, справедливость, гуманизм, было использовано римскими императорами для душевного успокоения своих подданных. А с другой — деяния апостолов, обрацающих в христиан язычников, были восприняты императорами (ставшими к тому времени христианами) и отцами римской христианской церкви в качестве божественного обоснования захвата соседних государств и народов. Рим стал постепенно представлять его апологетам не только политическим, военным, торговым, культурным, географическим, но и божественным центром. Городом, якобы избранным Богом, чтобы освещать божественным светом империю и весь мир (именно поэтому разграбление Рима варварами было расценено современниками как великий грех, совершенный Римом пред Богом, за что Бог и покарал его).

Сохранившаяся восточная часть бывшей Римской империи под назва-

нием Византийской империи переняла государственную идеологию Рима. Аргументировано это было так: Бог сохранил Константинополь, следовательно, он и есть «избранный» Бога. Так за Константинополем, фактически ставшим преемником Рима, утвердилось название «Второй Рим». Но и этот «избранный» был захвачен. Правда, уже не язычниками, а мусульманами. Осталась лишь одна наследница Константинополя — Москва, а потому она и есть одна-единственная не грешница, «избранница», — логично полагали цари русские и отцы церкви.

Сущностью «Трех Римов» является стремление приобрести новые территории — внешняя экспансия, — оформившееся в виде имперского сознания и мышления, высокомерия по отношению к другим народам и племенам. Как видим, имперское сознание и мышление тесно переплетается с христианством (но не с учением Христа!). А точнее, с двумя его ветвями — православием и католичеством. Различия между православием и католичеством в религиозных обрядах, культе не играют в имперском сознании и мышлении сколько-нибудь заметную роль. У обеих этих ветвей единая основа — мощная церковная организация, стремящаяся к подчинению себе

государства, являющегося светским институтом, и расширению своего влияния на нехристианские, или языческие, народы.

Христианство, как единая идеология, перестало быть связанным с имперским сознанием и мышлением вместе с падением Рима. Католичество продолжало оставаться связанным с ним вплоть до второй половины XIX века, уступив свое место коммунизму. Православие уступило коммунизму в начале XX века. (Кстати, в отличие от православия и католицизма протестантизм со времени своего возникновения практически не было связано с имперским сознанием и мышлением.

Но наконец-то рухнул в результате демократической, антиимперской (антиколониальной) революции коммунизм. Последняя империя (коммунистический «Третий Рим») тоже канула в Лету. Однако, как говорится, «свято место пусто не бывает», если оно, конечно, свято. А господин Аксючид, очевидно, полагает, что оно свято, ибо пытается на место убитого коммунизма вернуть имперское православие. Несмотря на то, что от имперского православия окончательно отошел даже Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, предоставив Украинской и Белорусской православным церквям самостоятельность.

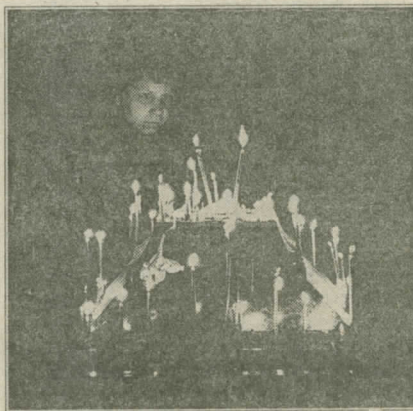
Продолжая оставаться на позиции имперского православия, господин Аксючид и его организация ориентируются на «просвещенный патриотизм», на национально-патриотические ценности. Что ж, каждому — свое: РХДП же больше тяготеет к западной христианской демократии, к идеям либерализма в западном понимании. Подтверждением тому, в частности, является блок «Либеральный союз», в который наряду с нами входят: Партия конституционных демократов (лидер В.Золотарев), Партия свободного труда (лидер И.Коровиков), а также ряд политических и общественных деятелей: А.Мурашев, С.Сулакшин, Г.Каспаров, В.Селюнин и др.

Но как совместить имперские ценности с демократией? Может ли вообще империя быть демократической республикой? Красноречивый ответ на этот вопрос дает история республиканского Рима.

Рим поддался страсти завоевания. Вначале — прилегающих территорий. Но после разрушения Карфагена в результате изнурительных войн приступил к захвату территорий уже отдаленных. Благо, за счет захватов становилось богаче жить (правда, преимущественно знати). Конечно же, сила Рима позволяла завоевывать народы, которые оказались неспособными противостоять более

сильному противнику. Однако жажда захвата (или имперское сознание и мышление) стала основной причиной гибели республиканского Рима. Ибо это усиливало роль глав республики, предоставляя им все большие полномочия. С течением времени были полностью ликвидированы республиканские институты. Если бы римское государство не пошло на ликвидацию республики, то оно не дожило бы и до Рождества Христова. Безудержно растущий военно-бюрократический аппарат не мог быть более управляем республиканскими институтами. Огромное государство распалось бы на ряд мелких. Республика, таким образом, на определенном этапе развития Рима становилась гибелью единого государства. Поэтому, чтобы не только спасти от распада государство, но еще более упрочить его, потребовался переход к империи. То есть к абсолютной монархии, стремящейся к захвату других государств и территорий с населяющими их народами и племенами. Этому способствовало и утвердившееся в сознании римлян имперское мышление.

Трудно сказать, понимает ли господин Аксючид, что невозможно соединить империю (имперское православие) и демократическую республику. Где же это видано, чтобы в демократической республике принуждали жить нежелающие народы (к тому же еще с различными религиозными верованиями) под одной крышей? Или, может, скажете, что позиция господина Аксючиды не такова? Но тогда как понимать его стремление если не вернуть в одно государство разбежавшиеся бывшие союзные республики, то хотя бы оттяпать часть их территории под тем предлогом, что там проживают русские?..

«Пасха»

И все-таки, можно или нельзя вернуться к единому государству? Можно. Но только примерно таким же путем, каким пошли путчисты. Но тогда нам не видать ни республики, ни демократии! Значит, демократия господина Аксючиды есть не более чем мимикрия под нее.

Наша партия, твердо выступая за демократическую республику, решительно отвергает имперские поползновения. Те республики и народы, которые хотят быть независимыми, должны осуществлять свою мечту. Если бы не работа большевиков, то после распада Российской империи не была бы создана империя советская. Колониальная политика, проводимая русским и советскими царями, изжила себя. Конечно, с распадом империи особенно встали проблемы защиты прав человека и единого экономического пространства. Но и они могут быть решены за столом переговоров между независимыми государствами. Но только не пересмотром границ! Иначе мы получим Всесоюзный Карабах.

Модернистской по отношению к учению Иисуса Христа является и философия Российского христианского демократического движения. Она опирается прежде всего на русскую религиозную философию. А философия эта в значительной степени лежит в стороне от учения Христа. В отличие от господина Аксючиды, у которого заметна мимикрия под христианство, мы исходим из Евангелия, поскольку оно непосредственно дано нам Сыном Божиим Иисусом Христом. Модернизация может быть, по нашему убеждению, только в рамках этого учения. Если же оно устареет, как устарел Ветхий завет, то, вне сомнения, Господь Бог заключит третий, Новейший завет. Пока что этого не произошло. Поэтому учение Христа является для нас основой основ. Было бы очень странно называть себя христианами и брать за основу не учение Христа, а какое-либо другое.

Очень жаль, что, вместо того чтобы вести с нами честную теоретическую полемику, подыскать аргументы для доказательства своей правоты, господин Аксючид прибегает к использованию ярлыков типа «партия-пустоцвет». Это не делает ему чести как политическому деятелю. Пусть его высказывания останутся на его совести.

С. МЕЗЕНЦЕВ,
член политического совета
Российской
христианско-демократической партии,
православный, 19 сентября 1991 г.

Фото А. Гордеева

Нам больше не шлют просьб типа: «Дорогая «Столица», расскажи о переулках Старого Арбата». Политически нейтральные письма исчезли напрочь. Очевидно, писать сейчас можно только о трех августовских днях и о том, что за ними последовало, — или не писать вовсе.

Печатать эти письма лучше всего безо всяких комментариев, просто в порядке поступления. Лишь о первом стоит сказать особо. Честное слово, именно оно оказалось наверху в горе почты, скопившейся за дни переворота. 22 августа утром читать его было очень интересно.

Отдел писем

ЧЕМ ОНИ ПРОВИНИЛИСЬ?

Не могу сказать, как я возмущен обложкой 28 номера с карикатурой «Три веселых друга...» (Язов, Пуго, Крючков). В любом государстве должно быть уважение к Власти, а вы позволяете себе так издеваться над видными людьми страны. Чем провинились руководители армии, разведки и МВД перед прессой, что она так злобно их травит? Какое после этого может быть уважение к президенту, доверившему им эти посты? Именно такие карикатуры ведут к конфронтации и к тому, что ничего святого для людей не остается.

В.Красоткин,

Москва

АХ, КАК УГАДАЛИ!

Меня всегда интересовал дар провидения периодических изданий. И вот в очередной раз я убедился в том, что он существует!

Я говорю о номере 28 за 1991 год. Увидев обложку в киоске, я приобрел два экземпляра, а друзьям сказал, что этот номер скоро станет большой редкостью. Слава Богу, все обошлось, разум победил идиотизм. Теперь я ваш постоянный читатель и хочу внести несколько предложений. Введите постоянную рубрику: «Политика в карикатурах». Этот жанр практически неисчерпаем, и журнал мог бы очень хорошо его развить. И еще. Недавно мне попала в руки книга А.Барбюса «Сталин...» 1936 года издания. Предлагаю рубрику «Это было... было...», где будут печататься фрагменты подобных книг с комментариями. Уверен, многим будет полезно это прочитать.

М.Лобжанидзе,

Зеленоград

РОССИЯ ЧЕРЕЗ «СВОБОДУ»

Поздравляем редакцию с нашей общей победой. Мы уверены, что без журналистов этой победы могло не быть... Ведь вы, дорогие наши, раскачивали монолит Системы, покоя партийным руководителям не давали... Спасибо за честную работу.

В вашем журнале публикуется Владимир Матусевич. Очень просим через него поблагодарить журналистов радио «Свобода». В черное утро 21 августа, когда вырубил «Эхо Москвы», в эфире была только «Свобода», а затем через нее мы узнали частоту «Радио России». Это же фантастика — через «Свободу», через спутник — Россия!

Н. и М. Вашковские,

Москва

ПАРТИЙНЫЕ КОНТОРЫ — ПОД БИБЛИОТЕКИ

Дорогие товарищи, еще месяца за два до переворота я послал вам письмо с предложением о том, что уже давно пора вешать коммунистов (руководителей). Наверняка много таких писем приходило и Горбачеву. Если бы он отнесся к ним с вниманием и пониманием — не случилось бы переворота.

Теперь у меня еще два предложения. Не понятно, почему создан фонд пожертвований для преодоления последствий переворота. По-моему, все расходы обязана нести КПСС, а асфальтирование улиц, перепаханых танками, должно, хотя бы частично, осуществляться за счет личных сбережений Янаева и Язова.

Второе — здания некоторых партийных контор следует отдать под библиотеки. До сих пор Тургеневская библиотека не имеет своего помещения, ее книги свалены неизвестно где. В жутких условиях находится Историческая. Да почти все центральные библиотеки нуждаются в дополнительных площадях.

С антикоммунистическим приветом

С.Яровой,

Москва

ГРЯДЕТ ЛЕВАЯ ДИКТАТУРА

Борис Николаевич, примите поздравления! Вы чудовищно быстро, за неделю, смогли сожрать всю страну. Вам следовало бы поблагодарить членов ГКЧП — именно они открыли вам дорогу к неограниченной власти. Теперь — давите инакомыслящих. Так держать! Сначала вы — их, потом кто-то третий — вас, тем же способом. Закон — что дышло, куда повернешь — туда и вышло.

Не подписываюсь — грядет левая диктатура.

Калуга

Я ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПРОЗРЕВАЛ

Я 20 лет был членом КПСС, прозревал (к своему стыду) мучительно и долго. Разорвал с партией только, когда избрали Полозкова — это оказалось последней каплей.

Считаю, что было бы интересно узнать со страниц журнала, чем занимаются и что думают в это трудное для страны время такие «защитники» интересов народа, как Рыжков, Воротников, Промыслов, Гришин и другие. И еще хотелось бы расширить рубрику «Осколки». Уверен, не только мне не хватает объективной информации по стране.

Хочу поблагодарить вас за интересный и умный журнал. Отдельные номера я посылаю сыну, проходящему срочную службу в ВМФ. Матросы читают с удовольствием.

В.Шпекторов,

Москва

Все мы, люди, эгоисты. Это не означает, что мы непременно обязаны уничтожать друг друга. Мы хотим для себя хорошей жизни, а здесь прямая зависимость от благополучия соседа (по коммунальной квартире или лестничной клетке, по микрорайону, округу, по кабинету, городу, по стране, по земному шару) — у него не должно быть причин для зависти. Вот сейчас распадается Союз, и в метро разговоры на одну тему: как больно это стукнет по нас, по России. Из эгоизма мы сопереживаем тем, кто в «горячих точках», мы переносим чужие беды на себя и проникаемся. Из эгоизма стали нам любопытней, чем прежде, наши соседи-мусульмане (в одной Москве, говорят, их около 800 тысяч, а в Союзе — 80 миллионов) с их сегодняшней национал-исламской активизацией. Мы видели в них рабов — поставщиков хлопка да виноградно-арбузных торгашей. Восточное коварство. Хитрость и жестокость. Черт знает еще какие стереотипы. Теперь приходится напрягать зрение и в эту дремучую для нас сторону, чтобы разглядеть свое будущее. Задавшись подобной целью, наш корреспондент Азлита Ефимова встретила с доктором исторических наук, профессором-исламоведом, полномочным представителем Совета Исламского культурного центра города Москвы Гасымом КЕРИМОВЫМ.

— Феномен эпохи перестройки. Когда пошла речь о новом союзном договоре, в первую очередь от Союза начали отказываться наши братья по религии. Христианские республики. Прибалтика, Молдова, Грузия, Армения. Теперь — Украина. А мусульмане — казахи, узбеки, азербайджанцы, туркмены — за Союз. Боятся погибнуть в одиночку?

— Эстония с полутора миллионным населением не боится самостоятельности, неужели Узбекистан с его 20 миллионами пропадет, обретая независимость? Просто, скажем, Прибалтийские республики были присоединены к СССР в весьма обозримом прошлом. А связь между русским и тюркскими народами имеет далекие исторические корни. Древняя родина тюрков — общие со славянами земли. Алтай, Сибирь, Средняя Азия. Один из ключевых сюжетов древнерусской литературы — дружба-вражда между половцами и славянами... Конечно, мусульманскому региону за годы

советской власти меньше других повезло по части экономики. Одностороннее ее развитие, монокультура (хлопок в Туркмении, Узбекистане) погубили все другие виды хозяйства. Начинать самостоятельную личную жизнь во многом придется с нуля. Надо заметить: мусульманские республики не слишком опасаются своего «старшего брата» — России. Это в Прибалтике всегда боялись ассимиляции: маленькие народы, никаких религиозных препятствий, если так дальше жить, можно в конце концов раствориться среди русских. У мусульман же, при их многочисленности, высок прирост населения — не больно легко ассимилироваться.

— Одна из мусульманских традиций — многодетные семьи. Удивительно, что ее не удалось искоренить даже за семь десятилетий существования «единого, нерушимого». А как в это время реализовывались другие исламские заповеди?

— Советская власть полностью

«НАМ НЕ УЙТИ ОТ ИСЛАМА...»

отняла у мусульманской религии ее социальную функцию. Обычные мусульмане при этом пострадали даже материально. Мечети, особенно в сельской местности, были центрами «проката». На время похорон, свадеб, приемов гостей мусульмане могли бесплатно брать ковры, посуду, и, когда эта «темная», «отсталая» привычка была ликвидирована, бедным людям туго пришлось. Доссоветские мечети служили не только для молитвы: лучше всяких профсоюзных и партактивистских организовывали помощь неимущим. Был хашар, походный субботник, когда мусульмане собирались общиной и помогали бедняку дом строить. Самым обездоленным предназначался специальный мусульманский налог — за счет него даже в первые годы большевистской власти для колхозов приобретался инвентарь. Ислам прежде не знал отделения от государства, от политики, от светской жизни. И когда религии был дан приказ — не играть в обществе никакой практической роли, народный

в том суть, чтобы обязательно иметь несколько жен, а чтобы не грешить, не встречаться в парке с посторонними женщинами. Бери вторую жену, если одна не удовлетворяет, но не порть семью, не позорь, не лги, не прелюбодействуй. Среди немусульманского населения у нас разводы доходят до 70 процентов, а у мусульман — всего один процент.

— Мусульмане, понятное дело, гордятся своей религией. Но почему же у христиан на бытовальском уровне ислам ассоциируется с агрессией, воинственностью, фанатизмом?

— Ни один образованный человек не скажет, что такая-то религия агрессивна, другая — нет. Ислам возник в седьмом веке. Самая молодая религия, отношение которой к христианству носит канонический характер. Это заведомо уважительное отношение. В Коране имеются все основные библейские пророки.

— А где все-таки истоки такого дурного мнения об исламе?

— В прошлом русского и тюркских народов. История полна борьбы между славянами и половцами-кыпчаками. Никогда Россия ни с кем так долго не воевала, как с турками. Турки-то внутри, территории общие. Они и дружили, и враждовали. Многие и сегодня боятся — не дай Бог, у России с мусульманским миром будут добрые отношения. Сильных всегда боятся...

— Кто боится?

— Боятся, что Россия станет хорошо относиться к мусульманским странам. Скажем, народный депутат СССР Зорий Балаян в «Коммерсанте» заявил, что Турция всегда была и останется врагом России. За 70 лет мы с кем только не дружили — с Кубой, Анголой, Марокко, а с близкими соседями, Ираном и Турцией — только сегодня начинаем. Кто мешал? Сталин, Берия. Окружение — Микоян. Пугали русского мусульманином как пугалом. Мол, исламские народы как грибы растут, они разрушат страну изнутри, скоро весь Союз станет мусульманским. А русский человек и думает: да, у этого казаха 10 детей, а у меня один, точно — раздавят они нас... Массовая пропаганда и агитация... Почему алфавит изменили у мусульман? Чем арабская письменность хуже грузинской или армянской? Целе направленная политика...

— Кроме простых мусульман есть еще и исламские фундаменталисты. О них-то мы, точно, слышали как о непримиримых фанатиках от религии...

— Нельзя переносить эти полуслухи-полужизни о мусульманах за рубежом на Советский Союз. Исламский фундаментализм очень силен в Иране, в Афганистане, в

ислам все равно выходил за рамки официального регламента, за стены мечети, сохранялся в быту мусульман, в семье, в запретах, пищевых и нравственных, как, например, прелюбодеяние...

— Простите, а как ладит с нравственностью дозволенное исламом многоженство?

— Зато какая крепкая семья у мусульман. В этом отношении ислам превосходит все другие религии. Не

арабских странах. Но откуда ему взяться у нас? Чтобы быть фундаменталистом, надо фундаментально изучить ислам. Где советский человек мог получить нормальное исламское образование? Чтобы он мог бороться за чистоту ислама, противопоставлять новому — канонический ислам?! Все знания у нас давали, как в аптеке, по рецепту: не больше, чем положено. До перестройки в огромном мусульманском регионе, где почти 80% населения исповедует ислам, имелось всего одно учебное заведение — медресе. Ничтожно мало было зарегистрированных мечетей. И потому параллельно шла неофициальная религиозная жизнь. Преобладали незарегистрированные общины, и мусульманские народы были разделены на две части, и возникла масса конфликтов, процветало доноительство, люди оговаривали друг друга, агентуре госбезопасности было чем поживиться от ислама...

— Сам ислам тоже не един. Два направления: сунниты и шииты — какое из них более консервативно?

— Так нельзя говорить. Все равно что сказать: православие консервативнее католицизма — или наоборот. Просто большинство тюркских народов, исповедующих ислам, — сунниты. У нас шииты в основном в Азербайджане. Есть шиитские общины в Таджикистане, в Дагестане. Различие — не в принципиальном отношении к Корану, а к вопросам социально-политическим. Шииты считают, что во главе государства должны быть обязательно люди из рода пророка Мухаммеда. То есть признают наследственность власти. Сунниты же утверждают выборную, независимую власть.

— Выходит, сунниты — демократы на фоне шиитов? Скажем, узбеки прогрессивнее азербайджанцев...

— Да нет. Просто шииты сильнее в религии, поскольку у меньшинства всегда религиозное чувство более развито. Шиизм был в свое время гоним на Востоке. Если взять всех мусульман в мире, лишь одна десятая часть его — шииты. Гонимая секта всегда прочнее. Почему именно в Иране высока политическая активность ислама — там шиизм государственная религия.

— Каким образом уровень мусульманизации в советских республиках Средней Азии и Кавказа связан с политической обстановкой в них?

— В Узбекистане влияние ислама закрепило за 40 лет то обстоятельство, что в Ташкенте находится Центр духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. Конечно, духовные центры, созданные по указанию Стали-

на, чтобы централизованно контролировать религиозную жизнь, — на сегодня анахронизм. Система изживает сама себя... Но вот на территории Узбекистана и Таджикистана возникли некие исламские партии Возрождения. Это сильное политическое движение, тесно связанное с демократическим...

— Эти люди ставили конкретные политические задачи? Отделение от Союза, например?

— Они не успели ничего такого поставить. Они видели в исламе надежный барьер ассимиляции национальной культуры. Поскольку они не признавали официального духовного управления, то бишь подотчетности государству, их сразу и запретили. А так как это движение было направлено и против господства партократии, можно судить, где в мусульманском регионе партаппарат еще в силе.

— Вы допускаете возможность создания на советском Востоке Исламской республики? Ведь подобные движения Возрождения на это и нацелены?

— Религия может только объяснить социальный строй, но не бывает религиозной экономики. Завод работает и в Москве, и в Тегеране, и в Лондоне. На Ближнем и Среднем Востоке 46 мусульманских стран, где ислам является государственной религией, но все они по-разному называются. Есть республика Египет. Или Алжир. Но есть и Исламская республика Пакистан, Исламская республика Иран. И в Египте влияние ислама не меньше, чем в Иране... Если возникнет Исламская республика Узбекистан или Азербайджан, почему это обязательно будет во вред России?! У нас же сегодня прекрасные контакты практически со всеми мусульманскими странами. Разве от религии зависят межгосударственные связи? Саудовская Аравия, духовный центр мусульман, в гораздо лучших отношениях с Америкой, с Европой, чем со своим братом — Ираком. Или тот же Ирак, который оккупировал Кувейт, своего мусульманского брата — араба. Религия тут ни при чем. Каков народ, такова и вера.

— Но разве не влияет религия на межнациональные отношения? Разве нет религиозной почвы в наших сегодняшних межнациональных конфликтах? Почему они столь кровопролитны именно в мусульманском регионе? Фергана. Баку. Карабах...

— В Фергане турки-месхетинцы и узбеки, тоже тюркского происхождения, убивают друг друга — и в этом виноват ислам, запрещающий мусульманину проливать кровь брата?! Если эти узбеки 40 лет назад приютили несчастливых изгнанников

месхетинцев, а сегодня вдруг начали убивать их — значит, тут действуют посторонние силы. Партаппарат никогда не умел разрешать проблемы, зато отвлекающие маневры устраивал виртуозно. Тоталитарный режим, монокультура, уничтожение ресурсов, миллион безработных в одной Ферганской долине — надежная база для ненависти даже к своим братьям-мусульманам. Что, христиане христиан нигде не убивают? Говорят, в Карабахе идет борьба между исламом и православием. Кто заинтересован больше людей втянуть в этот конфликт, тот придает ему религиозную окраску. Да, действительно, армяне — христиане, азербайджанцы — мусульмане. Но вопрос чисто территориальный, местный. Армянские националисты понимают, что Азербайджан никогда не уступит Карабах.

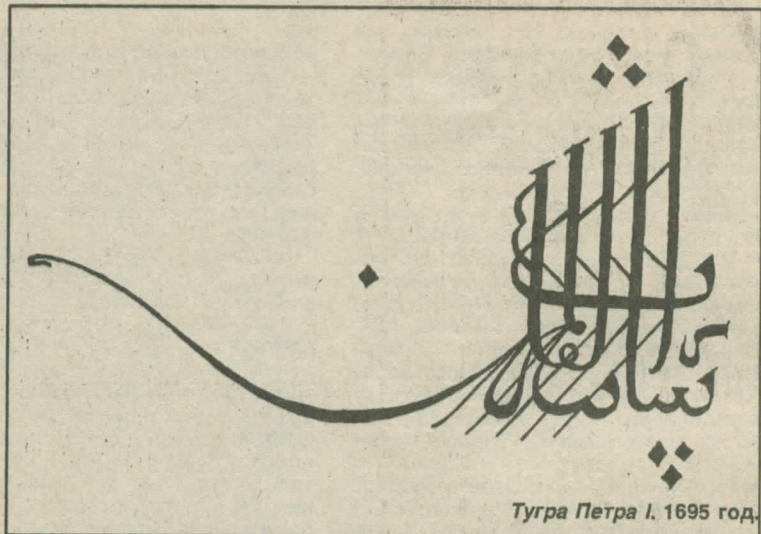
— Если Азербайджан отделится от Союза, не примкнет он к своему ближневосточному брату?

— Когда народ устал от подчиненности, он ни к кому не поспешит примкнуть. А то, что все мусульманские республики рано или поздно отделятся, — очевидность. Как и то, что экономические связи с Россией никуда не денутся.

— Сама Россия — лоскутное одеяло. После отделения республик что будет с мусульманскими автономиями? С Дагестаном, Татарией, Чечено-Ингушетией, Кабардино-Балкарией, Башкирией?..

— Сейчас переходный период. Все народы ищут свои пути. Но нельзя рвать изнутри. Поэтому России не уйти от ислама. И ислам может сыграть положительную роль в отношениях между русскими и мусульманами. Уважать религию — значит, уважать народ. Надо лишь избавить людей от невежества. Чтобы русские перестали бояться ислама, не смотрели, как на врага, на соседа своего... Говорят, ислам почитает лишь тоталитарные режимы и Средняя Азия, отделившись, станет оплотом реакции. Но ислам не признает рабства. В Коране сказано: ислам ниспослан, чтобы спасти человека от человеческого рабства, сделать его рабом господ Бога. Другого господина быть не может. И то, что мы, как рабы, в нищете жили, не ислам породил, не христианство — общая система. Дальше, верно, наша судьба во многом будет зависеть от жизни этих двух больших религий, то есть от нас с вами самих...

ВОСТОЧНЫЙ ГЕРБ РОССИИ?

Тугра Петра I. 1695 год.

Судя по всему, традиционное представление о старой российской государственной геральдике — двуглавый орел со скипетром и державой — нуждается в существенном дополнении: долгое время в России существовал и другой высший геральдический знак — тугра. Правда, он не был широко известен ни в семнадцатом веке и начале восемнадцатого, когда тугра соседствовала с орлом, ни позже, когда она вышла из обихода и оказалась забытой даже знатоками отечественной геральдики. Само слово «тугра», знакомое у нас только узкому кругу востоковедов, до сих пор относилось лишь к гербам турецких падишахов и крымских ханов. Трехзнаменный символ власти и суверенной исключительности восточных владык украшал их указы, многочисленные жалованные грамоты адресатов, послания, среди которых, естественно, были и российские цари.

Примерно год назад автор этих строк взялся перебирать грамоты московского Архива древних актов. Какое-то время работа приносила только ожидаемые, хотя и крайне важные для историка-архивиста результаты. Но вот пошли хивинские дела — и первая неожиданность: на грамоте Петра I и его брата Ивана к хивинскому хану сияла золотом тугра с пятью восточными знаменами. Тогда родилось предположение, что это тугра Петра и Ивана Алексеевичей, иначе говоря, неизвестный до сих пор восточный герб России. Так оно и оказалось. Правда, использование ее Петром I могло быть лишь эпизодом в истории русского парадного делопроизводства, еще одной яркой иллюстрацией неординарности политического имиджа царя-реформатора. Но через некоторое время в крымских делах была обнаружена тугра деда Петра — Михаила Федоровича, в персидских — тугра отца Петра — Алексея Михайловича. Далее последовали тугровые грамоты из индий-

ских, монгольских и калмыцких дел. Теперь можно было уверенно утверждать, что в семнадцатом — начале восемнадцатого века второй герб России был хорошо знаком большинству властителей Востока, соседей России: от крымского хана до императора Великих Моголов.

Но что прочитывали они в адресованном им знаке московского царя, какой словесный ряд прятался за гордыми знаменами российской тугры? Ответить на этот вопрос смог блестящий знаток арабской палеографии Дмитрий Морозов. Он разгадал приемы стилизации арабского письма, примененные золотописцами Посольского приказа, и прочитал: «би-инайти Рабби-аламин (милостью владыки миров)». На торжественных посланиях российских самодержцев в золотом одеянии тугры сияла древняя арабская богословская формула!

Тугра российских самодержцев являла миру совсем иной образ государства российского, нежели величественный двуглавый орел,

изображение которого тоже сопровождало все восточные грамоты московского правительства. Обе эмблемы составляли как-бы парадную свиту посольской грамоты и великолепно дополняли друг друга: большая или средняя государственная печать с орлом красовалась на внешней стороне грамоты, тугра находилась на внутренней стороне над текстом послания; двуглавый орел воплощал величие российской державы, тугра напоминала о близости этой державы миру Востока; орел охранял и символизировал неприкосновенность послания московского царя (печаты), стремительный взлет вертикалей тугры предвосхищал праздничное шествие его торжественных строк.

Как геральдический знак российской тугра уникальна, в истории русской геральдики ей нет аналогов. Но в более широком контексте, на фоне русской средневековой культуры, открытой Востоку ничуть не меньше, чем Западу, она не одинока. Ее место — рядом со сказочной птицей Гамаюн, разноцветьем куполов Василия Блаженного, Боровицкой башней Кремля. Тугра — гостья русской культуры, прекрасная незнакомка из духовного наследия поздней Руси — ранней России. Но у нее, как у всякой гостьи, есть свои права, и главное из них — право на признание.

С.ФАИЗОВ,
кандидат исторических наук

Открыта подписка на журнал «СТОЛИЦА» на 1992 год!

Подписка принимается во всех отделениях связи страны.

(Это значит, что для подписчиков экземпляры журнала обойдется в 1 р.; для сравнения: цена в розницу — 1р. 30к.)

Стоимость подписки:
на три месяца — 13 рублей,
на шесть месяцев — 23 рубля,
на год — 32 рубля.

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

газету **73746**
на журнал (индекс издания)

АБОНЕМЕНТ на журнал
ЖУРНАЛ "СТОЛИЦА"
(наименование издания)

Количество комплектов: _____

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

газету **73746**
на журнал (индекс издания)

ЖУРНАЛ "СТОЛИЦА"
(наименование издания)

ПВ	место	ли-тер

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	руб.	коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

Специально
для
подписчиков
«Столицы»
редакция
приготовила
большое
количество
призов.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка
на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. В первом номере «Столицы» за 1992 г. будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Пинская тип.

Вырежьте купон, правильно заполните его и вышлите в конверте на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлении квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Импортные
видеомагнитофоны,
импортные и
советские
телевизоры, часы и
будильники,
фотоаппараты,
электрические
самовары,
электросветильники,
изделия из хохломы,
альбомы для
фотографий, книги,
наборы
мельхиоровых
ложек,
денежные призы —
все это вы
можете выиграть,
отправив по адресу
редакции
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

НАШ ДЕСАНТ НА УОЛЛ-СТРИТ

Вызывающая наглость «Стерлиговых, овчарки и К» теперь известна и в Штатах. Но там она не вызвала озлобления, потому что наглость, подкрепленную делами, эти странные американцы уважают. Может быть, услышав обещания Г.Стерлигова в скором времени скупить на корню всю Америку, они и обидятся? А пока хлопают по плечу и вкладывают деньги.

Новорожденная американская компания «Алиса в Америке» нахально открыла конторы: в столице, почти напротив Белого дома (может, чтобы не слишком угруждать президента США, который частенько будет заходить на огонек?), в Нью-Йорке — на олимпе бизнеса Уолл-стрит.

Комедийный финал коммунистического путча резко повысил доверие американцев к нам, и армия американских бизнесменов ринулась в Союз с разными проектами, но только наставила себе шишек о стену

советских внешнеторговых монстров. Но выход есть. Возможности, открывшиеся благодаря Янаеву со товарищи, помогут реализовать Стерлигов со господом. «Алиса в Америке» обеспечит мгновенное движение американских товаров в Союз, а советских — в североамериканскую экономическую зону, включающую Мексику, США и Канаду.

Все просто. Американский производитель приходит в один из офисов «Алисы в Америке», и в тот же день его товар появляется во всей компьютерной сети «Алисы» — в союзной (Союз развалиться может, а сеть бирж «Алиса» — нет) и в американской. Столь же быстро советский товар появляется в Америке. А бюрократы только ловят руками воздух. Американцы же рады иметь дело с частной фирмой, а не с непредсказуемым Советским Союзом.

Кроме того, «Алиса» обещает сделать работу более легкой и эффективной для советских бизнесменов

в Америке и американских — в Союзе. Чтобы те не чувствовали себя детьми, заблудившимися в дремучем лесу. В чужой стране советские и американские бизнесмены могут воспользоваться различными услугами «Алисы» — коммуникациями, высокклассными переводчиками и референтами и прочим.

На высшем уровне продолжается трогательное трансатлантическое братание солидных мужей. С одного берега океана тянут ладони президент США и премьер Канады, с другого — президенты Союза и республик. Но, к сожалению, общение в основном на уровне раздачи милостыни. В тени этих могучих рукопожатий находятся сцепленные над океаном руки братьев Стерлиговых (Дмитрий возглавляет американскую «Алису», а Герман — советскую). Однако не исключено, что по мосту этих молодых рук к нам придет американских товаров больше.

Дмитрий СИНИЦКИЙ

**ВЫ ХОТИТЕ
ЗАРАБОТАТЬ???**

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ

еженедельник
«СТОЛИЦА»

В Москве и других городах,

и тогда **15-20** копеек
с каждого проданного номера

 ВАШИ

Обращайтесь
в редакцию
по ☎ **921-46-45**

РУКИ ЗА ГОЛОВУ, МАРШ ЗАДОМ

Фото Л. Черняева

Клуб... Сразу представляются кружки — гитарно-балалаечный, танцев, макраме. А мне еще стаканы граненые мерещутся почему-то. А, вспомнил... Когда я, будучи школьником, ходил в клуб осваивать шестиструнку, в нашу комнату часто заглядывали красноносые незнакомцы и просили стакан. А получив отказ, смотрели презрительно и уходили. Даже со-

вестно иной раз становилось, что мы здесь не водку пьем, а по нотам играем.

Недавно в клубах появились новые развлечения. Восточные философии и единоборства, экстрасенсорика и астрология. Абонемента ценою в сотни. Но все равно при слове «клуб» охватывает чувство тоски.

По-английски «to club» означает

«собираться вместе». В 1770 году первый клуб был открыт в Петербурге. Затем появились и другие. В Английском — читали газеты и беседовали о политике. В Немецком — пили пиво и танцевали вальсы.

Революция все перевернула с ног на голову. Клубы объявили очагами нового досуга и даже быта. Разогнали благородные и пооткрывали рабочие. Но пролетарии шли туда неохотно. А власть требовала вовлечения масс. И культработники шли на всякие ухищрения. Председатель правления одного из клубов, например, пригласил оркестр музыкантов, вел его к пивной и заставлял играть у входа веселые марши. Активисты же вбегали в заведение и чуть ли не насильно вытаскивали оттуда пьяных рабочих, обещая им кино и прочие развлечения.

Не полюбился клуб народу, или, как тогда говорили, массам. Некто Л.Штерн в статье «К оживлению клубной работы» описывал клуб так: «Огромное количество кружков, клубных и политпросвещения... казенная обстановка зрительного зала, занятого скамейками (и то — без спинок)... Самая худшая комната отведена под буфет, где темнота, грязнота и убогость. Под ухом визжит и скрипит духовой оркестр. Процвечают хулиганство и дебоши. Беготня и шум детей без присмотра».

Чтобы исправить положение, придумывалось множество идеологически наполненных забав. Например, игра в лозунг разбивается на составные слова, которые и распределяются между участниками игры. Лозунг берется, конечно, наиболее известный. Один из играющих удаляется в соседнюю комнату. При его приходе все участники игры по знаку, данному руководителем, «в один дух» сразу произносят все слова лозунга, каждый — свое слово. Получается невообразимый, панический шум, в котором угадывающий должен различить отдельные слова, а по ним и отгадать весь лозунг.

Советовали ставить и революционные аллегорические спектакли. Даже танцы создавались новые, социалистические. В качестве примера приведем схему одного из новых «коллективных» танцев, осво-

божденных от пластики и хореографии:

1. Марш свободный.
2. Марш на прямых ногах, руки за спину...
3. Руки в сторону, скачки с согнутыми коленями.
4. Марш; руки к плечам, вытягивание рук вверх...
5. Руки на бедрах; нагибание туловища направо и налево.
6. За руки с соседом; галоп бегом.
7. Руки за голову, марш задом.

И уж совсем в духе Оруэлла так называемая машинная инсценировка. Она «строится на имитации работы машины, парового молота, поезда. Под музыку и счет «живая машина» работает, причем каждый участник ее или индивидуально, или в группе изображает отдельную часть механизма (регулятор, поршни, рычаги, маховики, шатуны, колесо, донки, молот, наковальню и т.д.). Каждое сольное движение тщательно рассчитано, ритмически подчеркнуто и увязано со всем комплексом движений. Машинная инсценировка сопровождается коллективной декламацией производственных стихотворений, четкими выкриками, в промежутках — счетом. Плановость, красота движений и общая согласованность — неперемные условия хорошей «машины».

Разумеется, предаваться подобным утехам в классических особняках было б

весьма неестественно. Поэтому в двадцатые годы в архитектуре возникает целое направление — строительство рабочих клубов. В конструктивистском стиле. Например, клуб фабрики «Красные текстильщики» на Якиманской набережной — беспорядочное нагромождение тоскливых стен с заводскими оконцами, выстроенное никому не известным архитектором Розановым. Но и у этого странного времени нашлись свои художники. Гениальнейший из них — Константин Степанович Мельников, построивший в Москве целых пять рабочих клубов, из которых самый необычный — клуб на Стромывке.

Он не был похож ни на что. Поэтому его сравнивали со многим. «Дом-машина» — за способность шевелить своими внутренними стенками, превращая один большой зал в четыре маленьких. «Рупор на Стромывке» — и из-за формы, и из-за назначения. Фотохудожник Лев Черняев сказал, что это шахматная ладья. Это здание одних восхитило, других возмутило, третьих озадачило. Оно было занятым, оригинальным, но, увы, никогда не было удобным. «Войдите внутрь — замечала в 1930 году «Вечерка». — В нем нет ни уюта, ни надлежащих удобств для клубной работы. Сцена оборудована плохо, фойе нет. Под него пришлось отвести зал физкультуры. Буфета нет. Молодежь клуба не посещает, взрослые рабочие также.

Причина? Неуютность и теснота».

Но почему? Почему Первый Конструктивист, прославившийся своими рациональными гаражами и удобнейшим, хотя и необычным жилым домом в Кривоарбатском переулке, выстроил такое ненужное учреждение?

По-моему, потому, что он был художник. Он не умел халтурить. Он не стал делать коробку, в которую можно вместить что угодно. Он пытался понять новый клуб. Постичь, каким должно быть помещение, где станут делать «руки за голову, марш задом». И ему, как честному человеку, это не удалось.

Последние абсурдные события происходили тут пять лет назад. Здесь «работал» клуб «Трезвость».

Сейчас Дом культуры — один из обычных московских строений: обшарпанных, замусоренных. У входа — табличка: «Изготовление печатей и штампов. Прием заказов в фойе». Внутри — кооперативное кафе, показ кино...

— Мы хотим устроить тут центр конструктивизма, — говорит директор ДК Римма Волкова. — Насытить мейнстрим тех времен, устроить кабаре...

Что ж, пожалуй, это единственно возможный проект использования интересного, но, увы, бесцельного здания.

Алексей МИТРОФАНОВ

«Медитативная музыка для препарированного электрооргана», «Ритуал ночи с голосами», «Украдкой в промежутках осени и весны», «Введение в интуицию», «Симфония — фонограмма» и др.

ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА «МАРС» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Коллекцию электронной музыки московского композитора и музыканта

МИХАИЛА ЧЕКАЛИНА

в 12 пластинках «LP»,
записанных автором независимым путем на протяжении 80-х годов в СССР и издаваемых впервые.
В оформлении альбомов использована живопись «20 московских художников», знакомых Вам по выставкам на Малой Грузинской.
Ограниченный тираж распространяется исключительно по подписке.
Коллекция будет отправлена наложенным платежом незамедлительно после получения от Вас заявки в свободной форме. Стоимость коллекции 120 советских рублей (без почтовых расходов).

НАШ АДРЕС: Москва, 121433, Малая Филевская, 32
телефоны: 146-20-29, 144-84-26
телефакс: 07 095/253-97-94

Дневник И.

БОЛЬ ДУШИ

«Пока творим — мы живы».

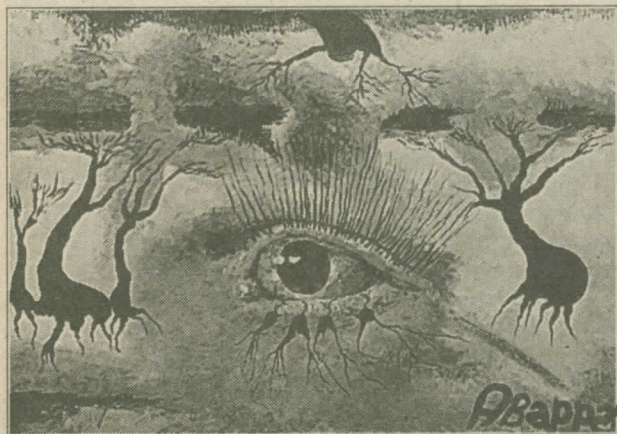
Благотворительная выставка Центра реабилитации душевнобольных «Нерв».

Государственный музей Н.А.Островского

Давно ли вы были в музее автора романа «Как закалялась сталь»? Наверное, когда учились в школе и вас водили классом посмотреть на покрытую белым покрывалом железную кровать, где мучительно умирал, не стыдясь за бесцельно прожитые годы, Павка Корчагин, тогдашний герой, зачисленный перестройкой в ряды безмозглых фанатиков. Аскетичная койка и сейчас в экспозиции, а вот в немемориальных залах все изменилось, еще бы — не двинувшись с места, дом переехал с улицы теоретика и практика соцреализма на родную любую московичу Тверскую. Поэтому осмотр музея Николая Островского начинается с уголка Зинаиды Волконской, чей салон располагался здесь задолго до обители смертника. Впрочем, выставка,

прошедшая тут недавно, делалась совсем не для того, чтобы бросить еще один булыжник в несчастного, из которого бесчеловечная эпоха сотворила миф — восковую фигуру с заострившимся носом, провалившимися щеками и яростно горящим слепым взором. Помощь людям «корчагинской» судьбы — одно из направлений работы музея, в котором собирают произведения инвалидов, победивших болезнь творчеством. А выставка эта — замечательная, и полотна художника, скрывшегося под псевдонимом Аварра, сделали бы честь самому ЦДХ. Слава Богу, что мы наконец-то, спустя век после всех цивилизованных стран, стали собирать и изучать работы душевнобольных. Хотя это еще вопрос: чья душа здоровее — пациентов Кащенко или общества по другую сторону забора. О! Сколько душевной боли в этих кричащих о разладе гармонии красках. Впечатлительным и тонко чувствующим противопоказано пристально вглядываться в окружающий театр абсурда — с ума сойдешь. Потому на сей раз цитирую книгу отзывов без иронии: «Мысленно с вами».

Марина КАМИНАРСКАЯ

Кадр из фильма «Лебединое озеро. Зона»

СЕРГЕЙ ПАРАДЖАНОВ. МИР ИНОЙ

«Лебединое озеро. Зона»

Киностудия имени А.Довженко, реж. Ю.Ильенко.

Гений кинопоэзии, сардонический мудрец, веселый кукольник, бывший экз Сергей Параджанов пришел из небытия к нам с посланием. Передал он его режиссеру-оператору Юрию Ильенко, вместе с которым четверть века тому назад явил миру «Тени забытых предков». Картину «Лебединое озеро. Зона», ильенковскую экранизацию одной из своих роскошных зэкских баек, Параджанов успел посмотреть в последние дни жизни, и все равно этот фильм — как весть с того света. Судите сами. Сбежавший из колонии уголовник нашел себе диковинное убежище — стальную скульптуру Серп и Молот на придорожной насыпи. В угрюмых, тесных недрах этой надземной конструкции развивается история любви беглеца и путевой обходчицы; рядом, в двух шагах, на земле — история ревности ее сына-подростка. По наводке мальчика-ревнильца вновь разлученный со свободой герой кончает с собой, чтобы вскоре самым невероятным образом воскреснуть... в морге. История случайного, как бы по пьяному делу, переливания крови здесь, пожалуй, самая потрясающая, ибо, в отличие от предыдущих, не только бессловесно-живописна, но изнутри заряжена исступленным криком и немислимой болью. Такой болью, что чудесное

воскресение становится лишь еще одним шагом к смерти, и в смерти троица — единственный выход...

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

НЕ ГУБИ ДЕВЧОНКУ-МАЛОЛЕТКУ

«Цена безумства» КНР, реж. Ч.Сяовень

Сюжет абсолютно западный: мерзавец насилует девочку-подростка, сестра которой стремится сама, без помощи властей, отыскать негодяя. Исполнение отъявленно совдеповское. Вышеупомянутая сестра в гневе крушит книжный лоток, на котором разложена японская эротическая литература, — начитавшись этих книжек, примерные социалистические китайцы стали ужасными сексуальными маньяками. А в финале та же сестра линком изящной ножки сбрасывает найденного преступника с высокой башни — причем этот акт самосуда не только не осуждается, но и всячески приветствуется. Актриса, играющая мстительницу, хоть и красива, но отталкивающе агрессивна; парень, за которым гонятся, совершивший насилие за кадром, в кадре вызывает сочувствие своей неприкаянностью. Словом, получается типичное произведение социалистического реализма, где положительные герои отталкивают, отрицательные — привлекают, а все беды объясняются происками мирового империализма. Зачем нам это удовольствие?

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

ЗА КУЛИСАМИ «ГАМЛЕТА»

«Убийство Гонзаго»

Малый театр, реж.
Б.Морозов

Говорят, в Малом празднуют победу...

До недавнего времени театр был славен, помимо всего прочего, и тем, что стойко предпочитал классические пьесы-первоисточники, не опускаясь до драматургических рефлексий вокруг хрестоматийных фабул. Но настал час, когда и до «Дома Островского» докатилась тревога, что сцена перестала быть самодостаточной.

...Бродячая труппа приглашена в замок Эльсинор. Готовясь сыграть для короля и придворных «Убийство Гонзаго», комедианты сами попадают за кулисы дворцового «театра», что едва не заканчивается для них трагически. Полоний и Горацио регулярно напоминают о происходящих параллельно событиях пьесы «Гамлет».

Попытавшись сопоставить увиденное с известной пьесой Тома Стоппарда, рафинированный зритель окажет драматургу Н.Иорданову плохую услугу. Развернутый комментарий к шекспировской пьесе обретает самостоятельность всего лишь как тысяча первая притча о беспринципном и деспотичном политическом режиме и о бессилии зависящих от него людей. Однако новых трактовок этой, уже достаточно «размятой», темы обнаружить не удастся. Как часто случается в Малом, положение могли бы поправить актеры. Но, увы... (за исключением Ю.Каюрова, блестяще сыгравшего Полония).

Малый театр не без осторожности примерил одежды, сшитые не сегодня и на другую фигуру. Пока неясно, что окажется более плодотворным — садиться на диету или расстачивать швы. И что обретет театр в обмен на долгожданный успех в собственных глазах.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

УДАЧНЫЙ ОПЫТ Альтернатива. Опыт рок-поэзии

*М., Всесоюзный
молодежный книжный
центр, 1991 г.*

После первой волны оголтелой ругани в адрес рок-музыки, после первых дискуссий о том, может ли существовать рок на русском языке, излюбленной темой для круглых столов и обзоров в газетах типа «Лит. Россия» стал вопрос, можно ли тексты рок-песен считать поэзией. Каждая их публикация (даже не благожелательная — хотя бы просто не шельмующая) становилась сенсацией.

Прошло время — и совсем недавно появились первые ласточки: сборники И.Кормильцева, М.Пушкиной-Линн, А.Башлачева. И как-то забылся предмет спора: сборники чего — стихов? Текстов песен?

Составитель и издатели «Альтернативы» решили вопрос просто: «рок-поэзия». Думается, они правы, и пусть литературоведы спорят, куда именно отнести творчество поэтов, представленных в книге. Их стихи знакомы в нашей стране миллионам. Миллионам любителей музыки. А любителям поэзии «Альтернатива», может быть, впервые даст возможность познакомиться с огромным пластом нашей культуры.

А.Г.

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

КЛАРА — БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

«Сердце Клара»

США, реж. Р.Маллиган

Очень, очень, очень средний фильм. Назвать его откровенно слабым мешает только исполнительница главной роли Вули Голдберг. Если фильм и можно смотреть, то только благодаря ей, хотя порой создается впечатление, что режиссер делал все, лишь бы помешать актрисе сыграть в полную силу. А так — банальная история, вполне в духе советского кино: служанка от сохи (в данном случае — Клара с Ямайки) учит исконным ценностям оторвавшихся от земли горожан (американцев). Скучно, предсказуемо, видно тысячу раз.

ОПЯТЬ ПРОЩАЙ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ!

«Новичок»
США, реж. К.Иствуд

В свое время у нас на фестивале (и, кажется, даже в прокате) шел неплохой французский фильм «Прощай, полицейский» — об опытным и слегка циничном асе полиции и его напарнике-новичке. Точно такой же теме посвящен и новый опус К.Иствуда, в котором он, естественно, играет одну из двух главных ролей (вторую — Ч.Шин). Погони, стрельба, взрывы, мужское братство и прочая неизменная атрибутика той галиматии, которую в последнее время снимает Иствуд. Но, конечно, все это смотрится. Не зря американская пресса написала, что это лучший его боевик.

◆
Дневник И.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

Горький ГОРЬКИЙ

Будучи четырех лет от роду, Алексей Максимович Пешков заболел холерой, заразил ею отца, который за ним ходил, и тот скончался в расцвете лет. Впоследствии дела нашего «Буревестника» складывались более или менее по этому образцу: сомнительно, чтобы он считал политику занятием наиважнейшим и, главное, продуктивным в положении литератора, а между тем воевал с царем и делал фронду большевикам; он всю жизнь опекал юные дарования и ввел в литературу немало бестолковых людей, которые литературу-то и начали затирать; разумеется, у него и в уме не было распространить сталинскую тиранию на область изящной словесности, однако из его сочинений заинтересованные лица слепили социалистический реализм, отрицавший — вплоть до применения мер физического воздействия — все прочие художественные школы, и нечаянно встал во главе Союза писателей, собственно говоря, наркомата литературы; несомненно что он был человеком порядочным и самых гуманистических убеждений, но все-таки это не помешало ему воспевать строительство Беломорканала и сочинять оды ОГПУ.

Почему Алексей Максимович смолodu участвовал в революционном движении, это вполне понятно — в царствование последнего султана Московского и Всея Руси, когда разложение государственного организма стало уже медицинским фактом, не было в стране сколько-нибудь радательно настроенного интеллигента, который сочувствовал бы режиму, и делать ему афронт считалось так же обыкновенно, как выпивать рюмку—другую перед обедом или же знать иностранные языки. Иной вопрос, отчего Алексей Максимович все-таки непосредственно боролся с романовской диктатурой, за что неоднократно саживал в тюрьмах и высылались то в Ялту, то в Арзамас, тогда как Толстой, Чехов, Бунин, Куприн отнюдь не входили ни в какие революционные организации и работали на светлое будущее исключительно средствами художественной литературы — вот это, действительно, интригует. Потому, в первую очередь, интригует, что всякий глубокий писатель по своим политическим убеждениям — социалист-эволюционер, то есть существо понимающее, коль не умом, так кожей, что люди со временем, конечно, придут к идеальной общезнанию, но все упирается не в соотношение базиса и надстройки, а именно в человека, который до обидно-медленно прогрессирует из поколения в поколение;

ибо этот человек способен на дикие выходы в условиях реального социализма и на ангельские дела в условиях самого дремучего самовластья, во всяком случае, до неузнаваемости извратить спасительную идею — это для него ничего не стоит. Оттого-то всякий глубокий писатель озабочен развитием человеческого в человеке и настороженно относится к революционным теориям, особенно если те круто замешены на крови. А тут тебе «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», работа в эсдековских подпольных организациях, многие тысячи литературных рублей, пожертвованных на браунинги, путешествия в Америку для сбора средств в пользу социалистической революции и множество прочих деяний чисто политического порядка. Правда, в скором времени Горький расплевался с большевиками, а в восемнадцатом году в газете «Новая жизнь» опубликовал серию статей под общим названием «Несвоевременные мысли», в которых дал жестокую характеристику Владимиру Ильичу: «Ленин «вождь» и — русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделывать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу... Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы...»; русскому народу: «Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и, в то же время, непонятно добродушный, — в конце всего — это талантливый народ»; заодно русскому простонародью черносотенного толка: «...в конце концов, какую бы чепуху ни пороли антисемиты, они не любят еврея только за то, что он явно лучше, ловчее, трудоспособнее их»; и самому Великому Октябрю: «...революция — и вся жизнь — превращается в сухую, арифметическую задачу распределения материальных благ, задачу, решение которой требует слепой жестокости, потоков крови...» — вот такой неожиданный поворот произошел с «Буревестником», личным другом Владимира Ильича, правоверным эсдеком-большевиком, который в свое время сочинил следующую инструкцию демонстрантам: «Пускать в ход револьверы, кинжалы и собственные зубы; лишь бы произвести большой переполох среди полиции... — иначе уличные демонстрации не имеют смысла». Что же следует из этого поворота? А то из него следует, что, во всяком случае, художнику хорошо было бы держаться в стороне от по-

литических пертурбаций своей эпохи, потому что нет в природе такого революционного или контрреволюционного учения, которое безусловно отвечало бы извечному, высшему чаянью человека, и ни одно из них вообще никак не соотносилось с задачами и сутью художественного творчества, а если и соотносилось, то как Менделеев с самогонварением, иначе творец рискует попасть в неловкое положение, в каком оказался Горький: начал он классическим социал-демократом, затем встал на платформу большевиков, затем занялся богостроительством, затем превратился в либерального демократа, а кончил благодушным сталинистом, от души воспевавшим так называемое социалистическое строительство, ни сном ни духом не угадав, что на самом деле в «Союзе Советов» — Горький почему-то настойчиво называл наше пореволюционное отечество «Союзом Советов», вряд ли имея в виду также и поселковые, — что на самом деле в стране идет строительство той же самой тюрьмы народов, только на новый лад. Конечно, его политические метания можно бы и развитием, поисками назвать, кабы он не кончил благодушным сталинистом, от души воспевавшим так называемое социалистическое строительство; стоять бы ему всю жизнь на какой-нибудь несложной художественной идее, вроде «Человек — это звучит гордо», и он вошел бы в нашу литературу не как горький путаник, а как беспочвенный гуманист. Впрочем, тут, кажется, не вина Алексея Максимовича, но беда, ибо он по призванию был беспокойным правдоискателем, нервным идеалистом, Солженицыным своего времени, только что чувствительным и незлым, то есть он сначала был протестант, а потом художник.

Вообще значение писателя Горького сильно преувеличено. Он начинал свою литературную деятельность как восторженно-грозный романтик с балладами в белых стихах и прозе, исполненными подросткового пафоса, замешенными на аллегории, отдающей в восемнадцатое столетие, построенными на материале из жизни животных и босняков, частенько выходящими на простецкие сентенции, вроде «Рожденный ползать — летать не может!». Даже его молодые рассказы о странствиях по Руси — мнятся, лучшее из всего горьковского наследия — суть отлично написанные путевые очерки, и не более того, так же далекие от прозы по существу, как статьи Чернышевского от классической философии, если, разумеется, понимать под художественной прозой не способ восхищенного или возмущенного отражения действительности, а средство воспроизведения действительности в преобразенно-концентрированном ее виде, которое сродни приготовлению каши из топора, причем преобразенно-концентрированная действительность у глубокого писателя всегда соотносится с действительностью, отраженной у ходока, как рай с санаторием, патологоанатом с мясником и, наоборот, бытовое воровство с первоначальным накоплением капитала. Простак, не чуждый поэтического понимания мира, например, напишет, что любовь — «не вздоху на скамейке и не прогулки при луне», а у гения получится «зубная боль в сердце». Или другой пример, позаимствованный у Чехова: очеркист просто-напросто опишет филателиста, который решил собрать миллион почтовых марок и собрал-таки этот миллион, между тем жизнь пролетела мимо; а у серьезного прозаика выйдет филателист, поставивший перед собой цель собрать миллион почто-

вых марок, который собрал-таки этот миллион, в один прекрасный день выставил марками пол своей комнаты, лег на них и застрелился из дамского пистолета... Правда, впоследствии Горький понял, что принцип литературы гораздо мудреней принципа зеркального отражения, и продолжил свой путь уже как сочинитель бытовых романов с классовой подоплекой и нравоучительных пьес, точно специально рассчитанных на школьные хрестоматии, да в том-то все и дело, что, кажется, это понимание не выросло органически вместе с ним, а представляло собой продукт благоприобретенный, почерпнутый из книг, которые «Буревестник» поглощал в таком невероятном количестве, что было бы даже странно, если бы он не воспринял некоторые внутренние законы высокой прозы. То-то он говаривал про себя: «Я — профессиональный читатель, влюбленный в литературу» — то-то от его сочинений местами веет какой-то арифметичностью, то-то они очевидно заданы, нацелены на определенный этический результат, который частенько можно предугадать, то-то означенный результат достигается слишком технологично, без этого блуждания и неожиданных взрывов мысли, характерных для носителей искры Божьей, то-то легко сформулировать его пьесы и эпопеи... Одним словом, сдается, что дарование Горького — во многом книжное, вычитанное, поверенное рассудком и помноженное на исключительную работоспособность, недаром он был твердо уверен в том, что гений на 90% — труд. О наработанности, так сказать, горьковского таланта дополнительно свидетельствует еще то, что он отличался весьма недалеким, по крайней мере, неровным вкусом, иначе откуда бы взялся его «Весенним мелодиям», где, по расшифровке биографа Груздева, птицы рассуждают о свободе и чиж поет товарищам случайно услышанную им «Песню о Буревестнике», откуда бы взялся всем этим «свинцовым мерзостям», «горячему туману взаимной вражды», «застывшему однообразию речей», «хаосу скользких, жабих слов», «звенящей меди романтизма», которые одинаково трудно объяснить оголтелой начитанностью и незаконченным начальным образованием, но просто объяснить тем, что прилежный ремесленник-эпигон всегда себя выдаст, либо пририсовав девичьи глаза русскому богатырю, либо испортив композицию лишний кепкой, либо определив жанр своего труда как сильные размышления... Кончил же свой литературный путь Алексей Максимович совсем слабо — очерками самого газетного свойства, исполненными в стилистике райкомовского звена, где попадают и «передовые единицы трудящихся масс» и «глупость — чаще всего результат классового насилия буржуазии», нуднейшим Климом Самгиным и сценическими откликами на политические процессы; так, на процесс «Промпартии» Алексей Максимович отозвался пьесой «Сомов и другие», где, по тому же Груздеву, действует «Троеруков», «учитель пеня», вредитель морального порядка, Богомоллов, старый инженер, мелкий взяточник, готовящий советской молодежи «столыпинские галстуки», «Лидия, жена Сомова, которая потеряла связь с жизнью», и еще целый ряд механических персонажей.

Тем более удивительна его небывалая популярность, скоропалительная слава всероссийская, европейская, а после и мировая, свалившаяся на Алексея Максимовича бог весть по какой причине: и проходу-то ему не давали в публичных местах, так что он даже покрикивал на поклонников, и впрягались в его пролетку финские почтатели, и Марк Твен говорил ему комплименты, и целыми

экипажами ходили глазеть на него залетные моряки, и гения Бунина он затмил, и даже как бы поблек в сиянии горьковской славы гигант Толстой. На деле понять это общественное заблуждение не так трудно: вообще отечественный читатель частенько обманывался и сотворял себе кумиров из ничего, взять хотя бы поэта Надсона, по которому одно время сходила с ума Россия; вторых, Горький подкупил демократически настроенную публику своим босяцким происхождением, вернее, публика была приятно поражена — вот, дескать, министр Державин писал, камер-юнкер Пушкин писал, граф Толстой писал, а этот из хамов — и тоже пишет, в-третьих, стране, уставшей от самовластья, прежде всего приглянулся явно революционный уклон горьковских сочинений, и тут уж русскому читателю было не до художественных достоинств, а так он, наверное, рассуждал: если против царя пишет, то, стало быть, хорошо. О западном читателе речи нет, ибо в начале века он за глаза верил в русскую культуру и в русский рубль.

Странная все-таки это фигура — Горький, все-то в нем было несоразмерно: слава не по таланту, миниатюрная ступня и неслышная, вкрадчивая поступь с носка на каблук не по значительному росту в 182 сантиметра, васьильковые глаза не по чувашскому лицу, английские сигареты с ментолом и «линкольн», который ему Сталин подарил, не по нижегородскому оканью, людоедские лозунги, как то: «Если враг не сдается, его уничтожают», не по редкой плаксивости — ведь Алексей Максимович в преклонные лета чуть что, сразу в слезы, с горя ли, с радости, но чаще от умиления; а впрочем, в России над плаксивостью не приходится издеваться, это у нас должно быть нормальное свойство психики, потому что радости кот наплакал, а горя невпроворот...

Тем не менее горьковская слава, как говорится, — факт, настаоразживающий не в пользу среднестатистического интеллигента начала века, ибо принципиальнейшее сочинение Алексея Максимовича — роман «Мать», который он написал еще будучи молодым, вроде бы должен был автора совершенно разоблачить. Вот если бы в наше строгое время нашелся остроумный и злой шутник, каковой не поленился бы перестучать роман на машинке, обозначил бы рукопись посторонней фамилией, а хоть бы рн и Пешковым подписался, прислал бы рукопись в какую-нибудь редакцию, и попала бы она к прилежному рецензенту, отчасти потерявшему ориентацию во времени из-за вредной своей профессии, — этот шутник, возможно, получил бы такой ответ:

«Уважаемый тов. Пешков!

Ваш роман «Мать» не лишен некоторых достоинств, например, он написан на животрепещущую тему и весьма грамотным языком. Вместе с тем рукописи свойственны значительные недостатки, которые мешают нам принять Ваше произведение к публикации. Самый значительный из них заключается в том, что Ваш роман малохудожественный, что публицистический момент в нем преобладает над эстетическим. И даже Вы частенько сбиваетесь на газету, чему есть масса свидетельств в тексте, но я приведу только один пример: «Так! — отвечал он твердо и крепко. И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, и сажали в тюрьмы...» Не знаю, согласитесь ли Вы со мной, но тут налицо стилистика передовицы из какого-нибудь крайне левого, антикоммунистического издания, а никак не отрывок из ху-

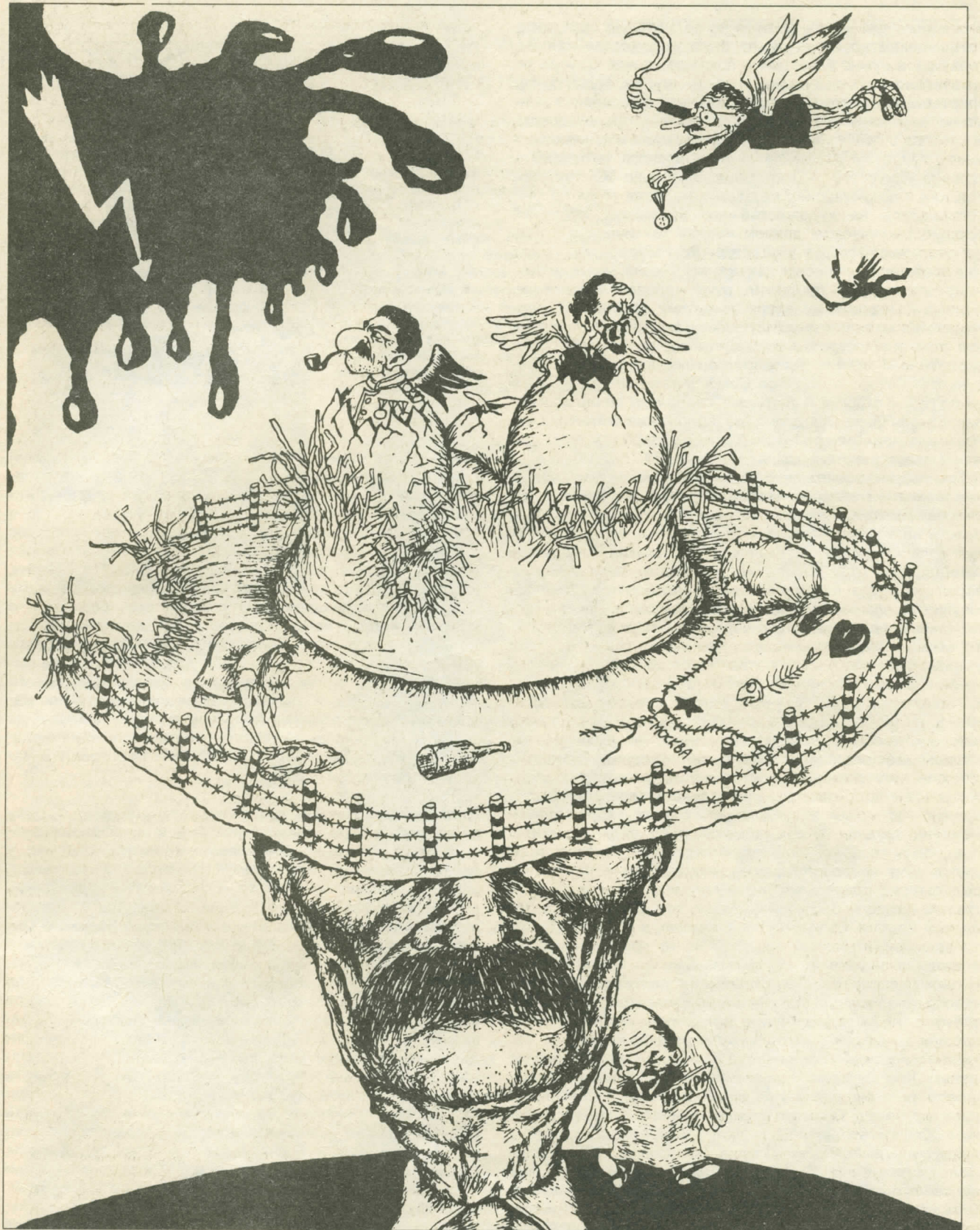
дожественной прозы. Кстати сказать, не совсем понятен какой-то жгучий Ваш интерес к диссидентским разговорам и интригам, к жестокому политиканству неглубоких людей, из тех что в свое время поставили страну на грань экономической катастрофы, а теперь сеют хаос и втравливают народы в междоусобицу. Вот если бы Вы их раскритиковали бы в пух и прах, тогда да, а то Вы расписываете эту публику в довольно радужные тона. С другой стороны, не совсем понятно, почему в жизни рабочего человека Вы видите только дикие нравы, беспробудное пьянство, тяжелый, безрадостный труд и бедность, ведь есть и светлые стороны в жизни простого советского человека, зачем же настолько сгущать краски?

Однако следует отметить и некоторые частные удаchi Вашего произведения, которые позволяют надеяться, что еще не все для Вас потеряно, например: Ваш герой Павел Власов только потому ушел в политическую борьбу, что его организм водки не принимал, — вот это находка, вот это жизненно и свежо!

Ну и напоследок кое-какие мелочи из области литературной техники, ремесла. Уж очень в Вас буйствуют соки молодости, и отсюда такие невозможно пышные обороты, как «десятки жирных, квадратных глаз» (это про обыкновенные фабричные окна-то), «фабрика выплевывала людей из своих каменных недр», «маслянистый воздух машин высосал из мускулов людей силу» — все это, извините, не тонко, вымучено, и вообще в таких случаях Пушкин сетовал, де, почему не пишет просто — лошадь. Далее... Довольно никчемными и пустыми у Вас получаются диалоги; хотя диссиденты и злокачественная, неумная публика, все же сомнительно, чтобы нормальный человек кричал за чаем «Да здравствует рабочая Италия!»; многие персонажи у Вас выглядят какими-то моделями, до того они неживые...» — ну и так далее, в том же духе.

Самое интересное, что, несмотря на забавную нелепость такой рецензии, она бы ушла не так далеко от правды, ведь действительно «Мать» — вещь прямолинейная, скучная, какая-то заказная, подозрительно похожая на раскрашенную фотография, и только такие угрюмые человеколюбцы, как профессионалы-большевики, которым чувство прекрасного было в принципе не дано, могли по наивности избрать ее своим литературно-политическим манифестом. И вот опять у Горького получилось не совсем то, к чему он стремился, сочиняя бедную свою «Мать»; он, видимо, полагал просто-напросто отобразить, каким образом и почему простолудин уходит в революцию с головой, а вышло целое схоластическое учение, получившее странное название — «социалистический реализм», которым долгое время пытались подавить живую литературу.

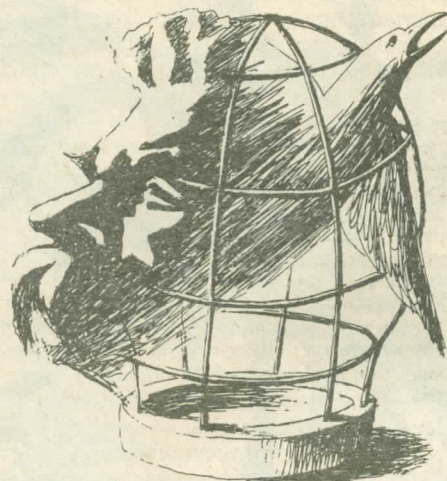
Почему «социалистический» — это ясно, не ясно, почему, собственно, реализм. Если по Горькому таковой заключается в «гордом и радостном пафосе», вытекающем из «фактов социалистического опыта», то мы, принимая в расчет горький опыт так называемого социалистического строительства, неизбежно приходим к мысли, что новое художественное направление было не чем иным, как строго избирательным романтизмом госкапиталистического периода или, коротко говоря, «госкапиталистическим романтизмом», которому из чисто политических видов полагалось выдавать желаемое за действительное и по мере возможного вытеснять из культуры даже и кротко-демократическую словесность,

Рисовал А. Заяц

отображающую жизнь во всей ее полноте. По сути дела, большевикам вовсе не нужна была художественная литература, а нужно было нечто похуже на нее, отнюдь не питательное, но радующее глаз, — муляж, чучело, за-спиртованная роза. Не исключено, что большевики искренне верили в возможность рожденья пролетарского искусства от энтузиазма трудящихся масс и лирической мечты Анатолия Васильевича Луначарского, хотя пролетарское искусство — категория настолько же несуразная, как и пролетарская медицина, но, пока то да се, они соглашались на художественные промыслы, обслуживающие тактические, причем именно тактические, задачи построения сугубо тоталитарного государства. И вот что особенно интересно: как же так вышло, что к злостному этому делу приложил руку человек безусловно мудрый и честный, писатель по-своему одаренный и понимавший надпартийную сущность литературы? и как это он стал посаженным отцом на бракосочетании русской словесности с государственным аппаратом, в результате которого родился Союз писателей СССР, дитя не по годам строгое и смурное? и зачем он лично возглавил развенчание Аполлона до положения мальчика на посылках при Иосифе I Всех Времен и Народов, а заодно и при малограмотных членах Политбюро?

Так надо полагать, что Алексей Максимович, равно как и многие миллионы непростых и простых людей, был очарован властью великопетровского образа. Ведь эта власть не только подняла в семнадцатом году российскую голь на демонтаж тысячелетней цивилизации, в восемнадцатом году прикончила гласность, а в двадцать втором выслала из страны цвет философии и физически уничтожила последнюю оппозиционную партию, но также сумела вдохновить наш народ на беззаветное строительство справедливейшего по идее общественного устройства, выстояла против нашествия двенадцати языков, возвела в чин хозяйина жизни простого работника, миллионы людей научила читать и писать — даром что, в частности, ради марксистского катехизиса и доносов, — замесила могучую индустрию, но, может быть, главное, воспламенила людей той ненаглядной верой, что они суть именованные исторического процесса. Зная же особенность нашего национального характера, изреченную Пушкиным в следующих строках: «Ах, обмануть меня не трудно, / Я сам обманываться рад» — можно предположить, что Алексей Максимович охотно поддался тому очарованию силы, масштаба и новизны, перед которым не устояли многие гении и все двести миллионов наших бабушек и дедушек, тем более, что в Западной Европе, поди, ему было скучно, а у нас то понос, то золотуха, то пятое, то десятое, то врачи-убийцы, то электрификация всей страны. И даже до такой степени Горький спасовал перед сталинской диктатурой, что чистосердечно воспринял символ кремлевской веры и сам забубенный большевистский вокабуляр. Десяти лет не прошло, как Алексей Максимович ругательски ругал Ленина за злостные опыты над Россией, а уже он бичевал мягкотелую интеллигенцию и ее «кочку зрения», восхищался темпами сноса Иверской часовни, укорял в мещанстве Канта, Толстого и Достоевского, самым искренним образом изливался, что-де «Настроение радости и гордости вызвало у меня открытие Беломоро-Балтийского канала... Не преувеличивая, мы имеем право сказать, что десятки тысяч людей перевоспитаны. Есть чему радоваться, не правда ли?.. Люди из ГПУ умеют перестраивать людей». Затем он всерьез начал пестовать пролетарскую литературу и за уши тащил в нее со-

читателей от станка, которых он науськивал на «гордый и радостный пафос», вытекающий из «фактов социального опыта», и те впоследствии дали прикурить разным там Нобелевским лауреатам из отщепенцев, и при этом еще сердился, что за двадцать лет господства соцреализма советская литература так и не дала образ женщины-администратора, однако сам заходил в тупик, когда молодые прозаики, сбитые с толку диковинными эстетическими установками, тащили ему рассказы о том, как старики негра усыновили или как пожилой рабочий пошел покупать диван, но в нем заговорила пролетарская совесть, и он приобрел для своего завода мешок цемента; затем он принялся издавать казенную «Историю заводов и фабрик», затем попытался было распатронить серьезную литературу от Дос-Пассоса до Пильняка и, наконец, горячо отстаивал право на ненависть к тем несчастным, кого Сталин подставил в качестве вредителей и убийц.

Откровенно говоря, претензии эти собраны с бору по сосенке и Горькому не в укор; все мы, грешные русские люди, подвержены очарованию сильной властью, и разве Пушкин не восторгался Николаем I Палкиным, разве Белинский не написал «Бородинскую годовщину», а Герцен не умилился реформам Александра II Освободителя, и разве сами мы, внуки и правнуки Великого Октября, попадись нам на глаза портрет усатого дядьки с лучистым взглядом, не думаем про себя, дескать, конечно, зверь был Иосиф Виссарионович, но родной; как говорил великий Френсис Бэкон, севший в тюрьму за взятки, — это не мое преступление, а преступление моего века. В сущности, Горький не был ни хитрецом, ни злодеем, ни ментором, впавшим в детство, а был он нормальный русский идеалист, склонный додумывать жизнь в радостном направлении, начиная с того момента, где она принимает нежелательные черты. Вот как бывают горькие пьяницы, нарочно затуманивающие око своей души, так и Горький был горьким художником, бурным общественным деятелем, беззаветно преданным отечественной культуре, заманчивым собеседником, верным товарищем, милым, добродушным, взбалмошным мужиком, то есть он был хороший человек, да только литературе-то от этого не холодно и не жарко.

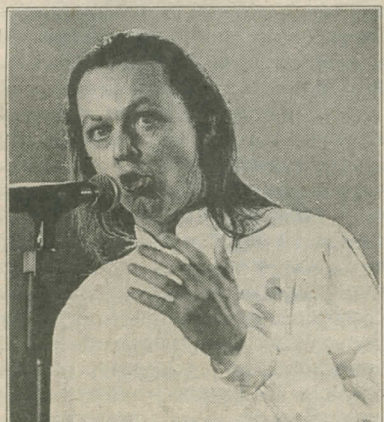
НИКОГДА! НИ ЗА ЧТО!

Кумир тинэйджеров Андрей Разин увидел в зале на одном из своих гастрольных концертов в Америке пропавшую несколько месяцев назад Жанну Агузарову. Он побывал у нее в гостях. Певица вышла замуж за американца, живет шикарно, записала свои песни на английском языке. Она не общается с русскими эмигрантами и скрывает свой адрес. Она сказала, что больше никогда не вернется в Советский Союз.

РОК ПО БРЕЙГЕЛЮ

Андрей Мисин записал свою вторую пластинку, которая выйдет на фирме «Мелодия». Ее рабочее название — «Слепые». Заглавная песня этого диска навеяна образом одноименной картины П.Брейгеля, а текст был написан свердловским поэтом С.Борисовым, который покончил с собой в 1979 году. Партии всех инструментов были записаны самим Мисиным, вокальные партии исполнены в самых разных манерах, начиная от блюзовой и кончая церковным хоровым пением.

ПОДАРОК С ПОМОЙКИ

Выходит книга стихов Бориса Гребенщикова под названием «Дело мастера Бо...». Интересна история создания сборника, в который вошли не только тексты почти всех песен Б.Г., но и многие его стихи, неизвестные любителям рока. Свои стихи Гребенщиков записывал в две большие общие тетради, но случилось так, что кто-то из домашних выбросил их на помойку... Каково же было удивление идола русского рока, когда через много лет после этого прискорбного события тетради были возвращены ему несколькими фанатами, которые случайно отыскали их.

АМЕРИКА АПЛОДИРОВАЛА СТОЯ

Страна переживает этап утечки мозгов: уезжают те люди, которые могут своими руками и головой обеспечить нормальную жизнь для своих детей там.

Около полугода назад покинул СССР Юрий Наумов. Уникальный блюзовый гитарист, замечательный рок-бард в нашей стране выступал только лишь на т.н. «квартирных сейшенах», где собиралось не больше пятидесяти ценителей музыкального андерграунда. Он был обречен на вечное безденежье и забвение в «стране «Ласкового мая»... Советский эмигрант сейчас успешно концертирует в США, давая до пяти концертов в месяц. Он сделал уже цифровую за-

пись для выпуска сольного компакт-диска, и его американский менеджер уверен, что Наумов — будущий знаменитый гитарист Америки... И, видимо, не без оснований: когда Наумов выступал в Академии гитарной музыки, зал аплодировал ему стоя.

«МАРКИЗА» СТОИТ ДОРОГО

Сергей Ефимов, барабанщик «Крузи», ушел в продолжительный творческий отпуск. За время отпуска ему удалось записать весь музыкальный материал для нового состава группы «Маркиза». «Маркиза» (в которой достойное место занимает С.Ефимов, играя как на барабанах, так и на ритм-гитаре) будет участвовать в супершоу «Сталлоне Рокетс». Маме Сильвестра — Жаклин настолько понравилась то, чем занимались Е.Соколова (атаманша «Маркизы») и Ефимов, что она предложила им заключить годичный контракт для участия в этой новорожденной музыкально-спортивно-сексуально-развлекательной акции. По слухам, сумма, оговоренная в соглашении, оказалась рекордной для всех подобных контрактов между советскими музыкантами и западными менеджерами.

Судьба остальных участников «Крузи» такова: они собрались под крышей нового проекта В.Гаины, где варят конвертируемый «металлический» компот.

Собрал Андрей БОЛТЕНКО

«МОИ ДЕТИ ГОРДЯТСЯ ТЕМ, ЧТО ИХ ОТЕЦ — БАНКИР»

11 ноября нынешнего года акционерному банку «Инкомбанк» исполняется три года. Несмотря на столь юный возраст, «Инкомбанк» уже зарекомендовал себя как весьма солидная и рентабельная фирма. Из небольшой организации штатом в двадцать человек и уставным капиталом в десять миллионов он превратился в один из крупнейших коммерческих банков страны. Его уставной фонд превысил триста миллионов, а активы — три с половиной миллиарда рублей, дивиденды акционеров неуклонно растут. Но са-

мый весомый вклад в дальнейшее преуспевание и известность «Инкомбанка» его руководство сделало в дни августовского государственного переворота. Рано утром 21 августа гонцы банка доставили в «Белый дом» на Краснопресненской набережной миллион рублей наличными. Деньги предназначались для организации обороны Дома правительства РСФСР.

Наш собеседник — председатель правления «Инкомбанка» Владимир Викторович ВИНОГРАДОВ:

— Победа путчистов означала бы смерть для предпринимательства в России. Причем смерть не только в фигуральном смысле. Я, например, готовился к самому худшему. Гэкачелисты заверяли нас с телеэкранов, что-де будут поддерживать частное предпринимательство, но мы-то прекрасно знали прежние «подвиги» этих людей и никаких иллюзий не питали. От бизнеса «спасители отечества» могли оставить разве что мелкую торговлю, парикмахерские, прачечные. Они готовили нам какой-то жуткий вариант диктатуры, даже не латиноамериканский, даже не фашистский. Все было бы намного срее, хуже, однообразнее, и, что самое страшное, намного голоднее, чем в Чили или в Германии.

Но именно из-за того, что хунта не опиралась и не могла опираться на крупный капитал, на бизнесменов, она была обречена. Мы это понимали и верили: деньги, направленные на оборону «Белого дома», — весьма выгодное капиталовложение. Те девять миллионов, что «Инкомбанк» выделил на ликвидацию последствий переворота, в «Российский фонд защиты Отечества», для премирования сотрудников МВД и военнослужащих, защищавших Дом правительства РСФСР, мы также не считаем для себя потерянными. Это — залог разви-

тия рыночных отношений, залог стабильности общества.

— Спустя всего несколько дней после блестящей победы демократии над путчистами большая группа предпринимателей заявила, что Москва становится неблагоприятным для бизнеса городом, что Гавриил Попов, «сосредоточив в своих руках необъятную власть», начинает наступление на предпринимательство в Москве. Быть может, столичные бизнесмены поторопились, поддержав правительство России и Москвы?

— Давайте называть вещи своими именами. Те предприниматели, что кричат сегодня о «диктаторских замашках» мэра, стремятся всего лишь сохранить статус-кво. Они успели вложить небольшие деньги в прежних руководителей Москвы и теперь, мне кажется, просто боятся потерять этот «капитал» после реорганизации властных структур столицы.

Да, действительно, Попов получил право вмешиваться в дела бизнеса. Но пока что он не предпринял никаких дискриминационных шагов по отношению к предпринимателям. К слову, мэр Нью-Йорка наделен не менее обширными автократическими полномочиями: он может и устанавливать потолочные цены, и вводить дополнительные налоги по

своему усмотрению. Все дело в том, как этими правами пользоваться.

Что касается угроз о перенесении центра деловой активности за пределы Москвы, то я не считаю их серьезными. Москва была, есть и будет благоприятным для бизнеса городом, финансовым центром России и нового Союза, в каких бы формах он ни возродился.

— Но, насколько мне известно, взаимоотношения «Инкомбанка» с тем же Центральным банком России складываются не совсем так, как вам хотелось бы...

— Это вопрос кадров, которые по-прежнему «решают все». В Центральном банке России до сих пор работают в основном люди, привыкшие к сталинской банковской системе. Они не умеют работать в нынешних условиях, издают бесконечные инструкции, запрещают, «не пускают», всячески сдерживая активность частных банков. В России сейчас действует около трех тысяч коммерческих банков. Из них тысяча создана инициативно, как «Инкомбанк», а две тысячи — это структуры, отпочковавшиеся от всевозможных министерств и ведомств. Вот этим-то двум тысячам банков Центральный банк выделяет громадные кредиты, искусственно поддерживает их существование. А мы, «черная кость», работаем без копейки государственных

кредитов. О каком же рынке, в том числе кредитном, может идти речь в таком случае, о какой нормализации денежно-го обращения?

Мы не претендуем ни на какие привилегии. Пусть Центральный банк продает коммерческим банкам кредиты за двенадцать процентов годовых, пусть увеличивает этот процент с учетом инфляции до двадцати—тридцати, но для всех должны быть равные условия. Пусть проверяют нашу деятельность, пусть командуют. Но командовать ведь надо цивилизованно. Для начала нужно хотя бы упразднить в инструкториях десятки пунктов, которые позволяют чиновникам толковать закон так, как им удобно.

Несмотря на все наши трудности и неурядицы, руководство «Инкомбанка» смотрит в будущее оптимистически. Через несколько лет выдвиженцы коммерческих банков, в том числе и нашего, непременно займут руководящие посты в Центральном банке России. И мы добьемся того, чтобы Центральный банк руководил нами разумно. Мы, в свою очередь, принесем максимальную выгоду не только своим клиентам, но и возрождающемуся Российскому государству.

Это не пустые слова. Такие банки, как наш, действительно могли бы оказать России немалую помощь. Было бы очень кстати, если бы государство позволило нам уже сегодня начать привлечение твердой валюты в наши акционерные капиталы. За счет чего? Через систему залогов реальными ценностями: землей, месторождениями полезных ископае-

мых, металлами, пользующимися спросом во всем мире. Пусть это будут небольшие суммы, но, работая с валютными кредитами, частные банки смогут набрать необходимый опыт. И когда начнется серьезное сотрудничество с Западом, мы будем готовы это сотрудничество обслужить — быстро, качественно и без потерь.

— Сумма минимального вклада в «Инкомбанк» для частных лиц составляет пять тысяч рублей. Учитывая темпы инфляции, лишь состоятельные люди, видимо, могут позволить себе хранить такие деньги в банке, а не тратить их немедленно...

— Действительно, мы работаем не с бедными слоями населения. В «Инкомбанке» хранят деньги те, кто работал на Севере, кто успел нажить «горячие» деньги в бизнесе. Но мы живем не только сегодняшним днем. Наша реклама — и в прессе, и на телевидении — рассчитана прежде всего не будущую интеллигенцию, на будущих состоятельных людей, которые сегодня еще учатся в школах и институтах. Значок «Инкомбанка», похожий на монету, стал для этих молодых людей своего рода символом нынешнего времени — времени бизнесменов. Если даже вдруг — представим невозможное — «Инкомбанк» перестанет существовать, этот значок останется в памяти сотен тысяч людей. А когда нынешние студенты и школьники заработают свои первые большие деньги, я думаю, они будут знать, куда нести их для хранения и преумножения.

— Большая часть ваших потенциальных клиентов все еще настороженно относится к коммерческим структурам. Пожилые люди зачастую смотрят на бизнесменов как на классовых врагов...

— И совершенно напрасно. В прошлом году «Инкомбанк» перечислил в бюджет города восемнадцать миллионов рублей. Эти деньги пошли как раз на помощь пенсионерам, инвалидам, на прибавку к зарплате учителям, в детские дома. Если мэрия будет активнее поддерживать коммерческие банки, мы сможем перечислять еще более солидные суммы...

«Инкомбанк» кредитует большие обороты торговых организаций, и вполне конкретная старушка благодаря нам может купить себе пальто по фиксированной государственной цене. А ведь эти кредиты — далеко не самые выгодные для нашего банка.

Около пяти миллионов рублей мы вы-

делили на всевозможные спонсорские программы, стараясь при этом как можно больше денег направить на культуру. «Инкомбанк» помог организовать гастроли Мстислава Ростроповича. Мы поддерживаем Третьяковскую галерею, Московский балет на льду, оперный центр «Арт», Фонд Андрея Тарковского, многие творческие коллективы. Мне кажется, это принадлежит «богатеям» в той же степени, что и небогатым людям.

— То есть вы стремитесь «соответствовать» своей рекламе, которая утверждает: «Инкомбанк» знает истинные ценности?

— Истинная ценность для нас — это наше доброе имя. Неписанный закон деятельности «Инкомбанка» — стремление не к максимальной, а к оптимальной прибыли. Есть у нас еще один девиз: «Ничто не слишком, но... step by step».

В нашей нищей стране нужно распределять национальное богатство очень осторожно, не углубляя по возможности пропасть между богатыми и бедными, не провоцируя социального взрыва. Если бизнесмены забудут о миллионах немущих людей, стоящих у них за спиной, повторится семнадцатый год. Мы не забываем. Поэтому вынуждены, например, искусственно урезать зарплату своим сотрудникам. Наши служащие получают раз в десять меньше, чем должны, исходя из финансовых успехов банка. Брокером на бирже работать намного прибыльнее. Но желающих работать с нами все больше. Коммерческий банк — это не столько деньги, сколько престиж, социальная стабильность, возможность реализовать себя.

— А вы лично реализовали себя, стоя у руля «Инкомбанка»?

— Мне кажется, я на верном пути. Но недоработок очень много. Я давно уже мечтаю дописать и защитить кандидатскую диссертацию. На это нужно три месяца. А банк пока не готов к тому, чтоб обходиться эти три месяца без меня. Значит, я не поставил еще дело как следует. Приходится очень много работать самому, по двенадцать—четырнадцать часов в сутки.

— Ваша супруга не обижается на то, что вы мало времени проводите с семьей?

— Она уже привыкла...

— А ваши дети?

— Они гордятся тем, что их отец — банкир.

Беседу вел Кирилл РЫБАК

Адрес «Инкомбанка»: 117420, Москва, ул.Наметкина, д. 14, кор. 1
Телефон /095/ 332-06-99 Телекс 412435 BANKI SU
Телефакс /095/ 331-88-33 Телетайп 111896 ВАЛИЗА

Об английском разведчике Джордже БЛЕЙКЕ, который долгие годы работал на КГБ, провел несколько лет в тюрьме на своей родине и бежал оттуда в Советский Союз, в последнее время написано немало. И все же остается неясным, ПОЧЕМУ высокооплачиваемый элитный офицер «Сикрет Интеллидженс Сервис» (СИС) пошел на предательство.

Встреча Дж.Блейка со студентами и преподавателями МГИМО, которая состоялась недавно, проливает свет на эту загадку.

СЛИШКОМ ХОРОШО ЖИТЬ — ТОЖЕ ПЛОХО

Почему Джордж Блейк стал работать на КГБ

Джордж Блейк отказался ответить на вопрос, когда точно он начал работать на советскую разведку. Но, судя по всему, произошло это в Корее в 1951 году. Что же его подтолкнуло к этому шагу?

По окончании второй мировой войны СИС направила Блейка в Германию с поручением создать там агентурную сеть. Но в это время «западный корабль» начал медленно поворачиваться в сторону СССР, и Блейку, молодому и перспективному разведчику, предложили учить русский язык. Он вернулся в Англию и оказался на славянском факультете Кембриджского университета. Отсюда и потянулась цепочка таинственных превращений, приведших Блейка в лагерь коммунистов. «С целью знакомства с противником, — вспоминает он, — нам дали пособие профессора Ханта «Теория и практика коммунизма». Читая его, мы увидели, что цели коммунистического строя не так плохи и даже привлекательны...»

К этому же периоду относится и разочарование Дж. Блейка в христианских идеалах, явившееся, как он сам говорит, переломным моментом в его духовном развитии: «Я перестал верить в то, что Иисус Христос умер во искупление наших грехов, а ведь в 16 лет я мечтал стать пастором... После этого в моей душе образовался духовный вакуум. Его надо было заполнить».

В это время историю России в Кембриджском университете преподавала Элизабет Хилл, дочь английского коммерсанта, жившего в Петербурге и женившегося там на русской. Она-то и привила Дж.Блейку ту романтическую любовь к России, которую он пронес через всю свою жизнь и в которой не разочаровался до сих пор. «Северные варвары» в сознании Дж.Блейка превратились в симпатичных людей.

В конце 1948 года Блейка в качестве резидента посылают в Корею. Задание было двойным: во-первых, постараться вербовать агентов для сбора сведений о Приморском крае и, во-вторых, создать агентурную сеть на случай захвата Советским Союзом части Кореи. Но вскоре начались военные действия между Северной и Южной Кореей. Северокорейские войска подошли к Сеулу, откуда в спешном порядке все официальные представительства и консульства, кроме французского и английского, были эвакуированы. «До последнего дня мы не верили, что Англия или Америка будут участвовать в войне против Северной Кореи. Но это случилось, и уже через четыре дня мы были взяты в плен и увезены в Северную Корею», — вспоминает Дж.Блейк.

В лагере, куда он попал, содержалось около 750 человек: сотрудники английского и французского представительства, миссионеры и пример-

но 700 пленных американских солдат. Настроение у интернированных было хорошее: кормили неплохо, да и союзные войска продвигались достаточно быстро. Неожиданно осенью 1950 года американцы «завязли» на 38-й параллели, и война приняла затяжной характер. Лагерь был переведен ближе к границе с Китаем, в труднодоступный горный район. Блейк попытался бежать, но был задержан на линии фронта и возвращен обратно...

Пленных гнали пешком 14 дней. Шли без отдыха, а тех, кто не мог идти, пристреливали. По мнению Дж.Блейка, это было даже гуманно, ибо на долю живых приходилось больше пищи (спрессованный кусок жареного риса размером с теннисный мяч), а слабые все равно умерли бы... Из 700 американских солдат 400 скончались от дизентерии. Ранее их гарнизон размещался в Японии, и они не были приучены к подобным лишениям. «Спокойная жизнь развращает солдата. Слишком хорошо жить — тоже плохо!» — абсолютно серьезно, но все-таки с налетом легкой иронии, заключил Блейк. «Из европейцев же, — продолжал он, — умерло всего десять человек, вероятно, потому, что они привыкли к жизни в Корее и специфической местной пище».

Пленные часто попадали под американские бомбежки. «Мне было стыдно, когда огромные американские самолеты бросали бомбы

В связи с большими потерями американцы в борьбе против Народной армии Кореи используют в качестве пехотников пвааров.

Рис. Н. ЛИСА

— Господин офицер, я не при чём, я эту кашу не заваривал!..

на хрупкие деревянные дома корейцев. Северокорейские солдаты напоминали партизан и борцов сопротивления фашизму в Европе. Я симпатизировал им».

Единственным, кто оказывал пленным гуманитарную помощь, было советское посольство. Однажды они получили несколько книг: «Остров сокровищ» (на ан-

лийском языке), книгу В.И.Ленина «Государство и революция» и два тома «Капитала» К.Маркса (на русском). Из всей группы европейцев русский язык знали только Блейк и английский посланник. К сожалению, во время одной из бомбежек последний потерял очки... И Джордж Блейк вслух читал ему «Капитал». Читая, английский разведчик все

больше и больше убеждался в том, что у социализма есть будущее. Посланник тоже был уверен в этом. Его, в частности, поражало то, что Россия поднимает народы Средней Азии до своего уровня, чего никогда не делали англичане в своих колониях. Постепенно Дж.Блейк пришел к выводу, что «в России строят новое общество» и он хочет в этом участвовать. Но как?

Нужно было решиться: либо ждать окончания войны, возвращаться в Англию и вступать в ряды коммунистической партии, что не только означало бы конец карьеры профессионального разведчика, но и могло привести к преследованию со стороны официальных властей; либо передать сведения, которыми он обладал по роду службы, советской разведке, предав свою страну и коллег. Джордж Блейк выбрал второй путь.

Был ли набор причин, побудивших его к этому, достаточным, судить читателю. Но так или иначе Дж.Блейк стал советским разведчиком.

Работа Дж.Блейка на советскую разведку шла успешно в течение десяти лет, но после провала в 1961 году карьера действующего профессионального разведчика для него закончилась. Блейк был осужден и приговорен к 42 годам тюрьмы. В 1966 году бежал в СССР, где повторно женился, и теперь под именем Георгия Ивановича Блейка живет среди нас, получая приличную пенсию...

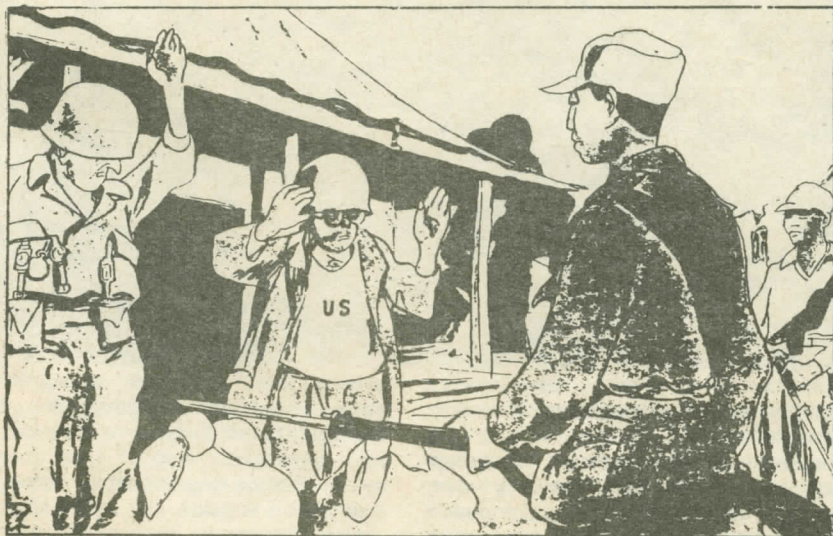
Он не мыслит себя без России. Слушая Блейка, невольно ловишь себя на мысли, что говоришь, хотя и с сильным акцентом, наш, советский человек. Его неторопливая речь постоянно перемежается фразами и выражениями типа: «наша действительность», «...я счастлив здесь, мне трудно вместе со всеми», «...время призвало меня, я ни о чем не жалею».

Он ни в чем не раскаивается и утверждает: «У социализма есть будущее. В то время в нашей стране в него верили больше. Да и во всем мире тоже. Жаль, что эта вера частично утеряна. Жаль. И все равно я верю...»

Юрий ЮРЬЕВ

НЕ ТАК СТАЛОСЬ, КАК МЕЧТАЛОСЬ...

Рис. Л. ВРОДАТЫ

— Прогадали мы с тобой, Джим: в Америке грабить куда безопаснее!

Карикатуры из журнала «Крокодил» № 27 за 30 сентября 1950 г.

САМЫЙ МОЛОДОЙ МИФ

Среди ряда экспериментов по созданию цельного мифа на основе индивидуальной биографии «булгакиаде» принадлежит, несомненно, почетное место. Сила булгаковского мифа — в относительной молодости и мощной потенции. Если лениниана показала готовность к самоисчерпанию, завершившись изданием «Биохроники» и бесконечных «записок на манжетах» вождя революции, если пушкиниана, переводя дух от двух легендарных вех (1880, 1937), сама себе разрешила во имя жизнеспособности фривольные «прогулки» с героем, то на Патриарших все пока что всерьез и надолго: помимо наикрупнейших тиражей и превосходства над Лениным по части юбилейных публикаций (тех, кто подсчитывает, прошу не забыть и эту) не зарастает тропа народного вчувствования («вруба») в живую плоть мифоконструкции. Пальцы помнят дрожь при ручном перелистывании журналов «Москва» с первой публикацией «Мастера и Маргариты». Девочки, дышащие цитатами, не теряют безумного выражения глаз и, по правде говоря, не верят высоколобым булгаковедам насчет отсутствия всякого вмешательства inferнальных сил в жизнь и творчество кумира. На Таганке продолжает исправно что-то взрываться и летать. А граффити на стенах того самого подъезда того самого дома продолжают появляться.

Ужас и отвращение при виде периодически выбрасываемых на свалку и подвергаемых сомнению «лавров и пенатов» закономерно ищут выход в создании интимных антропоморфных культов. Стремительная смена целых пластов (чтобы не сказать — типов) общественного сознания, происходившая последние 35 лет, породила своеобразный феномен «мифа периода демифологизации», являющегося, скорее, «а-мифом» (ср. «а-теизм»), который, может быть, и хорош именно тем, насколько сильно в нем отрицающее предыдущий миф начало. Пример Булгакова — из класси-

ческих. Провинциал (т.е. «человек ниоткуда»), нашедший нишу в довольно-таки плотно «укомплектованной» столичной культуре, ставший модным и даже знаменитым писателем, у которого к тому же после кончины оказался в столе роман, трактующий запредельные философские проблемы с живостью фелетона, а за столом — две (из трех) пишущие жены и довольноное количество друзей — такой набор «необходимых и достаточных» свойств в прибавление к обязательным в качестве структурирующего начала (а у Булгакова — очень ярким) «интимным» же отношениям со злым демиургом (Сталиным) — творцом «мифа отрицаемого» — не мог не сложиться в волшебную «сказку века рок-н-ролла».

В «а-мифе» о Булгакове (как и в других, посвященных созидателям «альтер-текста») важнейшей составляющей является мотив «непризнания» («непечатания») — знак собственно альтернативности на всех этапах, пока противостояние сохраняет смысл. Интересно, что такой мотив может получить развитие как раз в случае весьма значительного «признания» (модный при жизни, широко издаваемый впоследствии), которое между тем всегда есть возможность объявить неполным и недостаточным. Парадокса здесь нет: «параллельный» (а не «подпольный») в отношении официоза культурный ряд, чтобы быть заметным до степени легального «знамени», должен проводиться жирной чертой, а не пунктиром. Изданного недавно в серии «Забытая книга» Конст.Вагинова никто не подумает объявить извлеченным «из-под глыб» новым откровением в силу совершенно неподходящего имиджа судьбы и творчества, а действительно «забытую» книгу, скорее всего, никто и не вспомнит. Что касается Булгакова, то ему грех жаловаться на творение Гутенберга, так пугавшее В.В.Розанова (человека иной культуры мифотворчества — индивидуальной) перспективой исчезновения этой индивиду-

альности: Булгаков «вышел в тираж» быстрее и легче многих своих современников. «Картина знакомства широкого читателя и зрителя с различными произведениями Михаила Булгакова, — писал в 1978 году председатель Комиссии по литературному наследию Булгакова К.Симонов председателю Гостелерадио С.Лапину, говоря о необходимости показа по телевидению фильма о писателе и перечислив в этой связи вышедшие уже к тому времени впечатляющими тиражами издания его произведений, спектакли и фильмы по ним, — поразила даже меня..»

Цитированное письмо экспонируется на солидной выставке «М.А.Булгаков. К 100-летию со дня рождения», открытой в славною своими литературно-хлебосольными заслугами «доме-музее Аксаковых», филиале Гослитмузея на Сивцевом Вражке. Выставка, собравшая реликвии из двух десятков архивохранилищ и частных собраний, удачным образом «не открывает нового»: человека, знакомого с «Жизнеописанием» пера М.О.Чудиковой, в центре залов ожидают приятные встречи с повседневной утварью мифа — здесь весь литературно-театральный Булгаков, от «Гудка» до последней редакции «Мастера» на последнем письменном столе и некролога в «Вечерней Москве» (кстати, вполне комильфотного). По стенам — «прах, убежавший тленья»: картины, гравюры, книги, журналы — счастливая посмертная жизнь. Казалось бы, всякий поклонник просто обязан прийти «на поклон» в эти уютные и чопорные стены. Нет. На выставке пусто — истые поклонники по-прежнему предпочитают камлания на Патриарших и в подъезде. Не потому ли, что в музее наивная дотошность демонстрации «реально сохранившегося» сравнима с жестокосердным жестом Петра Великого, показавшего в свое время, что из глаз «плачущей» Богородицы просто сочится лампадное масло?

Нет, Булгаков не нужен нам — оставьте нам «Булгакова» (поза-

имствуем у того же Розанова способ закавычивать имена, знаменуя их «отлипание» от субъекта). Когда культурная действительность напоминает гоголевскую кулебяку «на четыре угла», где каждый «угол» еще и полагает визави «с душком» и воротит от них нос, а жить «под одной

крышей» при этом как-то да надо — пусть процветают безвредные мифы впервые наставших времен, когда приоритет «жизни» пред «литературой» уже хотя бы не вне закона. Они, эти мифы, — может быть, единственно сохранный пространный наш общительной связи,

рудимент прошлой сладкой и трудной целокупности «а-существования», так обидно раздробившегося теперь. «Булгаков» нужен нам. Он хорошо пропечен. Он нас прикроет.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Николай КЛИМОНТОВИЧ

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

В середине лета вполне неприятная статья критика Аллы Латыниной «Когда поднялся железный занавес» (ЛГ, 24 июля 1991 г.) вызвала целую бурю в русском зарубежье. Меньше чем за месяц на нее успели отозваться Василий Аксенов и Владимир Войнович, парижский корреспондент «Свободы» Фатима Салказанова, Мария Розанова, редактор парижского «Синтаксиса», а собирались это сделать, если верить газете «Дем. Россия», и бывшие правозащитники Владимир Буковский и Александр Гинзбург. Внутри страны реакция была не столь бурной, но среди выступивших были и разгневанный поэт Татьяна Бек, и знаменитая Елена Бонэр. Все это объясняется, конечно, не исключительными достоинствами или недостатками статьи в ЛГ, но ее темой — темой российской эмиграции. Августовские события, включая исчезновение КПСС и распад Союза, отнюдь не сделали эту тему менее актуальной.

Одним из центральных пунктов дискуссии был такой — считать эмиграцию «третьей волны» «политической» или «экономической»? «Политиков», естественно, крайне раздражило, что их можно подозревать лишь в стремлении к повышению жизненного стандарта, и если учесть, что с некоторых из них наручники снимали только в Шереметьево, а другим открыто грозили кандалами и Владимиркой в случае если не отправятся с выездными документами в ОВИР, то подобные разговоры и впрямь звучат малопривлекательно. Но дело в том, что, говоря о «третьей волне», приходится констатировать, что политических эмигрантов в традиционном смысле этого слова, людей, которые, сидя в Лондоне и Цюрихе, только и делали, что готовили антибольшевистскую революцию в России, а когда она разразилась-таки, бросились на родину, чтобы успеть вовремя влезть на броневик, — таких революционеров в зарубежье не нашлось. Если не

считать, конечно, знаменитого Ростроповича, поспевшего на недолгие баррикады в августе.

Впрочем, что толку говорить о звездах эмиграции, то есть о примерах весьма штучных, ведь о мотивах и обстоятельствах каждого надо писать отдельные статьи. Имеет смысл вести речь о явлении, о десятках, если не сотнях тысяч соотечественников, которые начиная с конца 60-х и по наши дни со скарбом и домочадцами устремлялись из Отечества прочь (перерыв был недолог, пришелся он на начало 80-х, на годы агонии брежневского режима).

Называть эти толпы политически беженцами было бы явной натяжкой — большинство никаким репрессиям или преследованиям «за убеждения» не подвергалось, да и сомнительно, чтобы оно, это большинство, вообще брало в расчет какие-либо политические соображения. Но был ли этот повальный исход «экономическим»? Ведь эти люди бежали не от эпидемий, голода и недорода, как некогда крестьяне в города. И даже объяснение, что они искали «лучшей жизни» исключительно в экономическом смысле, вряд ли приложимо ко всем. Здесь было что-то другое, и остается припомнить лишь, что в некотором смысле эти два десятилетия уезжали все, и даже те, кто не уехали, — тоже уезжали.

В этом смысле 70-е были удивительным временем. Все слои городского населения так или иначе затронула эпидемия отъезда. Эмигрировали мясники и товароведы, рабочие и матросы, врачи и учителя, юристы, ученые, проститутки и лица свободных профессий; уезжали калмыки и грузины, татары и русские и многие из них вместе с евреями по израильским вызовам, что было весьма удобно властям, поскольку вне зависимости от национальности эмигрантов можно было клеймить как «сионистов».

Впрочем, власти вели себя, как и обычно, сумбурно и непредска-

зуемо. Начиная с того, что абсолютно неясно — чья была идея вообще выпускать людей из страны в таких количествах — не конференции же в Хельсинки. Министерством эмиграции, так сказать, являлось КГБ, но никаких конкретных и явных установок — кого выпускать, а кого держать — не только не оглашалось, но, похоже, вообще не было. Какие-то вызовы «терялись» на почте, какие-то — попадали в почтовые ящики. И потом они же исчезали при обысках, не внесенные в протокол. Вызовы приходили пачками, даже людям, никогда их не «заказывавшим», и большинство получателей недоумевало — означает ли это слово имя далекой «тетя» или название какого-нибудь кибуца. Можно сказать, возникла целая субкультура отъезда — свой язык, свой фольклор, своя история, традиция, мифология. Однако интересен не весь этот отъездной трагифарс сам по себе — важно другое: как могла вообще существовать страна, где, по крайней мере, четверть населения если и не «ехала», то обсуждала по ночам вопрос «ехать ли»? Никто, конечно, не может сосчитать число этих «внутренних эмигрантов», но, во всяком случае, оно было так значительно, что огромная часть населения оказалась подвержена своего рода цыганской психологии и весь этот многомиллионный табор не мог не превратиться в людей глубоко безразличных к окружающему, апатичных и малотрудоспособных. Отъездной синдром стал феноменом массового сознания, что хорошо иллюстрирует знаменитый анекдот о Брежневке, который на вопрос зарубежной актрисы — отчего он не открывает границы, — понимающе кивает: хотите со мной наедине остаться.

Не знаю, как объяснил бы Лев Гумилев это в своем роде уникальное явление в терминах этногенеза? И как Игорь Шафаревич — в понятиях «малого» и «большого» народов? Но когда огромная масса людей готова побросать родные очаги и мо-

гилы предков с тем, чтобы устремиться вон из державы, чаще всего не зная не только языков тех стран, что стали целью отъезда, но вообще не ведая, что их там ждет, — этого не объяснишь лишь мифом о райской жизни на Западе и происками вражеской пропаганды. По-видимому, в империи, где и оседлость была насильственной, обеспечивающейся режимом прописки и милицейскими паспортами, и перемены мест обитания огромных масс людей происходили под дулами автоматов и под лай собак, по-видимому, в такой стране в сознании народа неминуемо стираются такого рода ценности, как отеческие гробы и «малая родина», которая, может быть, и существует как некий абстрактный геобиоценоз, но перестает быть ценностью духовной. Недаром и в наше либеральное время крестьянская молодежь безо всякой жалости бросает родные гнезда и не такие уж скудные зачастую хозяйства, чтобы поселиться в многоэтажных серых каменных бараках на уродливых окраинах бесформенно расплывшихся городов.

Если искать односложного объяснения, то оно в слове «рабство». Подозреваю, что это произнесенное вслух слово в простенькой и сбивчивой статье в ЛГ и задело многих из ее оппонентов — как писала Елена Боннэр, эта статья вызвала «смесь обиды и раздражения». Да, там было и поверхностное интеллигентское высокомерие прочитавшего «Архипелаг» еще в манускрипте и под одеялом. Но стоит вспомнить, что выпускники спецшкол, как правило, очень скачут на первом курсе университета — они это уже проходили; а с третьего их часто исключают за неуспеваемость... Но пуще всего другого неприемлемым оказался подспудный намек: мол, уезжавшие делали это из «рабского страха», а вот мы, оставшиеся, остались из одной надмирной свободы духа и силы внутреннего противостояния.

Справедливости ради надо заметить, что эмигранты в большинстве не скрывают такого же приблизительно мнения, но только повернутого наоборот: мы, уехавшие, явили героизм, предприимчивость, способность бунтовать и быть свободными, а они, оставшиеся, — остались рабами. Это отчасти напоминает ситуацию прошлого века, когда крепостные крестьяне, ставшие «городскими», свысока отно-

Фото Э. Кудрявицкого

сились к своим лапотным деревенским собратьям, а те в свою очередь осыпали их насмешками за лакейские перчатки и употребление двух-трех французских слов. Однако в этом споре, по-видимому, и впрямь дело зашло далеко, если отличный писатель, милый и неглупый человек, всерьез и с пеной на губах доказывает, что, несмотря на выданную ему двухкомнатную квартиру в Москве и возвращенное гражданство, он останется в эмиграции, хоть эмигрантом себя не считает, пока к нему будут обращаться не «уважаемый», а, кажется, «дорогуша». И это потому, что Латынина в своей статье затронула еще одну скользкую тему — для нее, похоже, главную, — почему «они», т.е. эмигранты, не возвращаются?

Перебранка в этом духе продолжалась бы бесконечно, если бы не августовская почти «бархатная» контрбольшевистская революция. В три дня разговоры этого рода стали по меньшей мере второстепенными. И в первую очередь потому, что — и в это трудно поверить эмигрантам, не видевшим всего, что происходило у нас в те дни и после них, — мы оказались другими, чем были прежде. Не враз оказались, но враз проявились — другими. Я, не так давно с сарказмом писавший о наших женщинах, поголовно только и мечтающих отъехать замуж куда угодно и с кем угодно, но только с иностранцем, испытал известную долю

стыда, увидев этих самых молодых женщин, с цветами карабкающихся на БТРы. И услышав от своей приятельницы: «Я столько раз могла уехать, но именно в эти три дня ни разу не пожалела, что этого не сделала». И узнав апокриф о даме, отказавшейся в дни переворота от брака с французом. И еще — длинную череду подобных историй, высказываний, а главное — поступков.

Тот же Ростропович говорил в Москве, что испытал гордость за свой народ — быть может, впервые в жизни. И, право слово, мы, скептики и циники, долго и нудно нывшие о наступлении реакции и неготовности интеллигенции к этому наступлению, не могли не поразиться: именно готовностью, солидарностью, внутренней свободой, с какой мы все встретили этот путч.

На этом фоне спор «отчего они не возвращаются?» впервые, может быть, получил какое-никакое завершение: в те дни их с нами не было. Конечно, конечно, не войти два раза в воды Стикса, конечно, никуда никогда нельзя вернуться — все это банально, но верно. Но ведь и другая банальность верна: от себя не уедешь. Была верна. Но мы, кажется, ушли-таки от себя. И, похоже, можно надеяться, что теперь всякий из нас, усвоив этот опыт, будет свободно решать — где и от чего ему уходить. Куда уезжать и когда возвращаться.

ТОТАЛИТАРИЗМ — ЭТО НЕТЕРПИМОСТЬ

Теперь положено, чтобы кумир публики в застойные годы отсидел в психушках и лагерях. Остальных мы клеймим как конформистов, отнимая порой право человека на порядочность в рамках собственной судьбы. Судьба Татьяны Назаренко сложилась во многом — почти во всем — очень удачно. Она без усилий попала в художественную школу, после Суриковского занималась в творческих мастерских Академии художеств, участвовала в бесконечной череде выставок «Слава труду», «По Ленинскому пути», «Молодая гвардия Страны Советов», «Мы строим коммунизм». Это, а главное, думая, везение и талант позволяют сегодняшним молодым и зубастым небольшевикам-перестройщикам нападать на Таню, кстати, довольно мелко и глупо. Нет смысла переходить на трамвайную полемику и выяснять, где были шумные прогрессисты до 85-го года. Но вспомните — ведь не было почти никаких других выставок, кроме посвященных энциклопедическим «летиям» Октября, на них стремились попасть все, правдами и неправдами камуфлируя оппозиционное под официальное.

Хотя как любимую и удачнейшую вспоминает Татьяна Назаренко выставку, которую сама устроила в 82-м году в Быкове. Напечатала программку, пригласила человек тридцать знакомых и выступила с подобием творческого отчета о том, что сделала за лето на даче. Ведь несмотря на официальное признание, далеко не все ее работы были годны для манерных смотров. Но не буду я и моделировать несуществующий нимб мученицы Назаренко, от разгромов на художествах ее довольно долго охраняла инерция премии Московского комсомола и ярлык автора исторической живописи. Словом, как говорил какой-то литературный персонаж, «жизнь такова, какова она есть, и больше никакова» — Назаренко известный мастер, вполне благополучный, уже хотя бы потому, что, пользуясь искусствоведческим клише, она состоялась как живописец.

Первая персональная выставка у Тани была в Одессе в 1987 году и оттуда проделала триумфальный путь через Киев, Львов, Германию и Москву до края непуганых любителей соцарта — вождельных Штатов. Тогда о ней написали, пожалуй, все наши издания, и специализированные, и массовые, ведь на экспозиции, охватывающей 20 лет творческой деятельности, отлично видна динамика развития художника. Тут уж, по моему, сложно было не заметить, что скрывали несколько официальные одежды, например, исторических полотен, первое из которых — «Казнь народовольцев» —

принесло ей одобрение секретарей СХ и придворной критики.

— Тогда некоторые коллеги перестали мне подавать руку, — вспоминает Татьяна Назаренко, — слишком сильны стереотипы, воспоминание о залах старой Третьяковки, где висели огромные мрачные полотна академиков в богатых золоченых рамках. Историческое полотно воспринималось только в ракурсе реконструкции прошлого, которую делает карьерист. Не могла же я подойти к каждому и шепнуть на ухо: «У меня были совершенно другие цели... Посмотрите на лица моих народовольцев и декабристов...» Меня волнует история, отраженная в глазах современника. Кстати, историю у нас вообще знают очень плохо, это и последствия государственной политики забвения правды, но это еще и какое-то наше особенное свойство, родное привычке поносить, низвергать, делить мир на два цвета. Мне кажется, этого нет больше ни в одной стране, аналогии можно найти только где-нибудь на заре цивилизации. В 20-х годах левые художники обвиняли правых в контрреволюционности, наши замечательные авангардисты — Малевич, Татлин, Мейерхольд — комиссары искусства, ходили с маузерами на боку и готовы были пристрелить кого-нибудь, смиренно пишущего березки, зато потом тихие традиционалисты расправились со своими оппонентами самым кровавым образом. Сейчас все повторяется. Когда-то музеи

Витебска избавились от всех до одной работ Шагал, сегодня выбрасывают картины других ушедших в прошлое направлений.

Это-то и есть тоталитаризм — нетерпимость. Всегда можно ждать, что завтра жизнь повернется вспять. История мстит за ее незнание. Молодые художники всегда тем или иным образом отталкиваются от своих предшественников, мы отказывались от мастеров «сурового стиля» и обращали взгляд на искусство раннего Возрождения и фольклор, нынешние — обираются через голову «семидесятников» к русскому авангарду. Это естественный путь искусства, совсем не нужно следовать художественным поискам друг друга, но надо уважать их право на жизнь.

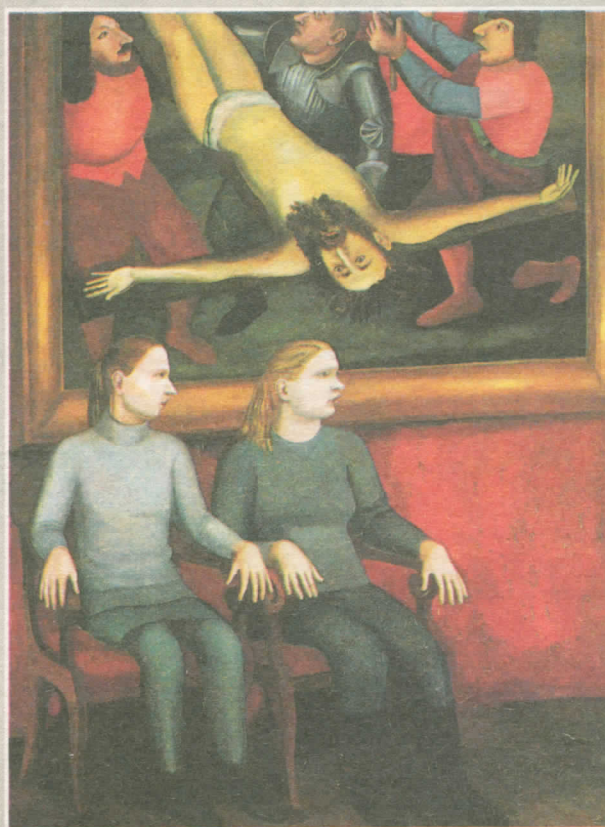
Меня когда-то поражало, что старшие не ходят на выставки моего поколения. Теперь я вижу, как многие мои товарищи совершенно не интересуются тем, что делает сегодняшняя молодежь. Парадоксальная ситуация: как-то просидела я целый день на конференции МОСХа, где дебатировался вопрос, быть или не быть союзу. Выступив, проголосовав, спорив с бодрыми старичками, крепко держащимися за отжившие структуры, вечером я попала на открытие выставки в частной галерее Марата Гельмана. Будто бы перенеслась в другой век, в другую страну, там немножко говорили по-русски, только по этому я заключила, что нахожусь в России. Другие разговоры, другое искусство... Не знаю, что из этого — реальная жизнь.

Она бесконечно рисует это удивительное соединение действительности и абсурда, находя в жизни черты идиотизма и невозможности, а в абсурде — узнаваемые приметы повседневности, смешивая пространственные и временные пласты, видя неизменную внутреннюю связь и взаимодействие прошлого с настоящим, размывая рубежи воображаемого и существующего. Метафора, беспощадный гротеск даже в автопортретах, карнавализация сюжетов и неожиданное филозофски-печальное внимание к незаметной человеческой жизни — таков язык полотен Татьяны Назаренко. Да, он социален и отвечает духу времени, но есть нечто, делающее этот язык не устаревающим, — его выстраданность. «Невозможно прикинуться искренним в искусстве, — говорит Татьяна Назаренко. — Я никогда не берусь за то, что меня не захватывает целиком, что мной не продумано, не пережито. В этом я максималистка».

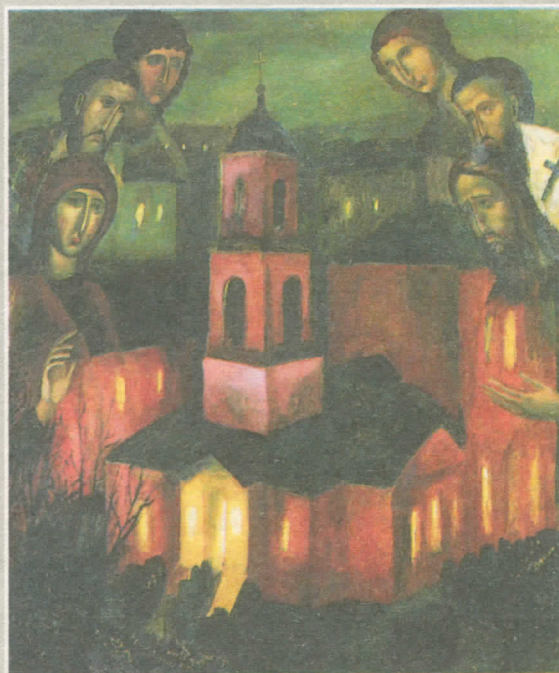
Марина КАМИНАРСКАЯ

«Трапеза», х.м., 1991 г.

«Девушки в музее», х.м., 1990 г.

«Пасхальная ночь», х.м., 1989 г.

